

Министерство культуры
Пермского края

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«ПЕРМЬ-36»

КВЧ

КУЛЬТУРА. ВЛАСТЬ. ЧЕЛОВЕК.

материалы публичных лекций

16+

Министерство культуры Пермского края
Уполномоченный по правам человека в Пермском крае
ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории
политических репрессий “Пермь-36”»

Культура. Власть. Человек

Материалы лекций

Пермь 2021

Составители: С.А. Шевырин, П.С. Аликин

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (2) 631
К906

К906 Культура. Власть. Человек : материалы лекций / сост.
С.А. Шевырин, П.С. Аликин. – Пермь : изд. ИП Худяков С.А.,
2021. – 172 с.
ISBN 978-5-398-02663-4

Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» в течение пяти лет организует цикл публичных лекций «КВЧ: культурно-воспитательная часть». В сборнике публикуются тексты лекций, прочитанных участниками проекта. В своих выступлениях лекторы «КВЧ» освещают проблемы исторической памяти, различные аспекты взаимоотношений общества и власти в Советском Союзе, политические репрессии, судьбы конкретных людей.

Сборник издан при поддержке Уполномоченного по правам человека в Пермском крае.

Для бесплатного распространения.

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (2) 631

ISBN 978-5-398-02663-4

© Уполномоченный по правам человека в Пермском крае, 2021
© ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Уполномоченного по правам человека в Пермском крае Павла Микова	4
Предисловие	5
<i>Измозик В.С.</i> Глаза и уши режима: формирование государственной системы политического контроля в 1918–1920 гг.	7
<i>Кантор Ю.З.</i> «На каждого интеллигента должно быть дело»: борьба с инакомыслием в первые годы советской власти	30
<i>Гордин Я.А.</i> Русские поэты и философы в эпоху красного террора	44
<i>Гонтмахер Е.Ш.</i> Принудительный труд в Советском Союзе: перегибы строительства коммунизма или неотъемлемая часть системы?	58
<i>Тихонов В.В.</i> Институт истории АН СССР и «дело» П.И. Якира	66
<i>Дегтярева М.И.</i> «Оглядываясь на тридцать седьмой»: дело «Общества трудового духовенства» (1937 г.). По материалам ПермГАСПИ	74
<i>Дегтярников В.В.</i> «Пермь – второй Иерусалим». Часть I. Преподобный Кукша в прикамских лагерях	112
<i>Колдушко А.А.</i> Архивно-следственные дела как источник изучения немецкой операции в Прикамье в 1937–1938 гг.	119
<i>Нечаев М.Г.</i> Место ссылки – Пермь: 300-летняя ретроспективная топология политического пространства	127
<i>Шевырин С.А.</i> Неизвестные страницы судеб ученых особых конструкторских бюро	145
<i>Веденеев А.Р.</i> «Отца арестовали в мой день рождения...»	157

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках первый и, надеемся, не последний, сборник публичных лекций, которые на протяжении нескольких лет звучали на различных площадках г. Перми в рамках культурно-просветительского проекта «КВЧ (культурно-воспитательная часть)». Это начинание реализуется Мемориальным музеем-заповедником истории политических репрессий «Пермь-36» при поддержке Администрации губернатора Пермского края и АНО «Инновации культуры». Куратором программы является доктор исторических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского института истории РАН Юлия Кантор. В своих выступлениях лекторы «КВЧ» освещают проблемы исторической памяти, различные аспекты взаимоотношений общества и власти в Советском Союзе, политические репрессии, судьбы конкретных людей. Среди участников программы: кинорежиссер, народный артист РФ Александр Сокуров, писатель Яков Гордин, исследователи советской истории, экономики и культуры Евгений Гонтмахер, Валерий Есипов, Владлен Измозик и др.

Основные слушатели «КВЧ» – студенты вузов и колледжей Перми, преподаватели, сотрудники музеев, библиотек и архивов, а также пермские журналисты. Музей-заповедник «Пермь-36» решает очень важную задачу – сохранение памяти жертв политических репрессий. При помощи публичных лекций в доступной форме транслируются научные сведения по этой теме, не всегда известные широкой общественности.

Большинство встреч проходило в Пермской государственной ордена «Знак Почёта» краевой универсальной библиотеке им. А.М. Горького, некоторые мероприятия состоялись в формате онлайн-трансляций. Сборник включает в себя материалы выступлений 2017–2021 гг.

Проект «КВЧ» зарекомендовал себя как одно из важнейших начинаний пермской общественности в области публичной истории. Надеюсь, что выход настоящего сборника стимулирует интерес читателей к тем острым проблемам, которые обозначены на его страницах.

*Уполномоченный по правам человека в Пермском крае
Павел Миков*

Предисловие

К читателю

Название настоящего издания – «Культура. Власть. Человек» – как бы отсылает читателя к аббревиатуре «КВЧ», хорошо известной историкам ГУЛАГа. «Культурно-воспитательная часть» при исправительно-трудовых лагерях и колониях должна была с помощью разных мероприятий – лекций, концертов, театральных постановок – «перековать» заключенного, тем более политического, изменить его мировоззрение. Музей-заповедник истории политических репрессий «Пермь-36» расположен на территории бывшей исправительно-трудовой колонии, ставшей в постсоветское время «местом памяти». В ее клубе и «красных уголках» в не столь уж давнем историческом прошлом проводились мероприятия культурно-воспитательной части. Потому и новую, научно-просветительскую программу, направленную на раскрытие «сложных вопросов истории», мы решили назвать, ассоциативно – КВЧ. Но сделать ее своего рода музейно-исторической «антитезой» тому, чем был наполнен ее прежний контент. Проект публичных лекций в формате открытой дискуссионной площадки, реализуемый музеем-заповедником «Пермь-36», посвящен проблематике, связанной с историей политических репрессий, инакомыслия, тоталитаризма.

За пять лет в лекционном цикле принимали участие самые разные люди. Это историки, музейные сотрудники, журналисты, публицисты, общественные деятели. Спикерами были, например, эксперт в области экономики профессор Евгений Гонтмахер, главный редактор радиостанции «Град Петров» протоиерей Александр Степанов, всемирно известный кинорежиссер Александр Сокуров. Был участником «КВЧ» и петербургский историк и писатель Яков Гордин, который много занимался историей творческой интеллигенции и репрессивной политики советского государства в отношении нее. Искусствовед Анна Суворова в своей лекции проанализировала творчество художника Александра Лобанова, не признанное официально, но отразившее в себе политические «изломы эпохи». Примечательно и выступление Юлии Русиной – доцента Уральского федерального университета, одного из немногих профессиональных исследователей нелегальной литературы СССР. Её лекция стала формой апробации монографии «Лица и судьбы самиздата».

Тексты, предлагаемые вашему вниманию, можно разделить на тематические блоки. Во-первых, это статьи, посвященные «общей» проблематике политического контроля в советском обществе, становления совет-

ского репрессивного аппарата, мировоззрению интеллигенции (публикации Я.А. Гордина, В.С. Измозика, Ю.З. Кантор, Е.Ш. Гонтмахера). Этот блок посвящен раннему периоду советской власти, разным сторонам формирования тоталитарной системы. Это и непосредственно политический контроль, поиск советской властью механизмов для его осуществления (на примере использовавшихся ранее и их адаптация под современные реалии), и борьба с инакомыслием, как следствие – с интеллигенцией, которую новая власть воспринимала главным его источником и проводником, и формирование системы принудительного труда в специальных учреждениях и в масштабах всей страны, и, наконец, осмысление того, как поэты, философы, ученые воспринимали эпоху, спасались от политических преследований и рефлексировали над своим положением.

Во-вторых, это работы, характеризующие исторические макро-процессы на конкретном региональном материале – политические репрессии в Прикамье. Таковы публикации историков М.И. Дегтяревой, А.А. Колдушко, С.А. Шевырина. В этом разделе на разных примерах раскрывается большая тема политических репрессий. Рассказывается и о деле «Общества трудового духовенства» (церковное «подполье», которое существовало в разных формах и в антирелигиозные кампании неизбежно подвергалось гонениям), о возможных и вероятных фальсификациях, необходимых для кампаний, и о «немецкой» операции, которая одновременно включала в себя репрессии против множества групп (и этнических, и религиозных, и социальных), и о репрессированных учёных, работавших в особых конструкторских бюро НКВД-МВД. В региональном контексте особо выделяется лекция М.Г. Нечаева, посвященная политическому пространству города Перми и политическому сознанию пермяков, формировавшемуся на протяжении трёх столетий.

Наконец, ряд материалов повествует о судьбах отдельных людей, так или иначе пострадавших от беззакония: историк В.В. Тихонов посвятил свою лекцию «делу» диссидента Петра Якира, журналист В.В. Дегтярников рассказал о жизненном пути преподобного старца Кукши Одесского, а протоиерей Артемий Веденеев поделился воспоминаниями о своем отце, художнике Рудольфе Веденееве, осужденном по политическому «пермскому делу».

Книга, которую вы держите в руках, – приглашение к размышлению и анализу недалекого прошлого, импульс к деполитизированному и беспристрастному диалогу об истории, которую нельзя забыть.

*Автор идеи и научный руководитель проекта «КВЧ»
Юлия Кантор,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН*

*Измозик Владлен Семенович,
доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета телекоммуникаций
имени проф. М.А. Бонч-Бруевича*

**ГЛАЗА И УШИ РЕЖИМА:
ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В 1918–1920 ГГ.¹**

Аннотация. Анализируется трансформация политического контроля в ранние годы советской власти. Дается определение этого термина и объясняется его бытование в условиях разных политических систем, определяются функции. Институциональное формирование политического контроля, которое закрепило его существование, произошло в России ещё при Николае I, и в дальнейшем оно видоизменилось. Начало XX в. характеризуется появлением элементов гражданского общества, что означало ослабление политического контроля. Позже большевики испытали потребность в удержании власти, а потому стали создавать свои институты для политического сыска – информационный отдел ЦК РКП(б), отдел особой информации Совнаркома, ВЦИК и ЦК РКП при РОСТА, политуправления армии и флота, Всероссийское бюро, ВЧК и т.д. Механизмы использовались разные, например, бюллетени и сводки о настроениях населения, перлюстрация, наблюдение за «ненадёжными» людьми и собраниями, система осведомителей. Например, показано формирование системы политического контроля в годы Гражданской войны как условие становления авторитарного и тоталитарного режимов.

Ключевые слова: политический контроль, политический сыск, советская власть, Гражданская война, перлюстрация, режим.

¹ Публичная лекция состоялась 01.04.2019 г. в Пермской краевой библиотеке им. А.М. Горького.

*Izmozik Vladlen Semenovich,
Doctor of History, Professor
SPb. State University of Telecommunications
named after prof. M.A. Bonch-Bruевич*

EYE AND EAR MODES: FORMATION OF THE STATE SYSTEM POLITICAL CONTROL IN 1918–1920

Annotation. The author analyzes the transformation of political control in the early years of Soviet power. The term «political control» is defined and its existence in the conditions of different political systems is explained, its functions are shown. The institutional formation of political control, which consolidated its existence, occurred in Russia under Nicholas I, and later it changed. The beginning of the twentieth century is characterized by the emergence of elements of civil society, which meant a weakening of political control. Later, the Bolsheviki felt the need to retain power, and therefore began to create their own institutions for political investigation – the information department of the Central Committee of the RCP(b), the Department of Special Information of the Council of People's Commissars, the Central Executive Committee and the Central Committee of the RCP at ROSTA, the political administration of the Army and Navy, the All-Russian Bureau, the Cheka, etc. Thus, the author shows the formation of a system of political control during the Civil War as a condition for the formation of authoritarian and totalitarian regimes.

Keywords: political control, political investigation, Soviet power, Civil war, perustration, regime.

Политический контроль – это «система регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций. Политический контроль всегда включает несколько основных элементов: сбор информации, ее оценку, принятие решений, учитывающих настроения различных общественных групп и призванных воздействовать в нужном для властей направлении, а также политический розыск и репрессии при наличии угрозы (реальной или мнимой) государству и обществу. Не отменяя репрессий, политический контроль предполагает определенный крен в сторону аналитической, предупредительной деятельности, участия в выработке ос-

новых направлений общегосударственной политики с точки зрения того, как они скажутся на социальной стабильности и устойчивости государства»¹.

Поэтому политический контроль – неотъемлемая черта жизни любого современного государства. В демократических странах контроль такого рода осуществляется в основном открыто, используя наличие оппозиционных средств массовой информации, регулярной системы выборов на всех уровнях и т.п. При сборе закрытой информации политический контроль здесь регулируется системой законов, защищающих права личности (неприкосновенность жилища, тайна переписки и телефонных переговоров, право на свободу получения и распространения информации и т.д.). Поэтому неизбежные попытки бюрократических структур выйти за рамки дозволенного грозят серьезными политическими последствиями.

В условиях же подавления оппозиции, запрета гласности и политического плюрализма политический контроль – обязательное условие формирования, укрепления и существования авторитарных и тоталитарных режимов. Его отличительной чертой является отсутствие какой бы то ни было законной основы или ее безнаказанное нарушение. Политический контроль при этом является одной из самых конспиративных сфер, а собранная им информация, как правило, имеет грифы «Секретно» и «Совершенно секретно». Необходимость политического контроля для руководства страны в этом случае обусловлена рядом причин. В обстановке запрета оппозиционных политических партий и групп, отсутствия свободной прессы и реальных выборов режим не может доверять собственным средствам массовой информации, выполняющим, прежде всего, пропагандистскую роль, и нуждается в относительно объективных данных о реальных настроениях и позициях населения. Во-вторых, политический контроль нужен для расправы с политическими противниками, для подавления любого инакомыслия. Поэтому в данном аспекте он неразрывно соединен с политическим сыском. В-третьих, политический контроль дает возможность целенаправленно формировать нужные режиму представления у различных социальных слоев.

Неверно считать, что политический контроль над населением возник в России лишь после октября 1917 г. В этом отношении большевики получили хорошо возделанную и удобренную почву.

Существовавший и ранее политический контроль обрел четкие очертания при Николае I, когда 3 июля 1826 г. было создано Третье Отделение Собственной Его Величества Канцелярии, объединившее функции политической полиции (жандармерии), политического сыска и следствия. Годовые отчеты III Отделения включали «нравственно-политические» обзоры, анализировавшие вопросы политического состояния империи и т.п. Ему на смену 6 августа 1880 г. был создан Департамент полиции Министерства внутренних дел как руководящий орган общей и политической полиции. Важнейшими источниками политического контроля являлись осведомители и перлюстрация. На основе внешнего и внутреннего агентурного наблюдения, перлюстрации с 1881 г. готовились ежегодные обзоры революционного движения, насчитывавшие по 200–300 страниц. В начале XX в. Департамент полиции стал издавать 2–3 раза в месяц литографированную газету с информационными материалами, которая рассылалась начальникам Охранных отделений. Кроме этого 10–15 раз в год выходил так называемый «Царский листок», представлявший солидный том объемом в 500–600 страниц. Он имел заголовок «Свод заслуживающих внимание сведений по Департаменту полиции» и включал данные о российской эмиграции, деятельности революционных организаций, о перлюстрированной корреспонденции². Вместе с тем было бы неверным преувеличивать масштабы полицейского контроля и политического сыска в дореволюционной России. Аппарат, осуществлявший эти функции, оставался сравнительно небольшим вплоть до 1917 г. Появление и развитие в стране элементов гражданского общества (Государственной думы, политических партий, оппозиционной прессы, общественных объединений и т.п.) становилось серьезной помехой для дальнейшего наличия незаконного политического контроля и сыска. Свержение самодержавия в феврале 1917 г., казалось бы, открывало возможности для ликвидации незаконных методов политического контроля и политического сыска, постепенного развития и укрепления тех начал правовой государственности, которые уже появились в России со времени реформ второй половины XIX в. Большевики в это время, по нашему мнению, не задумывались о проблемах политического контроля и политического сыска в случае своего прихода к власти.

Суровая реальность, превращение большевиков в государственников, стремление удержать захваченную власть требовали от Ленина и его соратников формирования, в частности, специальных структур для проведения политического контроля и политического сыска. Выражением этого быстро изменившегося подхода стало в том числе создание Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (с августа 1918 г. название изменилось: «по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности») 7 (20) декабря 1917 г. Необходимость политического контроля для руководства страны стала особенно ощущаться в условиях все более разгоравшейся Гражданской войны, с лета 1918 г. В это время на территории республики было прекращено издание оппозиционных газет и журналов, в июне-июле 1918 г. из состава Советов были в основном исключены представители оставшихся там оппозиционных социалистических партий: меньшевики, правые и левые эсеры и т.д. Росло недовольство значительной части крестьянства, рабочих Москвы, Петрограда и других городов своим экономическим положением. В этой обстановке правящая партия придает все большее значение получению достаточно объективной закрытой информации. Из законодательных документов исчезла формула о «неприкосновенности личности и жилища», обещанная в программе социал-демократов. В Конституции 1918 г. говорилось лишь, что, «руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции»³. Такая «резинковая» формулировка открывала широчайший простор для нарушения прав граждан, защищать которые обещали большевики.

Одним из первых каналов сбора политической информации о настроениях населения стала сама большевистская партия. Петроградский комитет РСДРП(б) уже 28 октября 1917 г. разослал по районам анкеты, в которых выяснялся вопрос об отношении масс к перевороту⁴. С марта 1918 г. Петроградский комитет РКП(б) стал собирать доклады агитаторов о положении на местах⁵. Постепенно эти материалы становились все более регулярными. Они обязательно отмечали настроение солдат и населения, но пока еще не

имели грифа секретности⁶. В мае 1918 г. Секретариат ЦК РКП(б) направил на места «Анкету ЦК РКП(б)», предлагая в сопроводительном письме партийным организациям регулярно посылать отчеты об их деятельности, влиянии партии на население и т.д. В июне был создан информационный или информационно-организационный отдел, преобразованный в начале 1920 г. в информационно-статистический. Там, в частности, велась книга докладов, принимаемых от приезжающих с мест⁷. В информационный отдел с мест начинают стекаться самые разнообразные материалы: протоколы партийных комитетов и собраний, отчеты организаций о проделанной работе и положении дел, ответы на рассылаемые анкеты, сведения из газет и т.д. Постепенно заметно стремление упорядочить всю эту информацию. На заседании Оргбюро ЦК 22 апреля 1919 г. И.В. Сталин внес предложение «выработать круг вопросов для партийных организаций городов, железнодорожных узлов, деревень и фронта». Оргбюро поручило это сделать информационному отделу, представив вопросник затем «на рассмотрение и утверждение»⁸. Уже с конца 1918 г. отдел начал составлять регулярные сводки о партийной жизни в провинции. Кроме характеристики чисто партийной работы значительное место в них уделялось настроениям населения. Например, в сводке по Тамбовской губернии в начале 1919 г. отмечалось: «Шацкий уезд. ... Отношение населения к советской власти озлобленное, что объясняется тем пьянством и безобразиями, которые проделывали советские работники (например, существовала “Советская яма” – публичный дом, где советские работники пьянствовали и развратничали)». В ежемесячном отчете Пензенского губкома за период с 19 декабря 1918 г. по 19 января 1919 г. сообщалось: «На почве неправильного распределения чрезвычайного налога (что встречается на почве крутых мер при его сборе, употребляемых советскими чиновниками, часто именующими себя коммунистами) растет недовольство среди темного населения, используемое кем следует для контрреволюционной агитации, недовольство в нескольких случаях вылившееся в восстание (Нижне-Ломовский уезд). Даже рабочее население ... в Нижне-Ломовском уезде настроено враждебно и видит в Советской политике источник всякого зла»⁹. Одновременно на местах в губкомх партии создаются информационно-статистические секции, в уездных комитетах эту работу предлага-

лось выполнять или специально выделенному информатору или непосредственно секретарю партийного комитета.

Делались попытки проводить еженедельное анкетирование членов партии «по вопросам общего состояния работы на предприятии, учреждении, настроения рабочих и служащих». В анкете для коммунистов Смольнинского района г. Петрограда были такие вопросы: «2. Может ли определить общее настроение рабочих и на каких данных основывается: а) слышал ли или участвовал в разговорах рабочих об их нуждах и о порядках на предприятии, в учреждении или части, б) не было ли нареканий на непорядки, злоупотребления, грубое обращение администрации или ответственных работников (указывать факты). ... г) не было ли разговоров, показывающих отношение к коммунистам». При этом указывалось, что «ответы на вопросы должны даваться подробные, а не отделяться словами “да” и “нет”. Отвечая на этот пункт, в некоторых анкетах указывалось: «В присутствии членов коллектива от таких разговоров воздерживаются»¹⁰.

К 1921 г. информационный подотдел ЦК РКП(б) имел уже более устойчивые связи не только с губкомами, но и со многими укомами партии. В циркулярном письме ЦК РКП(б) в ноябре 1920 г. укомам напоминалось, что кроме протоколов и отчетов они должны обязательно присылать «программу ежемесячных сведений», которая «составляется и отсылается не позднее 5 числа следующего месяца»¹¹. Такая «программа ежемесячных сведений» содержала в себе 36 вопросов. Одновременно составлялись сводки о положении в губерниях, включавшие 12 вопросов. Один из них назывался – «Настроение населения». Используя эти материалы, инструктора ЦК с декабря 1920 г. стали вместо сводок составлять ежемесячные доклады и докладные записки по отдельным вопросам¹². Но вся эта, казалось бы, стройная система сталкивалась с реальной действительностью: слабостью и малочисленностью тогдашнего партийного аппарата, отсутствием необходимых кадров, умеющих грамотно и толково составить необходимый отчет, суровыми условиями Гражданской войны и т.п. Поэтому на самом деле отчеты поступали весьма нерегулярно как от местных организаций в губкомы, так и из последних в ЦК.

Одновременно стремление иметь информацию для узкого круга доверенных лиц привело к созданию в сентябре 1919 г. Отде-

ла особой информации Совнаркома, ВЦИК и ЦК РКП при РОСТА. Заведующим иногородними отделами РОСТА предлагалось для этого отдела сообщать, в частности, следующие сведения: «Отношение населения к Советской власти, ... наблюдается ли в широких слоях крестьянской бедноты и рабочих озлобление против Советской власти, ... партийных организаций и отдельных работников; каково отношение середняков, мелкой и средней буржуазии к Советской власти., все яркие сведения политической и общественной жизни, положительные и отрицательные, злоупотребления, недостатки советского механизма, деятельность отдельных видных работников, сообщения, носящие разоблачительный характер и т.д.». Для составления сводок Отдел, кроме сообщений своих корреспондентов, партийных ячеек и т.п., использовал сведения «осведомительных органов советских учреждений, как ВЧК и МЧК, Наркомпути, Наркомвнудел, Наркоминдел и др.». Особо подчеркивалось, что «все работники в нем (*отделе – прим. авт.*) коммунисты и собрание и передача материалов обставлены достаточно секретно»¹³ Сводки отдела объемом обычно в одну страницу рассылались примерно в 20 адресов: В.И. Ленину, Л.Б. Каменеву, Ф.Э. Дзержинскому и другим деятелям партии и государства¹⁴. Отметим также, что в это время уже особое внимание уделялось вопросу о политической благонадежности корреспондентов РОСТА. Руководитель агентства П.М. Керженцев докладывал в ЦК РКП(б), что «был произведен отбор корреспондентов, и все мало-мальски сомнительные в партийном отношении, были исключены из списков», а для приема новых корреспондентов требовалась рекомендация местного партийного комитета¹⁵.

ЦК РКП(б), уже ставшему в годы Гражданской войны подлинным руководящим политическим центром РСФСР, были необходимы и другие каналы политического контроля над населением с более четко отлаженной организационной структурой. С начала 1918 г. огромное значение для политического руководства имели данные, поступающие через информационные органы Красной армии.

Военные органы имели широко разветвленный аппарат, а также старые кадры, способные выполнять эту работу. Пожалуй, первым их видом при новой власти стали суточные информационные сводки Наркомата по военным и морским делам, со-

ставлявшиеся с середины декабря 1917 г. Они имели объем от 5 до 10 машинописных страниц и включали сведения об организации новой армии, положении на отдельных боевых участках. Одновременно здесь содержались данные о реакции населения на действия властей. Типичными для 1918 г. были сведения о нежелании населения различных губерний выполнять декрет о мобилизации в армию, об анархическом поведении различных отрядов Красной армии. Так, в одной из сводок говорилось, что «проходящим эшелонам из Москвы в Лиски открытой стрельбой разогнан реквизиционный отряд, расхищены и розданы мешочникам много муки, печеного хлеба и яиц»¹⁶. Один из экземпляров этой сводки, имевшей гриф «Секретно», поступал В.И. Ленину.

О настроениях воинских частей одновременно говорилось в оперативных сводках Оперативного отдела Наркомвоенмора о положении дел на внутреннем и внешнем фронте. Они готовились с первых же дней новой власти и были продолжением системы, которая существовала все годы Первой мировой войны. Объемом всего 0,5–1 машинописную страницу, имевшие гриф «Секретно», эти сводки в нескольких фразах отмечали настроение воинских частей. И хотя на них ставился гриф «В. (весьма – прим. авт.) Секретно», а в ряде случаев надпись «т. Ленину в собственные руки», их информационная значимость была не слишком высокой. Например, в еженедельной сводке на 16 августа 1918 г. давалась следующая характеристика настроению армии: «На внешнем фронте: бодрое. На внутреннем фронте: удовлетворительное». Сводка на 14 сентября так описывала положение на Восточном фронте: «Храбрые бойцы рвутся на новые подвиги, заражая своим энтузиазмом местное население. Идея коммунизма внедряется в самые глухие уголки и начинает давать блестящие результаты»¹⁷. С марта 1918 г. готовили суточные сводки осведомительные отделы окружных военных комиссариатов. Сведения с мест, как правило, передавались по телефону (прямому проводу) и оформлялись в весьма сжатом виде (1–2 страницы)¹⁸. Оперативный отдел Наркомвоена на основании ряда источников готовил свою еженедельную сводку о моральном состоянии войск по военным округам¹⁹. После образования в сентябре 1918 г. Полевого штаба Реввоенсовета Республики еженедельные сводки составляла политическая часть комиссара Полевого штаба. В них освещались, сре-

ди прочего, вопросы боеспособности частей, настроения населения²⁰. На местах политсводки готовили политуправления армий и фронтов. Ежедневные сводки фронтов рассылались в 10–12 адресов, включая обязательно ЦК РКП(б), Совнарком, Реввоенсовет²¹. В 1919 г. появились еще бюллетени Центрального бюро информации и связи при Наркомвоенморе (3–4 страницы каждый), политические двухнедельные сводки осведомительного отдела Политико-просветительного управления, имевшего свою вертикальную структуру вплоть до уездов.

Но основным органом военного ведомства, дававшего регулярную политическую информацию о настроениях в армии и среди населения, являлось Всероссийское бюро военных комиссаров, действовавшее с апреля 1918 г. и впоследствии реорганизованное в Политуправление РВСР (апрель-май 1919 г.). Информационный отдел Всероссийского бюро военных комиссаров докладывал, что «имеет целью освещать вопросы формирования и жизни армии в связи с общим настроением населения и другими обстоятельствами. Получаемые ежедневно телеграфные сводки от штабов армий, окружных и губернских военных комиссариатов служат материалом для бюллетеня отдела, которые рассылаются лицам, стоящим во главе армии, а также окружным и губернским комиссариатам»²².

В этом кратком ежедневном информационном бюллетене объемом 1–3 машинописных листа указывались источники поступивших сведений и их краткое содержание. Здесь давалась характеристика положения с продовольствием, отношения населения к различным видам мобилизации (военнообязанных, лошадей и т.д.), поведения красноармейских частей и т.п. Так, в бюллетене № 264 за 24 декабря 1919 г. имелась выписка из политсводки 13-й армии от 16 декабря, что «военкомдив Бутнер просит принять меры против грабежей и насилий над гражданами, совершенных корпусом Буденного, особенно 11 кавалерийской дивизией»²³. Даже такой краткий бюллетень имел от 10 до 15 машинописных страниц.

Но кроме этого Политуправление РВСР (ПУР) готовило гораздо более объемные двухнедельные и месячные бюллетени. Например, информационный бюллетень № 3 ПУРа за период 1–15 июля 1919 г. насчитывал 78 страниц. Здесь давалась достаточно подробная характеристика политического состояния Красной армии по двум основным разделам: «Тыл» и «Прифронтовая полоса». Внутри

раздела «Тыл» описание шло по военным округам и губерниям, а в разделе «Прифронтовая полоса» – по фронтам, армиям и другим боевым единицам. Здесь же давалась в ряде случаев и характеристика принятых мер. Например, при описании настроений в московском гарнизоне отмечалось, что во 2-й караульной роте по охране Симоновских патронных складов «настроение удовлетворительное». Однако «на столе в караульном помещении обнаружена надпись “Долой преступную агитацию большевиков, так они погубили дело революции”». В результате «подозревается помощник писаря, за которым ячейкой установлен надзор». В 36-м запасном полку «на собрании вынесена резолюция о прекращении «Гражданской войны в трехдневный срок, выступавшие ораторы арестованы»²⁴. Вся эта работа требовала, конечно, мощного бюрократического аппарата. В конце 1919 г. ПУР РВСР докладывал в ЦК РКП(б) о том, что в настоящее время в его штате имеется до 600 сотрудников, а в каждом из политуправлений округов и политотделов армий около 100 человек, ибо «привлечение военных специалистов в Красную армию с первых же дней породило необходимость создания Политического Контроля (так в тексте – прим. авт.) над их деятельностью»²⁵. Сводки убедительно показывают, что политический контроль был установлен не только и не столько за «военспецами», сколько за всей массой военнослужащих и местного населения. Поэтому в проекте штатного расписания всех крупных военных структур предусматривались соответствующие подразделения.

Вся огромная масса получаемого с мест информационного материала в кабинетах ПУРа в 1919–1920 гг. сводилась еще, кроме бюллетеней и сводок, в специальные таблицы о боеспособности, настроении и дисциплине в частях действующей армии. В этих двухнедельных таблицах имелись следующие графы: «Настроение» (с подпунктами: «плохое, удовлетворительное, хорошее»), «Уровень сознательности» с делением на случаи проявления «высокого уровня» и «низкого уровня», «Отношение к Советской власти», «Отношение к коммунистам» и т.д. Все это выражалось в цифрах и направлялось руководству, в том числе В.И. Ленину, для ознакомления²⁶.

Но в эти красивые бюрократические схемы властно вторглась действительность. Поэтому в докладе Политико-просветительского управления Приуральского военного округа признава-

лось, что хотя за неподачу сводок налагаются взыскания, по Екатеринбургской губернии поступает лишь 50 % их. Если все же количество подаваемых сводок увеличивалось, то качество их, говорилось в документе, «улучшилось мало»²⁷. Бессодержательность многих донесений и невозможность обработать столь обильный материал отмечалась политотделом 6-й армии²⁸. Но при всех этих недостатках, при том, что собиравшиеся материалы в ряде случаев дублировали друг друга, готовились иногда в одном месте (Оперативном отделе Наркомвоена), затрагивали множество разных вопросов (снабжение, фураж, оружие, потери и успехи войск, боеспособность и т.д.), но в целом создавали выразительную картину положения дел и реальных настроений не только военнослужащих, но и различных слоев населения.

Еще одним специфическим источником осуществления политического контроля стала перлюстрация, проводившаяся в эти годы, до лета 1920 г., через органы военного ведомства. 6 октября 1918 г. при Полевом штабе Реввоенсовета Республики был создан военно-цензурный отдел, входивший до конца ноября 1919 г. в состав Регистрационного управления (первоначальное название Разведывательного управления) Красной армии. Приказом РВС от 27 ноября 1919 г. он стал самостоятельным отделом при РВСР, подчиняясь непосредственно комиссару Полевого штаба²⁹. 23 декабря 1918 г. РВСР утвердил «Положение о военной цензуре», введившее «контроль всей печатной продукции, радио, телеграфа и телефона, а также просмотр международной и по мере надобности внутренней почтово-телеграфной корреспонденции» и «контроль над переговорами по иногороднему телефону»³⁰. Но это не была еще перлюстрация в подлинном смысле слова, а официальная военная цензура. Между тем в ходе Гражданской войны власть все более ощущала необходимость контроля за настроениями населения, в том числе и при помощи именно перлюстрации, сочетая это с задачами политического сыска.

К марту 1919 г. официальная военная цензура превратилась в службу перлюстрации. Об этом свидетельствуют инструкции для цензоров почтовой и телеграфной корреспонденции. Здесь подчеркивалось, что «цензура корреспонденции, идущей из Красной армии и в Красную армию, производится секретно, вскрывается осторожно, тщательно заклеивается, никаких цензурных штампов на ней не

ставится и в тексте ничего не вычеркивается»³¹. Военная цензура на основании просмотренной корреспонденции дважды в месяц направляла специальные сводки не только в Реввоенсовет Республики, но и руководителям коммунистической партии и советского государства.

Таким образом, в ходе Гражданской войны военное ведомство (Наркомат по военным и морским делам и Реввоенсовет Республики) организовали разнообразную систему информирования через свои структуры о настроениях военнослужащих и населения. Была создана достаточно четко отлаженная вертикальная система подачи ежедневных, еженедельных, двухнедельных и месячных сводок, бюллетеней, докладов и обзоров, охватывавших самые различные вопросы повседневной жизни Красной армии и мирного населения. Эти материалы в ряде случаев дублировали друг друга, готовились иногда в одном месте; затрагивали, помимо проблемы политического контроля, множество других тем (болезни, снабжение армии, положение с продовольствием в различных районах и т.д.).

При всей важности информации, получаемой от военного ведомства, сбор данных о настроениях населения был, хотя и неотъемлемой, но все же, конечно, не основной частью его деятельности. Новой власти требовалось учреждение, для которого организация и осуществление политического контроля над населением должна была стать одной из главнейших задач. Таким органом стала Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ВЧК).

18 марта 1918 г. решением Коллегии ВЧК был создан Иногородний отдел, в составе которого было предусмотрено Информационное бюро для связи с территориальными ЧК и получения сведений³². Одной из важнейших задач органов ВЧК становится сбор информации о настроениях и поведении самых различных групп населения. Вторая Всероссийская конференция ЧК, проходившая 25–28 ноября 1918 г., записала в одной из резолюций: «Принимая ... во внимание необходимость иметь сведения из густонаселенных волостей, конференция постановляет поручить уездчрезвкомам для этой работы в селах и деревнях заручиться надежными партийными товарищами, которые бы давали сведения о контрреволюционной агитации кулаков и буржуазии среди беднейшего населения»³³. В обязанности уездных ЧК вменялось «осу-

ществлять надзор за неблагонадежными контрреволюционными элементами, кулаками, спекулянтами и прочими врагами Советской власти» и каждые две недели «представлять полный доклад в Губернскую комиссию с полным изложением всего происходящего в данном уезде». Губернские комиссии должны были представлять доклады в ВЧК ежемесячно³⁴. Во исполнение этого коллективного решения, появился приказ № 94 Президиума ВЧК от 4 декабря 1918 г., в котором губернским ЧК предлагалось «немедленно установить негласный надзор за всеми крупными селами и волостями, агитирующих арестовывать, выяснять личности и препровождать в уездные и губернские чрезвычайные комиссии». О результатах наблюдений предлагалось «доносить по инстанциям»³⁵. Президиум ВЧК 27 декабря 1918 г. указал, что задачей Информационного бюро является сведение в один ежедневный общий доклад «сводок и докладов, поступающих из местных ЧК, ... из различных отделов ВЧК» для представления в Президиум, «который использует его при выработке своего доклада» в Совнарком³⁶.

При сборе информации предлагалось «иметь наблюдение за людными местами, частями войск, собраниями, митингами», «за лицами, известными как настоящие или бывшие члены» политических партий, не участвующих в управлении советским государством; «за почтовыми учреждениями», «за подозрительными группами» и т.д. При этом следовало «во всех случаях выяснять не только подозрительных лиц, но и их знакомства, связи, родство, адреса, явки, приметы, квартиры, образ жизни и пр.». В отношении командного состава армии требовалось обращать особое внимание на «отношение к коммунистам, политработникам, комячейке»³⁷. 12 июня 1918 г. в ходе 1-й Всероссийской конференции ЧК фракция РКП(б) постановила: «Ввиду грозного момента и исключительных обстоятельств ...: 1. Секретными сотрудниками пользоваться. ... 3. Взять на учет и установить слежку за генералами и офицерами, взять под наблюдение Красную армию, командный состав, клубы, кружки, школы и т.д.»³⁸.

Уже с 1918 г. органы ЧК использовали перлюстрацию в своей работе. Приказ ВЧК 7 октября 1918 г. «О работе Почтконтроля» требовал от местных ГубЧК «все получаемые от Военного почтово-телеграфного контроля письма и телеграммы систематизировать и рассылать в те города и местности, до которых эти

письма будут относиться, для принятия мер пресечения»³⁹. Приказом РВСР от 10 августа 1920 г. за № 1526/269 функции Почтель-контроля были переданы Особым отделам⁴⁰. В тот же день начальник Особого отдела (ОО) ВЧК В.Р. Менжинский отдал распоряжение организовать в ОО отдел военной цензуры почтово-телеграфной корреспонденции. На тот момент имелось всего 71 отделение ВЦ, в том числе 31 отделение при военных формированиях (фронт, армия), 35 отделений при губернских ЧК и 5 отделений при пограничных учреждениях⁴¹.

Получаемая информация оформлялась для пользователей в виде различного рода сводок. В 1919 г. возникает форма ежедневных, трехдневных и еженедельных сводок Секретного (СО) и Особого отделов ВЧК. Местные ЧК, а также армейские и фронтовые ОО направляли свои сводки в Москву, где на их основании составлялась единая сводка по стране отдельно СО и ОО ВЧК. Например, ОО ВЧК требовал начиная с 1 июля 1919 г. информационные бюллетени за каждые три дня⁴². Особый отдел ВЧК в конце 1919 г. подготовил специальную инструкцию для подчиненных ему органов о порядке составления еженедельного информационного бюллетеня. В разделе «Содержание бюллетеня» давался перечень вопросов, ответы на которые следовало включать в каждый бюллетень. Кроме вопросов чисто военного характера (шпионаж противника, деятельность органов службы связи и военных сообщений, снабжения, штабов, санитарного управления и т.п.) содержалось требование дать характеристику «антисоветских нелегальных организаций», «политических партий (не советских)», «заводских, фабричных заведений, работающих на оборону». Указывалось, что по этой инструкции бюллетени должны составляться с 1 января 1920 г. При этом Особый отдел армии должен был направлять свои бюллетени члену РВС армии, в информационное отделение Особого управления ВЧК, «члену реввоенсовета фронта, наблюдающему за работой Особого отдела» и «Особым отделам своих армий»⁴³.

В отношении работы Секретного отдела ВЧК 1 июля 1919 г. было издано Циркулярное письмо. Ссылаясь на решение 3-й Всероссийской конференции ЧК, состоявшейся в июне 1919 г. и принявшей постановление о регулярной присылке ГубЧК полных сводок о положении на местах, его авторы констатировали, что «за

исключением очень немногих комиссий, нужные материалы в Секретный отдел ВЧК до сих пор не поступают». Далее сообщалось, что Секретный отдел будет ежемесячно издавать циркулярно-информационные письма с перечнем важнейших вопросов, по которым требуется информация с мест. В данном письме № 1 содержались следующие вопросы: 1) о левых эсерах; 2) о меньшевиках; 3) о дезертирах; 4) о духовенстве; 5) о специалистах. Последние, в свою очередь, были разбиты на три категории: специалисты, артисты и спекулянты. Было отмечено также, что всего на учет взято около 48 тыс. специалистов⁴⁴.

Секретный отдел ВЧК разработал два вида сводок: «А» (о положении в губернии) и «Б» (о деятельности всех ЧК губернии). Таким образом, обобщающие еженедельные сводки Секретного отдела ВЧК в 1919 г. строились преимущественно по территориальному принципу. Структура сводки «А» включала семь разделов: 1) политическое состояние губернии; 2) о военном состоянии; 3) продовольственное положение; 4) экономико-хозяйственное положение; 5) железнодорожный транспорт; 6) общая часть. Работа Советов, милиции и «прочих комиссариатов»; 7) о мерах и способах борьбы местных ЧК с противниками. Итоги и выводы. Секретный отдел ВЧК при этом подчеркивал, что «присланный из провинции материал» будет подвергнут научной разработке путем сопоставления фактов и явлений, установления их взаимосвязи, которая позволит «прийти к справедливым выводам»⁴⁵. В трех рубриках, где содержались названия «города, уезда, волости, местечка», «района» и «губернии», перечислялись события, характеризующие политическое настроение населения. Вся страна делилась на следующие районы: Московский, Петроградский, Поволжский, Черноземный, Западный, Северо-Восточный, Юго-Восточный, Украина и фронты. В конце следовало «заключение», дававшее общую характеристику положения в республике⁴⁶. В том же 1919 г. и позднее сводки СО ВЧК строились и по тематическому принципу, давая информацию по разделам: «Настроение на местах, контрреволюционные явления и борьба с ними, политические партии (левые с.-р., анархисты, правые с.-р., меньшевики, партия меньшинства с.-р., революционные коммунисты, интернационалисты, максималисты, бундовцы, Поалей-ционисты, сионисты, «Единство», монархисты), духовенство, дезертирство, сабо-

таж, злоупотребления, бандитизм»⁴⁷. Как видим, большинство разделов относилось к политическому контролю над населением. Отметим также, что в перечень политических партий, за которыми велось наблюдение, входили не только политические противники большевиков, но и их политические союзники («Партия революционных коммунистов», «Поалей-цион»). Каждое сообщение имело указание на источник информации. Как правило, это были сведения местных ЧК. Общий объем еженедельной сводки составлял примерно от 20 до более чем 40 машинописных страниц. Подписывалась такая сводка заведующим СО и заведующим отделом сводки.

В июне 1920 г. появился приказ СО ВЧК «О предоставлении информационных сводок». Сводки «Б» были отменены. Сводки «А» теряли буквенное обозначение, они могли теперь использовать, помимо оперативных данных, использовать сведения от советских учреждений на местах, из губернской и уездной печати. Все материалы подлежали отбору. Систематизации и литературной обработке специальными штатными сотрудниками – информаторами. К приказу прилагалась схема двухнедельной информационной сводки губЧК, включавшая 12 параграфов: 1) общее политическое состояние (настроения населения, рабочих, крестьян, служащих и других); 2) забастовки; 3) политические партии; 4) духовенство; 5) контрреволюционные явления; 6) заговоры; 7) восстания; 8) военное состояние; 9) спекуляция; 10) недостатки советской работы; 11) работа комиссий; 12) общее явление (бандитизм и прочее)⁴⁸. Надо отметить, что эти сводки давали достаточно объективную характеристику положения на местах. Летом 1919 г. сводки СО давали следующие заключения: «Отношение к Советской власти в ряде губерний носит явно угрожающий характер. Причины: ... на первом месте продовольственный кризис, а затем недовольство злоупотреблениями на местах представителей Советской власти, иной раз действительно возмутительных. ... Продовольственное и экономическое положение несколько не улучшилось»⁴⁹. Но здесь же, кроме указания весьма понятных объективных причин недовольства, было уже заметно и стремление объяснить «неподобающее» поведение трудящихся по отношению к советской власти их «темнотой» и происками контрреволюционных сил. Надо также отметить, что, анализируя причины массовых антисоветских выступлений и объясняя их «темнотой» широких

масс, контрреволюционной, «погромно-черносотенной, кулацкой» агитацией, чекисты подчеркивали, что решить эти проблемы невозможно лишь «карательными экспедициями», без «культурно-просветительской работы».

1 января 1920 г. председателем ОО ВЧК В.Р. Менжинским была утверждена инструкция по составлению еженедельного «Информационного бюллетеня». Она предписывала давать информацию по следующим вопросам: шпионаж противника, деятельность антисоветских нелегальных организаций и несоветских политических партий; деятельность органов службы связи, военных сообщений и органов снабжения; штабов, инспекций и санитарного управления; заводских, фабричных заведений, работающих на оборону; ненормальности в жизни воинских частей и, наконец, разведанные о положении в тылу противника. В Управлении ОО ВЧК эти данные обобщались в отделе обработки материалов⁵⁰.

Свои сводки два раза в месяц, согласно приказу ВЧК от 2 августа 1919 г., готовили районные транспортные ЧК, направлявшие их в ТО ВЧК. Схема такой сводки (по железным дорогам) предполагала освещение следующих вопросов: общее политическое положение (настроение рабочих и служащих дороги), забастовки; контрреволюционные явления, включая шпионаж; продовольственное снабжение; хищения грузов; работа управления и административные службы; организация и состояние движения по железным дорогам; состояние путей и работа службы тяги; состояние связи, а также электрическое обслуживание; обеспеченность дорог топливом и лесоматериалами; работа финансовой службы и отделов сборов; врачебно-санитарная служба; деятельность агрономических служб и отдельных советских хозяйств, включая отношение железнодорожников к агрономическим и коммунальным хозяйствам; железнодорожная милиция, уголовный розыск, охрана и оборона дороги; деятельность комендантской службы, где помимо настроений ее работников и их отношения к Красной армии и к компартии, как главное, выделялась организация посадки пассажиров; работа железнодорожной инспекции. Раздел сводки, обозначенный «информационные сведения вне полосы отчуждения» нацеливал транспортных чекистов на освещение настроений населения (крестьян, кулаков, середняков и сельской интеллигенции), в особенности их отношения к советской власти и компартии. При

этом требовалось сообщать о контактах железнодорожных учреждений с местными волисполкомами, посеvкомами и Советами, а также о недостатках в работе кооперативов⁵¹. Понятно, что качественно готовить такую сводку каждые две недели было, конечно, невозможно. Все виды сводок ВЧК направлялись руководителям государства: В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, А.И. Рыкову и другим, и обязательно в ЦК РКП(б).

Руководство всей работой по организации политического контроля сосредотачивалось в ЦК РКП(б). 2 марта 1920 г. ЦК РКП(б) направил циркулярное письмо «О широкой партийной помощи ВЧК и Особым отделам» губкомам и политотделам армии и флота. Здесь отмечалось, что «особенное внимание контрреволюционеры направляют на Красную армию». Далее говорилось: «Для более быстрого и радикального уничтожения контрреволюции и в этой области, ЦК, во-первых, вменяет в обязанность всем комиссарам и коммунистам, работающим в армии, быть постоянными осведомителями особотделов. Во-вторых, предлагает всем политотделам армии и фронта, а также Политуправлению республики и крупным партийным организациям для работы в особотделе командировать наиболее ответственных, испытанных и старых партийных работников»⁵². В июле 1920 г., расширяя эту практику, в ЦК обратился Президиум ВЧК с просьбой обязать «быть осведомителями органов ТО (Транспортного отдела – В.И.) ВЧК, в частности, и ВЧК вообще» коммунистов, работающих на транспорте. Оргбюро ЦК 2 сентября 1920 г. постановило распространить эту обязанность на «коммунистов, работающих по транспорту»⁵³. Таким образом, по воле высшего партийного органа десятки тысяч коммунистов должны были превратиться в осведомителей ВЧК и доносчиков. Надо отметить, что к чести значительной части рядовых членов партии они не стремились выполнять указание своего ЦК.

Но руководство ВЧК продолжало настаивать на самом широком участии коммунистов в деятельности организации. 6 августа 1920 г. появилось обращение «Всем губкомам РКП», подписанное заместителем председателя ВЧК И.К. Ксенофонтовым. Он утверждал, что «история скорее простит нам излишнюю решительность, чем мягкотелость» и далее делал из этого следующий вывод: «Желательно усиленное привлечение наибольшего количе-

ства партийных работников не только к прямой работе в ЧК, но и к косвенному сотрудничеству, к осведомлению, каковое является основой работы ЧК. Вот почему ВЧК всегда указывала на необходимость обязать всех коммунистов быть осведомителями, ибо борьба с контрреволюцией есть общая задача партии»⁵⁴. Тем не менее руководство ВЧК было недовольно особенно качеством работы осведомителей. В циркулярном письме от 1 сентября 1920 г. «О положении и работе в органах ЧК на местах» подчеркивалось: «На местах плохо обстоит дело с осведомлением, почему ЧК часто лишена возможности выполнить свою работу успешно. Нужно ... добиться того, чтобы у ЧК всюду и везде были зоркие глаза и надежные уши»⁵⁵.

Каковы же были реальные размеры обычного «осведомления» и так называемого «коммунистического осведомления» и его эффективность? В Сибири в октябре 1920 г. председатель Енисейской губчека Р.К. Лепсис констатировал «полнейшее отсутствие работы» в уездах и воинских частях. К июлю 1920 г. на 28 волостей Тюменского уезда имелось 25 секотов. В Тобольском уезде к концу октября 1920 г. на 39 волостей было всего 15 осведомителей. Вербовка осведомителей там велась, в основном, ОО и транспортными ЧК. Первоначально основная их часть состояла из членов партии⁵⁶. Но само количество осведомителей еще не решало проблему. Это видно на примере Особого отдела Кронштадтской крепости и второго отделения Особого отдела охраны финляндской границы, сотрудники которого обслуживали все морские и береговые воинские части в районе крепости Кронштадт на рубеже 1920–1921 гг. Особый отдел Кронштадтской крепости в декабре 1920 г. вместо полагавшихся по штату 50 осведомителей имел их 150⁵⁷. Второе отделение на 26 тысяч человек, включавших корабельные команды, береговые части и вспомогательные подразделения, в декабре 1920 г. имело также 150 осведомителей, а к концу февраля 1921 г. – 176, т.е. в среднем на 150 человек один секретный сотрудник⁵⁸. По мнению начальника Информационной части второго отделения Особого отдела, развитию осведомительной сети препятствовала «неотзывчивость, отсутствие желания и стремления у большинства партийных работников принять участие в работе в области осведомления, несмотря даже на циркулярное письмо ЦК РКП(б),

призывающее всех коммунистов быть осведомителями особых отделов». Но в этом же сообщении, датированном 24 февраля 1921 г., т.е. за несколько дней до начала Кронштадтского восстания, утверждалось, что «посредством наблюдения в большинстве случаев удавалось обнаружить лиц, сеющих недовольство в массах на почве различных недостатков, что давало возможность своевременно принять меры к предотвращению волнения массы» и «в настоящее время особенно острых недостатков в Информационной части не ощущается»⁵⁹. Таким образом, можно утверждать, что само количество осведомителей еще не гарантировало своевременности и точности информации о реальном настроении широких масс, в том числе в армии и флоте.

Таким образом, в годы Гражданской войны большевики создали систему политического контроля над различными группами населения с целью политического сыска, получения информации о реальных настроениях людей. В условиях подавления оппозиции, запрета гласности и политического плюрализма политический контроль – обязательное условие формирования, укрепления и существования авторитарных и тоталитарных режимов. Его отличительной чертой является отсутствие какой бы то ни было законной основы или ее безнаказанное нарушение. Политический контроль при этом является одной из самых конспиративных сфер, а собранная им информация, как правило, имеет грифы «Секретно» и «Совершенно секретно». Сбор данных шел по трем основным каналам: через структуры РКП(б), Красной армии и ВЧК. К 1920 г. система приобрела такую важнейшую для себя черту, как секретность поступающей информации. Она одновременно сочеталась с полным отсутствием гарантий неприкосновенности личности, жилища и тайны переписки.

¹ Измозик В.С. Предисловие // Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX век. СПб.-М.: Нева-Олма-пресс, 2002. С.5.

² Измозик В.С. Глаза и уши режима. СПб., 1995. С.18.

³ История Советской Конституции: сб. документов. 1917–1957. М., АН СССР, 1957. С.79.

⁴ Яров С.В. Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих (по неопубликованным документам) // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М. – СПб., 1992. С.539.

-
- ⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–4.
- ⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. N 5. С.155.
- ⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 3. Л. 43.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 1.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 416. Л. 110.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 9. Л. 33.
- ¹¹ РГАСПИ. Д. 57. Л. 4, 10, 11.
- ¹² РГАСПИ. Оп. 65. Д. 5. Л. 102.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 37. Л. 8, 12.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 84. Л. 28, 30., Оп. 84. Д. 37. Л. 13.
- ¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 117. Л. 32, 34.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2482. Л. 62об., 118об.
- ¹⁷ РГАСПИ. Д. 2453. Л. 1, 2, 5, 37, 98.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 422. Л. 1, 2, 49.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2530. Л. 1–4.
- ²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 4406. Л. 8., РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 139. Л. 157.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 139. Л. 138, 143, ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 392. Л. 6–7.
- ²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 139. Л. 32об.
- ²³ РГАСПИ. Л. 1, 30, 62, 62об., 114.
- ²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 2. Д. 33. Л. 2об., 3, 20.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 84. Л. 105.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 261. Л. 4–10.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 259. Л. 17.
- ²⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 12. Д. 10. Л. 89, 89об., 90.
- ²⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 3. Д. 2^а. Л. 223^а.
- ³⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2^а. Л. 2об.
- ³¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 10. Л. 292.
- ³² Виноградов В.К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1, ч. 1. С. 32.
- ³³ Из истории ВЧК. 1917–1921. Сб. документов. М., 1958. С. 228.
- ³⁴ Архив ВЧК: сб. документов / отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М.: Кучково поле, 2007. С. 105.
- ³⁵ Архив ВЧК: сб. документов. М., 2007. С. 233–234.
- ³⁶ Архив ВЧК: сб. документов. М., 2007. С. 308–309.
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2561. Л. 2об., 3, 8об.
- ³⁸ Неизвестная Россия. XX век. Вып. 1. М., Историческое наследие, 1992. С. 30.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 511. Л. 63.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 29. Л. 17, 21.

-
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 513. Л. 128, 129, 130.
- ⁴² ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 513. Л. 210.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2561. Л. 1-8об.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 515. Л. 13.
- ⁴⁵ Виноградов В.К. Указ. соч. С. 32.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 68. Л. 13–30.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 5446с. Оп. 55. Д. 5. Л. 17–24.
- ⁴⁸ Виноградов В.К. Указ. соч. С. 38.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 415. Л. 23., РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 68. Л. 24об.-30.
- ⁵⁰ Виноградов В.К. Указ. соч. С. 37.
- ⁵¹ Виноградов В.К. Указ. соч. С. 37-38.
- ⁵² Известия ЦК РКП(б). 11 марта 1920 г. № 14. С. 2.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 66. Л. 52, 87, 88.
- ⁵⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 4. Д. 4023. Л. 5-5об.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 512. Л. 277, 279.
- ⁵⁶ Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири 1918–1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007. С. 78.
- ⁵⁷ Кронштадт. 1921 г. Документы. М.: МФД, 1997. С. 23.
- ⁵⁸ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Икс-Истори; Кучково поле, 2008. С. 251–252.
- ⁵⁹ Кронштадт. 1921 г. Документы. М.: МФД, 1997. С. 30–32.

*Кантор Юлия Зораховна,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
профессор Российского государственного
педагогического университета имени А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)*

**«НА КАЖДОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА ДОЛЖНО БЫТЬ ДЕЛО»:
БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ¹**

Аннотация. Приведена историческая ретроспектива событий, которые знаменовали собой становление борьбы с инакомыслием в качестве основы политики большевиков, а потом и советского государства. Борьба шла с политическими оппонентами, а затем переросла в борьбу с интеллигенцией. Они представляли опасность для власти, а потому должны были быть высланы или ликвидированы. Политика в области повышения уровня грамотности же велась только для того, чтобы большая часть населения могла быть подвергнута пропаганде. Так, ключевым событием становится отправление «философских пароходов» в 1922 г. Со ссылкой на многие документы Центрального архива ФСБ России показана роль Владимира Ленина в проведении кампании против интеллигенции, её внутренние механизмы и последствия.

Ключевые слова: советская власть, интеллигенция, высылка, «философский пароход», политическая борьба.

¹ Публичная лекция состоялась 07.06.2019 в Пермской краевой библиотеке им. А.М. Горького.

*Kantor Yulia Zorakhovna,
Doctor of History, Senior Researcher SPbII RAS,
professor of the Russian State Pedagogical University
named after A.I. Herzen (St. Petersburg)*

**"FOR EVERY INTELLIGENT THERE MUST BE BUSINESS":
THE FIGHT AGAINST DISSENT IN THE EARLY YEARS
OF SOVIET POWER**

Annotation. The author gives a historical retrospective of the events that marked the formation of the struggle against dissidence as the basis of the policy of the Bolsheviks, and then the Soviet state. There was a struggle with political opponents, and then it turned into a struggle with the intelligentsia. They were a danger to the authorities, and therefore had to be expelled or liquidated. The literacy policy was implemented so that a large part of the population could be exposed to propaganda. Thus, the key event is the departure of the «philosophical steamships» in 1922. The author, with reference to many documents of the Central Archive of the FSB of Russia, shows the role of Vladimir Lenin in the campaign against the intelligentsia, its internal mechanisms and consequences.

Keywords: Soviet power, intelligentsia, expulsion, «philosophical steamer», political struggle.

Цепь драматических событий, первым звеном которой в 1917 г. стала революция, имеет не только хронологическую, но и четкую причинно-следственную связь. Взорвавший Россию большевистский переворот повлек за собой не только смену политического строя и экономического уклада, но и рождение «новой морали». Ее новая власть изначально насаждала не только словом, но и делом – «карающим мечом революции» стала учрежденная в декабре того же 1917 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Почти 100 лет назад, осенью 1922 г., за границу были высланы наиболее яркие представители интеллигенции – это беспрецедентное явление впоследствии было названо «философским парходом». Шаг за шагом, железной поступью новая власть по костям своих граждан шла к Большому террору, апогей которого настал в 1937-м. Важнейшими из этих шагов, «подготовивших» катастрофу 1937 г., были репрессивные акции сначала против инакомыслия, а затем и свободомыслия как такового.

Карательная политика большевиков изначально была направлена против идеологических оппонентов – партий, еще в недавнем прошлом их союзниц по борьбе с царским самодержавием. Затем физический и моральный террор был экстраполирован на общество в целом, в первую очередь – на мыслящую его часть – интеллигенцию. Воззрения В.И. Ленина и других руководителей большевистской партии, захватившей власть в России, подразумевали тотальный контроль государства за всеми сферами общественно-политической и духовной жизни страны.

Новейшие издания – в частности, чрезвычайно содержательные сборники документов и аналитических материалов «Остракизм по-большевистски», «Тюремная одиссея Василия Шульгина», «Высылка вместо расстрела», «Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.», «Очистим Россию надолго»¹ – проливают свет на эту проблему, ранее практически не рассматривавшуюся в отечественной историографии. Они содержат в основном совершенно неизвестные ранее документы из Архива президента РФ, Центрального архива ФСБ России, Российского государственного архива социально-политической истории и др. Названные сборники позволяют увидеть методы, хронологию и идеологию социокультурного геноцида интеллигенции в начале 20-х гг., и, что не менее важно, причинно-следственную связь между ним и сталинским «большим террором»².

Документы, хранящиеся в ЦА ФСБ России, позволяют еще более четко увидеть «опорные точки» этой борьбы и источник, эту борьбу инициировавший, – партию большевиков. Так, в «совершенно секретном» циркуляре ВЧК, датированном 21 апреля 1921 г. и написанном, как указано в документе, «в ответ на задание Владимира Ильича»³, секретный отдел ВЧК предложил план работы на год. Поскольку выступления меньшевиков и эсеров, а также других социалистических и буржуазных партий приурочены к октябрьским праздникам, в «начале августа провести массовые операции по всем партиям в государственном масштабе». Указанные операции рекомендовалось проводить с «большим тактом и осторожностью, дабы не вносить дезорганизацию в наши хозорганы», для чего ГУБЧК совместно с губкомами и губисполкомами было предписано заранее подготовить заместителей из ответственных сотрудников советской власти. «В летний период до сбора урожая операций государствен-

ного масштаба не производить, а бить персонально активистов всех партий вплоть до губернского и краевого масштаба⁴. Иными словами, «чистки» проходили по партийному принципу даже без формальных попыток доказательно уличить тех или иных лиц в антисоветскости. И карательно-политический аспект государственного строительства превалировал над социально-экономическим. Операции по «нейтрализации» буржуазных партий – кадетов, монархистов, октябристов и т.д. – рекомендовалось проводить «беспоощадно и массово»⁵, ликвидировать к первой половине октября 1921 г. В документе есть еще один примечательный пункт: произвести массовые операции с одновременным закрытием их органов печати⁶.

Через некоторое время ЦК РКП(б) с удовлетворением констатировал, что «партии меньшевиков и эсеров, различных монархистов фактически в настоящее время находятся на нелегальном положении»⁷. В связи с выборами в 1921 г. в Московский совет рабочих и крестьянских депутатов, которые должны были стать образцовыми для всей страны, возникла дискуссия о возможности предоставления «нашим политическим врагам известную свободу выбора». Подобный либерализм – само обсуждение такой возможности – был вызван причинами вполне прагматическими: сторонники «известной свободы» полагали, что «бороться с врагами легче, когда они находятся на виду, а не загнаны в подполье»⁸. И, что не менее важно, утверждается в циркулярном письме «Об отношении к партиям мелкой буржуазии», «оппозиция нам нужна для того, чтобы усилить тенденции раскола и расхождений в рядах враждебных нам партий», ибо, находясь на нелегальном положении, они только сплачиваются и объединяются против общего врага⁹. Иными словами, новая власть была готова мириться только с оппозицией, работающей на собственное разложение.

Когда с политическими оппонентами – некоммунистическими партиями – было покончено, на повестку дня был поставлен тезис о борьбе с мыслящей частью общества – интеллигенцией. В интеллигенции, сформировавшейся до революции и имевшей самые различные взгляды на прошлое и будущее страны, новые хозяева государства небезосновательно видели серьезную опасность для коммунистического мироустройства. Интеллигенция представляла опасность для формирующегося тоталитарного государства, ибо ей была присуща способность к критическому

анализу происходящего: «Интеллигенция хочет разобраться. А большинству все равно»¹⁰, – посему большевикам надлежало низвести духовную элиту до состояния пассивно-покорного большинства. Дворянин с университетским образованием председатель Совнаркома Ленин был откровенен: «...Вообще к интеллигенции... я большой симпатии не питаю, и наш лозунг “ликвидировать безграмотность” отнюдь не следует толковать как стремление к народжению новой интеллигенции. “Ликвидировать безграмотность” следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель – вполне практическая. Только и всего»¹¹. Кстати, еще в 1918 г. Ленин, кажется в единственный раз, оказался эффективным адвокатом (как известно, его дореволюционные попытки применить на деле полученные на юрфаке Казанского, а затем Петербургского университета знания, занявшись адвокатской практикой, потерпели фиаско). Он заступился за ВЧК – ЦК РКП(б) по его предложению 19 декабря 1918 г. издало Постановление, юридически закрепив запрет любой критики в отношении деятельности ВЧК: «На страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых условиях»¹².

Просматривая в 1922 г. будущий Уголовный кодекс, дипломированный юрист Ленин не церемонился с формулировками: «Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее, революционным трибуналам предоставляется право применения как высшей меры наказания – расстрела... По-моему, надо расширить применение расстрела»¹³. В сопроводительном письме к предложенному им проекту дополнений к Уголовному кодексу РСФСР председатель Совнаркома 7 мая 1922 г. писал: «Открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее **суть** и **оправдание** (выделено *авт.*) террора, его необходимость... Суд должен не устранить террор, – обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально»¹⁴. В результате в уголовный кодекс РСФСР было включено сразу более десятка статей, предусматривающих расстрел.

Партийно-государственное руководство не только генерировало теорию, способы и систему репрессивного подавления и уничтожения политических и ментальных оппонентов, но и наделяло свои спецслужбы все большими полномочиями, включая, в частности, «внесудебную карательную политику, основанную на праве ЧК и других органов власти применять быстро и решительно ВСЕ необходимые меры»¹⁵.

Из интеллигентов новую власть поддержали немногие. Большинство же готово было сосуществовать с этой властью, но сохранив за собой право на собственное мнение и чувство ответственности за происходящее. Власть это не устраивало. «Большевикам, очевидно, мало одной только лояльности, то есть мало признания советской власти как факта и силы; они требуют еще и внутреннего приятия себя, признания себя и своей власти за истину и добро. Как это ни странно, но в преследовании за внутреннее состояние души есть нота какого-то извращенного идеализма. Очень часто чувствовал я в разговорах с большевиками, и с совсем уже мелкими сошками, и с довольно высокопоставленными людьми, их глубокую уязвленность тем, что, фактически победители над Россией, они все же ее духовные отщепенцы, что, несмотря на то, что они одержали полную победу над русской жизнью умелой эксплуатацией народной стихии, – они с этой стихией все-таки не слились, что она остается под ними краденым боевым конем, на котором им из боя выехать некуда»¹⁶, – писал, уже находясь в изгнании, философ Ф.А. Степун.

В мае 1921 г. ГПУ издало «совершенно секретную» Инструкцию об организации Бюро содействия: «Во всех центральных государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и предприятиях, а также в Вуз и там, где представится возможность наличием коммунистов, организуются Бюро содействия Секретному Отделу ОГПУ»¹⁷. К работе в этом осведомительном аппарате, который должен был пронизать все сферы общественной жизнедеятельности, привлекались, только члены РКП, работающие в порядке партдисциплины со стажем не мене трех лет. Бюро содействия структурировались с таким расчетом, чтобы через отдельных своих членов охватывать учреждение в целом». Обязанности членов бюро содействия формулировались предельно внятно: «Заниматься систематическим собиранием сведений о всякого рода явлениях ан-

тисоветского характера, а также выявлением контрреволюционного элемента в данном учреждении или предприятии»¹⁸. Разумеется, при таком подходе, в категорию врагов и контрреволюционеров мог попасть любой.

Первыми на «главной арене борьбы против Советской власти антисоветской интеллигенции» названы высшие учебные заведения, потому «положение в высшей школе требует принятия ряда решительных мероприятий по прекращению и предупреждению контрреволюционных выступлений профессуры»¹⁹. Реакция Политбюро была немедленной – уже через неделю предложения чекистов были оформлены, расширены и усилены в специальном постановлении. Работа по устранению неугодного профессорско-преподавательского состава в буквальном смысле была работой «на будущее» – у вузовских педагогов могли возникнуть последователи среди студентов, и «связь времен», а точнее, интеллектов, могла бы не прерваться, чего новая власть принять не могла. Потому чистками профессуры не ограничилась: в вузах прошли и массовые чистки студентов, слушавших неугодных профессоров или разделявших их взгляды²⁰.

Летом 1922 г. у Ленина случился инсульт. Но даже тяжелая болезнь не отвлекла его от злободневных проблем: в стране еще остались тысячи нежелательных – свободомыслящих – граждан. Их участь необходимо было решить. В сентябре в Горки был вызван Ф.Э. Дзержинский – за получением директив вождя по борьбе с интеллигенцией. Председатель ГПУ законспектировал тезисы и развил их, разработав стройную систему: «Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) Беллетристы; 2) Публицисты и политики; 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т.д.); 4) Техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т.д.); 5) Профессора и преподаватели; и т.д. и т.д.

Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещена всесторонне компетентными товарищами... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно... Надо помнить, что задачей нашего

отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов был без оговорок поддерживать Советскую власть»²¹.

С особо неблагоприятными решили справиться, как сформулировал Троцкий, путем «предусмотрительной гуманности»²² – насильственной высылкой. 17 октября 1922 г. ГПУ за подписью Ф.Э. Держинского выпустило приказ с «инструкциями по выполнению постановления ВЦИК об административной высылке». Этот документ, предоставлял новой власти неограниченную свободу по изоляции инакомыслящих. Формулировки его всеобъемлющи. «Административная высылка применяется к лицам, пребывание коих в данной местности (и в пределах РСФСР) представляется по их деятельности, прошлому, связи с преступной средой с точки зрения охраны революционного порядка опасным»²³. Высылать стали из столиц, из мест, где неугодный был укоренен, в иные регионы, включая Соловки и, наконец, за границу. Ленин писал генсеку ЦК РКП(б) Сталину: «Розанов, Вигдорчик, Франк... надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Всех их – вон из России. Делать это надо сразу. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа! Чистить надо быстро»²⁴. Но появилась и новая мера наказания – высылка. Она приравнивалась к расстрелу, заменяя его. В дальнейшем, став прерогативой президиума Верховного совета СССР, именно высылка часто цинично называлась «истинной высшей мерой», так как лишала даже не жизни, а Родины. «Политика советской власти по отношению к интеллигенции, в том числе и депортация...ее части, составляла цепь продуманных и логически связанных друг с другом шагов»²⁵.

Николай Бердяев, отец Сергей Булгаков, Юлий Айхенвальд, Николай Лосский, Александр Каган, Сергей Трубецкой, еще десятки таких, как они, не хотели уезжать. Некоторые писали прошения о замене высылки возможностью жить и работать в России на любых условиях и заверяли новые власти в политической лояльности. В основном безрезультатно. А большинству тех, кому удалось все-таки умиловить власти и остаться, уже по прошествии нескольких лет предстояли в лучшем случае лагеря, в худшем – смертная казнь. И лишь немногие покидали Россию с об-

легчением, полагая, что у большевиков нет будущего и что борьба с наступившим безвременьем невозможна. Вот как вспоминал последний день пребывания на Родине пассажир «философского парохода» С.Е. Трубецкой: «Как в Москве перед отъездом я постарался обойти город и проститься с ним, так и тут я прощался с Петербургом, с его видами, памятниками, Эрмитажем... Какая разница с Москвой! И тут и там на все легла печать большевизма, но легла она не одинаково. Старая московская жизнь была убита, но Москва все же интенсивно жила какой-то новой, чуждой и злобной жизнью, но все же это был живо и город. Петербург же производил впечатление какого-то полумертвого царства. Старая жизнь была здесь убита, а новая еще не полностью завладела им. Петербург был как бы огромной, стильной барской усадьбой, из которой ушли старые хозяева и которую еще не освоили новые и чуждые ее духу пришельцы. По сравнению с Москвой, Петербург казался полупустым. Народа было мало, на улицах между камней пробивалась трава, и запущенность придавала дворцам и памятникам какую-то особую, щемящую красоту...

Последний день, последние часы в России тянулись для меня, казалось, бесконечно... Я опасался того только, что вдруг что-то помешает нам уехать. До самой последней минуты наш отъезд продолжал мне казаться сверхъестественным и невероятным.

Но вот, наконец, наступил час погрузки на пароход. “Oberbürgermeister Hagen” стоял на Невской пристани. Таможенный досмотр (количество вещей было строго ограничено, и мы должны были заранее дать на утверждение их список), потом – погрузка. Мы сели на пароход днем, но он должен был идти только на следующий день рано утром. Вместе с нами на пароход взошли и несколько чекистов. Я говорю про чекистов в форме, секретные агенты, конечно, тоже были... Наши паспорта нам на руки выданы не были, они остались у чекистов... Наконец мы трогаемся, но паспортов нам не передали и наши чекисты с парохода не сошли... Как? Почему? Ведь мы же не остановимся теперь нигде до Штеттина...

Вот вырисовывается Кронштадт и Толбухин Маяк. От нашего парохода на ходу отваливает лодка, в ней наши чекисты... Пароход ускоряет ход. “Jetzt können Sie ruhig Ihr Kaffee trinken, – говорит нам наш капитан. – Ihre Pässe sind bei mir”²⁶, – и он ударяет себя по нагрудному карману. Тяжелый камень сваливается с моего

сердца – слава Богу! – мы едем... В то же время нет и легкого чувства радости, щемящая тоска охватывает меня. Я впиваюсь глазами в последний краешек родной земли. Безнадежное серое небо, серое море, серый профиль маяка. Даже чайки почему-то кажутся серыми. Грусть, тоска, безнадежность!.. Но это – Россия, страна наших отцов и дедов. Сердце сжимается... Неужели навеки?! Нет! нет! – отталкиваюсь от этой мысли, а душу гложет тяжелое сомнение. Я надеваю на себя маску бодрости – для других и, главное, быть может, для самого себя...»²⁷.

«С этой набережной осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии культуры и науки», – гласит надпись на скромном гранитном обелиске на набережной Невы, близ моста Лейтенанта Шмидта (Николаевского). Обелиск установлен в память об одном из самых трагических событий в истории советской России – высылки представителей инакомыслящей интеллигенции. Знаковое совпадение: 25 октября 1917 г. именно здесь на рейде стоял крейсер «Аврора», эхо холостого выстрела которого в России слышно до сих пор.

Акция принудительной высылки лучшей части отечественной интеллигенции ознаменовала не столько начало политических репрессий, сколько раскол внутри русской культуры. С момента, как пароход «Пруссия» отправился в свой исторический рейс, русская мысль перестала быть единым феноменом, культурным событием, – она трагически разделилась на Русское Зарубежье и Россию Советскую.

Политико-экономическая ситуация в России к началу 20-х гг. была катастрофической. В стране был голод, не прекращались крестьянские восстания, в крови был потоплен антикоммунистический мятеж кронштадтских матросов. Партийное руководство, «стиснув зубы», провозгласило новую экономическую политику, таким образом, расписавшись в нежизнеспособности своих же экономических постулатов и беспомощности государственных методов управления.

Чем успешнее, чем быстрее развивалось народное хозяйство при НЭПе, тем сильнее большевики убеждались в зыбкости политической почвы под своими ногами.

Об этом без эвфемизмов сказал в 1923 г. заместитель председателя ОГПУ Г. Ягода в докладе «ВЧК – ГПУ. Историческая

роль и задачи»: «ГПУ отличается (от ВЧК – прим. авт.) лишь конкретными своими задачами в условиях новой экономической политики... Частный капитал должен был получить гарантию своего правового существования... В связи с этим переходом на путь определенной законности должна была измениться и борьба с нашими врагами, процесс наказания и обезвреживания их... НЭП... изменил облик наших врагов, и выдвинула новых. НЭП оживил контрреволюционные элементы, загнанные в подполье, которые начали проводить контрреволюционную работу, используя легальную возможность; НЭП возродил враждебный нам класс – буржуазию»²⁸.

Стараясь вернуть контроль над ситуацией, большевики обрушили на смертельно усталую, только начавшую оживать страну новые политические репрессии, дабы никому неповадно было заметить очевидное: полную несостоятельность большевистской политэкономической доктрины.

Из стенограммы XII Всероссийской конференции РКП(б): «т. Зиновьев (члена Политбюро, председателя Коминтерна до 1926 г., его расстреляли в 1936 г. – Ю.К.) Если вы меня спросите, что произошло нового на политической арене Советской России за этот год, я скажу: новое заключается в том, что антисоветский лагерь перестраивается по-новому... Он использует каждую щелку в новом этапе нашей революции,... чтобы использовать в своих целях нашу советскую легальность... Меншевистская и антисоветская вообще формула гласила так: «Вслед за экономическими уступками дайте нам политические уступки». Мы ответили на это на XI съезде: «Отступление в области экономики останавливается». По вопросу о политических уступках мы с самого начала заняли определенную и ясную линию. Но теперь нам мало этого ответа... Мы должны сказать более ясно: «В области политической наше наступление продолжается»²⁹.

Итак, эксперимент, давший стране шанс на возрождение, назван «отступлением», так как работал против партии: частная собственность оказалась эффективнее «ничейной», то есть государственной, рынок «провоцировал» личную инициативу. И не только в сельском хозяйстве и промышленности. НЭП стал стимулом для возрождения свободы мысли: появились частные издательства и негосударственная пресса, открывались новые театры и галереи, создавались научные общества, философские кружки, ассоциации

литераторов, открытые вузовские коллоквиумы. Этого потерпеть большевики, разумеется, не могли.

«Первая волна буржуазного реставраторства в условиях НЭПа складывалась из четырех следующих элементов: 1) проповеди экономического либерализма, 2) академической контрреволюции, 3) расцвета идеализма и поповщины и 4) широкого распространения бульварщины, порнографии и пинкертоновщины... С конца 1921 г. частный капитал действительно пошел в издательское дело. Создалась даже настоящая издательская горячка... до августа 22 г. было дано разрешение на образование в Москве 337 издательств, а в Петербурге 83 издательства, с октября 21 г. по август 22 г. на цензурный просмотр поступила от одних московских издательств 1261 рукопись... Мы видим налицо, как ... создавались центры, организующие вокруг себя остатки старой буржуазной русской интеллигенции, которая, ... начала свою работу по распространению явно контрреволюционных буржуазно-реставрационных идей»,³⁰ – писал будущий советский нарком просвещения и один из первых историков партии Андрей Бубнов (*его расстреляли как «врага народа» в 1938-м – прим. авт.*).

Правящая партия, стремившаяся подменить собой государство, сжимала тиски: «Слабый политический уровень членов нашей коммунистической партии, включительно занимающих руководящие посты, позволяет, несомненно, выше стоящей по культурному уровню буржуазной интеллигенции обмануть их, вовлечь в мелкобуржуазную стихию, подрывать в глазах масс авторитет отдельных советских работников»³¹. Вместо того чтобы попытаться повысить образовательный уровень членов компартии, ее верхушка вновь обращается к карательным методам против виновных лишь в том, что они – образованнее, профессиональнее, либеральнее.

Из почтотелеграммы, разосланной губернским уполномоченным: «Взять на учет по единой системе всех бывших городских голов, представителей земских управ, врачей, лесничих, адвокатов, техников, литераторов, студентов и проч.»³². То есть «по единой» большевистской системе неблагонадежными становятся не инакомыслящие даже, а все способные мыслить. Все частные издательства и сотрудничающие с ними авторы были взяты на учет, в их среду были внедрены осведомители. Особые «надзирающие» бюро следили за книжным рынком, обязаны были

«предоставлять осведомительный материал» о всех издаваемых в пределах «полномочного представительства» литературных произведениях и направлять их на рецензирование «партийным товарищам», отсутствие образования которых «компенсировалось» партстажем, а низкий интеллектуальный уровень – идейностью.

Нейтрализация духовной элиты давала возможность безнаказанно манипулировать массовым сознанием, в чем власть и преуспела в последующие десятилетия. А идеологическая парадигма «свободомыслящий – инакомыслящий – оппозиционер – враг» оказалась более живучей, чем само советское государство.

¹ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005; «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008; Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М.: Русский путь, 2010; Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного. М.: Книжница, Русский путь, 2010; Репрессированная интеллигенция. 1917–1934. М.: РОССПЭН, 2010.

² О юридических основаниях функционирования карательных органов первых лет советской власти см. например: Христофоров В.С. Правовое регулирование деятельности ВЧК-ГПУ в борьбе с политическими противниками советской власти 1917–1922 гг. // Политическая история России. Исторические чтения. СПб., 2009. С. 99–115; Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917–1922. М.: Центрполиграф, 2008; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. Казань, 1995.

³ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее – ЦА ФСБ России), Ф1. Оп. 5. Д. 192. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 9

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 321, Л. 57.

⁸ Там же.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 321, Л. 59.

¹⁰ Христофоров. В. Интеллигенция хочет разобратся. А большинству все равно // Время новостей. 2009. № 205.

¹¹ Анненков Ю.П. Владимир Ленин // Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2 т. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 269–270.

¹² В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987. С. 88.

¹³ Там же. С. 428.

¹⁴ «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008. С. 99.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 145. Л. 43 (об).

¹⁶ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005. С. 11.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 8. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» от 1 июня 1922 г. // «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008. С. 121–122.

²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 85. Л. 168; см. также: «Письмо Ф.Э. Дзержинского В.Р. Менжинскому о мероприятиях в связи с настроениями студенчества» // «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008. С. 100.

²¹ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005. С. 24.

²² Троцкий Л.Д. Предусмотрительная гуманность // Правда. 1922. № 193.

²³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 885. Л. 4.

²⁴ Письмо В.И. Ленина И.В. Сталину об ускорении высылки представителей интеллигенции от 16 июля 1922 г. // «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008. С. 162.

²⁵ Макаров В.Г. Историко-философский анализ внутривластной борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. М.: Русский путь, 2010. С. 214.

²⁶ «Теперь вы можете спокойно выпить кофе – ваши паспорта у меня», – нем.

²⁷ Трубецкой С. Минувшее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/deport/trubetskoj.htm> (дата обращения: 15.08.2021).

²⁸ Ягода Г. ВЧК-ГПУ. Историческая роль и задачи. (Публикация В. Макарова) // Родина. 2007. № 12. С. 11.

²⁹ Зиновьев Г.Е. Возрождение буржуазной идеологии и задачи коммунистической партии. Майкоп, 1922. С. 17.

³⁰ Бубнов. А. Идеология буржуазной реставрации в первоначальный период НЭПа // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923. С. 23.

³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 610. Л. 8.

³² Там же. Л. 8 (об).

*Гордин Яков Аркадьевич,
редактор литературно-художественного,
общественно-политического независимого
журнала «Звезда»*

РУССКИЕ ПОЭТЫ И ФИЛОСОФЫ В ЭПОХУ КРАСНОГО ТЕРРОРА¹

Аннотация. Поэты и мыслители в своих трудах отобразили проблемы эпохи 1917–1921 гг. Люди искусства по-разному относились к резким переменам в виде смены власти. Но большинство из них ощущали и передавали в произведениях похожий мотив. В текстах они пишут о возникающем чувстве ложной справедливости, о страданиях невинных, нравственном распаде. Одной из самых популярных тем того периода становится судьба человека. Поэтов пугало мрачное предчувствие перемен, упадок ценности человеческой жизни. Многие, описывая обстановку 1917–1921 гг., словно ожидали спасения извне, внешнего вмешательства. Вышеперечисленные проблемы рассматриваются на конкретных примерах литературы 1917–1921 гг.

Ключевые слова: поэзия, философия, русская революция, красный террор, судьба человека, Николай Бердяев, Сергей Трубецкой, Анна Ахматова, Борис Пастернак.

*Gordin Yakov Arkadievich,
literary and artistic editor,
socio-political independent magazine "Zvezda"*

RUSSIAN POETS AND PHILOSOPHERS IN THE ERA OF THE RED TERROR

Annotation. Poets and thinkers in their works reflected the problems of the era of 1917–1921. People of art had different attitudes to abrupt changes in the form of a shift of power. But most of them felt and conveyed a similar motif in their works. In their texts, they write about the emerging sense of false justice, about the suffering of the innocent and moral decay. One of the most

¹ Публичная лекция состоялась 11.11.2017 г. в Пермской краевой библиотеке им. А.М. Горького.

popular topics of that period was the fate of a person. Poets were afraid of a gloomy foreboding of changes, the decline of the value of human life. Many people, describing the situation of 1917–1921, seemed to expect salvation from outside, external intervention. This article will reveal the above-mentioned problems in the literature of 1917–1921 with specific examples.

Keywords: poetry, philosophy, Russian revolution, red terror, human destiny, Nikolai Berdyaev, Sergei Trubetskoy, Anna Akhmatova, Boris Pasternak.

Трагическая для России эпоха 1917–1921 гг., подробно изученная историками, тем не менее ставит перед нами целый ряд, прежде всего, нравственных проблем. И этот аспект событий наиболее тонко и точно исследовали и запечатлели своими средствами крупнейшие поэты и мыслители того времени, свидетели и жертвы великого катаклизма.

Тогда же, по горячим следам, они старались понять и вывести на свет глубинный смысл происходящей на их глазах трагедии.

В 1918 г. Бердяев писал в программной статье «Духи русской революции»: «Русские сплошь и рядом бывают нигилистами-бунтарями из ложного морализма. Русский делает историю Богу из-за слезинки ребенка, возвращает билет, отрицает все ценности и святыни, он не выносит страданий, не хочет жертв. Но он ничего не сделает реально, чтобы слез было меньше, он увеличивает количество пролитых слез, он делает революцию, которая вся основана на неисчислимых слезах и страданиях»¹.

Бердяев, как понятно, отталкивается здесь от известного монолога Ивана Карамазова.

Как мы увидим, и мыслители, и поэты разглядели в происходящем подмену смысла – ложную справедливость. Ложной справедливостью, социальным реваншем невозможно было оправдать безграничную жестокость происходящего. Идея социальной революции, принимаемая значительной частью русской интеллигенции, будучи осуществленной, смертельно себя скомпрометировала, прежде всего, в аспекте нравственном.

Страдания невинных – вот, что стало для наших героев апофеозом аморализма революционной эпохи. Реальные качества и черты личности, индивидуальные поступки перестали по сути дела быть равными себе. Судьбу человека теперь решала принадлежность к некоей социально-политической общности. Для того чтобы

спасти, человек должен был перекраситься, надеть маску, перестать быть собой. Чтобы сохранить себя физически, нужно было пойти на моральную гибель.

Философ, а во время Первой мировой войны боевой офицер-артиллерист Федор Степун писал: «Под угрозой хладнокровного, рационального террора во всей непролетарской России начался небывалый по своим размерам процесс внутреннего и внешнего перекрашивания в защитный цвет революции.

Тысячи и тысячи людей, насильнически выгнанных революционным законодательством и произволом масс из своих помещичьих усадеб, городских особняков и даже скромных интеллигентских квартир, бросали вместе с накопленным добром и весь свой мирозерцательный багаж, дабы хоть как-то устроиться под спасительной крышей марксистской идеологии. Толпы этих обнищавших, внутренне неприкаянных переселенцев заполняли собою в качестве служащих, а зачастую даже и руководителей всевозможные советские учреждения, придавая жизни неуловимо призрачный, двоящийся характер. Охваченные со всех сторон партийным шпионажем, эти новоявленные “товарищи” легко запутывались в нем и, спасая себя, выдавали других. Нет сомнения, что безликий и вседуший шпионаж был самой страшной стороной террористической системы большевизма. Сердце каждого человека билось не в собственной груди, а в холодной руке невидимого “чекиста”»².

В результате этих процессов происходило самое страшное – гибель человеческой личности, основы здорового общества.

Эту страшную черту времени, результат революционной ломки, – нравственный распад – видел, разумеется, не один Степун. Мыслящие люди видели и понимали значение этого губительного процесса.

Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой, сын известного философа, общественный деятель, человек подчеркнуто аристократического мировидения, апологет русского дворянства и решительный сторонник белого движения, с горечью констатировал: «В эту эпоху было много светлых явлений русского духа: преданности воле Божьей, благородства, самопожертвования, храбрости, но, в общем, нельзя не признать, что это была эпоха морального разложения.

Атмосфера Гражданской войны и классово-ненависти все отравляла. При этом война – самая жестокая, беспощадная и подлая,

шла всюду. Постепенно ряды сражающихся все более смешивались, измена и предательство в самых разнообразных формах, как ужасные язвы, разъедали обе стороны. Конечно, я больше знал и больше болел тем, что происходило у белых, но и у красных моральное разложение зашло очень далеко: вся нация была отравлена, и яд проникал всюду.

Сколько ужасных картин и воспоминаний пронесется передо мною! Вот молодой гвардейский офицер, носитель одной из лучших фамилий России, сделавшийся секретным агентом ЧК... Вот другой офицер, предавший своих товарищей большевикам, потом заманенный в ловушку своими старыми друзьями и убитый там своим родственником – тоже офицером, мстившим за преданных на смерть товарищей... Мой друг, Сережа Мансуров, в наши студенческие годы говорил про меня, что я – “человек до Достоевского”. Действительно, при полном признании гениальности Достоевского у меня с юности было органическое отталкивание от “достоевщины”, столь близкой многим русским людям. А тут мне пришлось жить в такой “достоевщине”, что иной раз, пожалуй, и сам Достоевский от нее содрогнулся бы»³.

Причем все эти люди отнюдь не были глухими и слепыми реакционерами. Наоборот! Многие из них принимали революционную идею – в принципе. До ее осуществления. И трезво оценивали состояние предреволюционной России.

Тот же Трубецкой писал: «Революцию 1917 года менее всего можно назвать неожиданной, хотя, конечно, никто не мог предсказать ее сроки и формы.

Я совершенно ясно помню предшествующее ей гнетущее чувство мрачной обреченности. Я никогда не ощущал этого чувства столь ясно и сильно, как именно тогда.

Несмотря на некоторую примесь восточной крови – кажется, нет в мире больше аристократии с более смешанной кровью, чем русская! – я никогда не был фаталистом. А в политике я считаю фатализм ведущих слоев общества просто преступным. Но тогда, реагируя против этого чувства обреченности всеми силами своей души, я, как никогда, ощущал, что что-то “фатальное” нависло над Россией: злой Рок витал над ней... Под ногами чувствовались какие-то глухие подземные толчки: Ахеронт приходил в движение...»⁴.

Поэты оказались еще более чуткими и до, и после рокового перелома.

В поздних набросках автобиографии А.А. Ахматова писала: «В Петербурге был уже убитый Распутин, и ждали революции, которая была назначена на 20 января (1917 г. – прим. авт.) (в этот день я обедала у Натана Альтмана. Он подарил мне свой рисунок и написал: “В день Русской Революции”»)⁵.

Но инстинктом большого поэта Ахматова очень скоро почувствовала близость катастрофы:

Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы...

Это было написано в июле 1917 г.

В том же году было написано наполненное реальным смыслом стихотворение:

И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знаменах
Зловещие смеются черепа.

Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам.

Это точное описание июльских событий в Петрограде – бурных пробольшевистских демонстраций, сопровождаемых беспорядочной стрельбой и паникой. «За рекой» – на Васильевском острове находилась штаб-квартира анархистов – черные знамена с черепами – принимавших яростное участие в событиях.

Вообще Ахматова в 1917 г. оказалась слишком чуткой, чтобы увлечься общеромантическим ликованием по поводу падения деспотизма или легитимистским сожалением по тому же поводу. Ключевое ощущение от происходящего – тоска от мрачных предчувствий. Она догадывалась, что перелом такого масштаба и такой резкости может принести трудно представимые бедствия. Недаром: «В тоске смертельной мечется толпа...».

Почти с таких же слов начиналось знаменитое стихотворение, написанное в том же 1917 г.

В книге «Подорожник», вышедшей в 1921 г., эти стихи выглядели так:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

В таком виде эти стихи и публиковались в России много лет. Но в первой публикации 12 апреля 1918 г. в газете «Воля народа» они начинались по-другому:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,
Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница
Не знала, кто берет ее,
Мне голос был....

Последней строфы не было вообще. Она появилась в публикации 1921 г., когда – в новых политических обстоятельствах стихотворение приобрело иной смысловой оттенок.

Стихотворение насыщено смыслом и исторически многозначно.

Прежде всего, как видим, первые строки «Когда в тоске самоубийства Народ...» напрямую соотносятся со строкой стихотворения «В тоске смертельной мечется толпа...» Ахматова опреде-

ляет психологическое состояние народа (толпа, метавшаяся 4 июля под выстрелами, – и есть народ) как «смертельную тоску», «тоску самоубийства». Можно сомневаться в точности этого диагноза, но нам важен взгляд Ахматовой, ее восприятие происходящего.

Однако возникает вопрос: почему «самоубийства»?

Для того чтобы понять это, необходимо выяснить – кто такие «немецкие гости».

«Немецкие гости» в конце 1917 – начале 1918 г. – это и наступающие кайзеровские батальоны, и большевики, чьи лидеры прибыли в Россию через Германию и с помощью немцев. И в том, и в другом случае понятие «самоубийство» приобретает выраженный политический смысл. С большевиками все понятно – ожидая большевиков как избавителей от хаоса, народ готовил гибель нарождающейся свободы. Если иметь в виду наступающих немцев, которые могли в скором времени взять Петроград, то дело усложняется. Народ хочет прихода немцев. И это желание Ахматова считает самоубийственным.

Реальный комментарий делает последнее толкование вполне допустимым.

Бунин писал в «Окаянных днях» (19 апреля 1919 г.): «Весь день упорный слух о взятии румынами Тирасполя, о том, что Макензен уже в Черновицах, и даже о “падении Петрограда”. О, как люто все хотят этого!»

Сергей Трубецкой свидетельствовал о настроениях в канун Октябрьского переворота: «Все неуклонно шло к большевизму, никаких серьезных препятствий ему не было. Может быть, и то не наверное, остановить такое скольжение к социально-экономическому хаосу могла бы тогда только Германия. Кое-кто из русских на это рассчитывали...»⁶.

Многим отчаявшимся русским деятелям, равно как и рядовым гражданам, казалось, что единственная возможность спасти Россию от власти большевиков – вмешательство извне. В тот момент наиболее реальной силой были уже подошедшие к Пскову немцы.

Но почему же «самоубийство»?

Ахматова смотрела на вещи глубже многих своих сограждан, догадываясь о пагубной неестественности, неорганичности такого развития событий. И ее поэтическое ощущение вполне совпадало с пониманием ситуации философом и историком Георгием Петро-

вичем Федотовым. Оглядываясь на недавно прошедшее, Федотов писал в 1932 г.: «Национализм русский, раздавленный и униженный, легко принимает в настоящее время форму антиевропеизма. Но вне политических кругов он распространен гораздо шире, как обывательская подоплека, как кожное, утробное мироощущение. Европу ненавидят за то, что она спаслась, когда мы утонули, и за то, что она не спасла нас... Извращение национализма в нежелании нести национальную ответственность. Россия отвечает сама за себя. Большевизм – ее собственный грех, как и освобождение от большевизма – ее собственный подвиг»⁷.

Требование спасения извне, чужими руками Федотов называет «моральной тупостью».

«Россия отвечает сама за себя» – это была и позиция Ахматовой перед лицом крови и унижения, которые нес большевизм.

Ахматова, судя по всем ее стихам этого периода, была уверена, что России необходимо пройти через горнило искупления, чтобы снять с себя грех большевизма, грех братоубийства, грех разрушения нравственных связей. Как и Бердяев, и Федотов, она отнюдь не склонна была видеть причину кровавого катаклизма в узком политическом заговоре.

Так она определила и свою личную судьбу – отказ от эмиграции. Ей, очевидно, было близко безжалостное утверждение либерального публициста Александра Изгоева, который писал в июне 1918 г.: «Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли»⁸. Утверждение безусловное, но очень тогда распространенное в среде интеллектуальной элиты.

«Россия отвечает сама за себя»... И русская интеллигенция – прежде всего....

Но это отнюдь не означало хоть в какой-то мере оправдание большевизма.

Чтобы с полной ясностью понять, как относился круг Ахматовой к событиям 25 октября 1917 г., нужно вспомнить стихи близкого ей Мандельштама, с которым они в конце 1917 г. встречались почти ежедневно:

Когда октябрьский нам готовил временщик
Ярмо насилия и злобы

И оцетинился убийца-броневик
И пулеметчик узколобий,

Керенского распять потребовал солдат,
И злая чернь рукоплескала:
Нам сердце на штыки позволил взять Пилат,
Чтоб сердце биться перестало.

Стихи эти, откровенно оппозиционные новой власти, были опубликованы 15 ноября 1917 г. в той же «Воле народа».

Пастернак, уже летом 1917 г. предчувствующий надвигающийся ужас, что ясно ощущается в «Сестре моей жизни», в 1918 г. осознал его вполне. Когда в тюремной больнице были убиты пьяными матросами два министра Временного правительства – Шингарев и Кокошкин, демократы, земские деятели, то он откликнулся на это преступление потрясенными стихами:

Мutilся мозг. Вот так? в палате?
Ложились спать, снимали платье.
Курок упал и стер?

Кем были созданы матросы,
Кем город вполонна,
Кем ночь творцов; кем ночь отбросов,
Кем дух, кем имена?..

Сарказм на Маркса. О, тупицы!
Явитесь в чем своем.
Блесните! Дайте нас упиться!
Чем? Кровью? – Мы не пьем.
И последние строки:
Пред срывом пухнут кровью жилы
В усилях лжи и зла.

Пастернак старался сторониться прямых политических баталий, но наблюдаемые им «усиля лжи и зла» новой власти требовали поэтической реакции. И она последовала.

Пастернак принадлежал к той группе русских интеллигентов, которые восторженно приняли Февральскую революцию.

В этом поэты сходились с философами. Федор Степун писал: «Я никогда не был революционером, более того: во мне никогда не угасал как инстинктивный, так и сознательный протест против левых демократов, марксистов и социалистов-революционеров. Несмотря на такое отношение к революции я принял весть о ней радостно»⁹.

Но тем тяжелее было разочарование. Пастернак писал:

Как было хорошо дышать тобою в марте
И слышать во дворе, со снегом и хвоей
На солнце, поутру, вне лиц, имен и партий
Ломающее лед, дыхание твое!..

Что эта, изо всех великих революций
Светлейшая, не станет крови лить...

Но уже в начале 1918 г., в начале большой крови, метафорой революции для него стал кронштадтский самосуд над морскими офицерами:

Теперь ты – бунт. Теперь ты – топки полыханье.
И чад в котельной, где на головы котлов
Пред взрывом плещет ад Балтийскою лоханью
Людскую кровь, мозги и пьяный флотский блев.

Пастернак, как всегда, точен в деталях – матросы разбивали офицерам головы кувалдами. Отсюда – мозги...

Наступало время, когда ценность человеческой жизни упала до нуля. Самоценность человеческой личности стала фикцией. И это сокрушение основ гуманистического миропредставления, совершаемое новой властью, делало ее категорически неприемлемой для той категории русских интеллигентов, к которой принадлежали Ахматова и Бердяев, Мандельштам и Федотов, Пастернак и Степун...

Степун вспоминал: «Со дня на день креп террор, людей преследовали не только за их деяния и мысли, но и за их бездейственное немое бытие. Смертные приговоры выносились и приводились в исполнение не в порядке наказаний за преступление, а в порядке ликвидаций чужеродного, а потому непригодного для социалисти-

ческого строительства материала. Помещики, буржуи, священники, кулаки, белые офицеры так же просто выводились в расход, как в рационально поставленных хозяйствах выводится в расход одна порода скота ради выведения другой»¹⁰.

Поэты бестрепетно фиксировали реальность. Мыслители анализировали и старались понять сущностный смысл разворачивающейся трагедии России. Но был и еще один аспект происходящего, который удивительным образом роднил поэтов и философов – стоическое осознание очищающей силы трагедии. Осознание, которое для многих из них определялось в значительной степени их христианским мировидением.

И здесь мы встречаемся с явлением в своем роде уникальным – принципиальным родством в восприятии трагедии – красного террора – людей чисто художественного мышления и представительней мышления системного. Это явление свидетельствует о единстве культурно-психологического фундамента, интеллектуального контекста, в котором существовали творцы Серебряного века, продолжавшие нравственные традиции русского XIX в. То, о чем мы сейчас будем говорить, было бы понятно Пушкину, позднему Гоголю, Толстому, Достоевскому.

В 1921 г. Ахматова подвела итоги их общего взаимоотношения с эпохой красного террора.

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханием веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, –

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

Знаменательное совпадение ощущений – у Ахматовой «так близко подходит чудесное», а у Пастернака в апокалиптическом стихотворении 1917 г. «Распад»: «Поволжьем мира чудеса Взались, бушуют и не спят».

Просветление и ощущение чуда как результат проживания страшных лет – победа духа над страхом голого насилия.

Федор Степун писал об этих же годах и месяцах: «Насколько страшны были первые годы революции классоненавистническим растлением общества и революционным перекрашиванием России, настолько же значительным были они тем, что все вещи, чувства и мысли начали постепенно обнаруживать свой удельный вес, входить в истину своей сущности, своего подлинного значения... По всей линии разрушающейся цивилизации новый советский быт почти вплотную придвигался к бытию. Становясь необычайным, все привычное своеобразно преображалось и тем преображало нашу жизнь. Сквозь внешнюю оболочку вещей всюду видимо проступали заложенные в них первоидеи... В нашей внешней до убожества упрощенной жизни в те дни на каждом шагу совершались сложнейшие нравственные процессы... Жизнь на “вершинах” становилась биологической необходимостью; абсолютное “бытие” переставало быть возвышенным предметом философского созерцания и поэтического вдохновения, с каждым днем оно все больше становилось единственно возможною опорой нашей каждодневной жизни»¹¹.

Вот об этом «возвышении души» посреди крови и голода, о «жизни на вершинах» в момент исторического и бытового кошмара и написано приведенное выше стихотворение Ахматовой.

У Степуна: «Несмотря на этот ужас, в нашей советской жизни первых лет было нечто по своей значительности, весомости, а минутами даже просветленности (! – прим. авт.) решительно несравнимое со всем, что мы пережили до революции в России и после нее в Европе»¹².

Ахматова: «Отчего же нам стало светло?»

Степун: «По всей линии разрушающейся цивилизации новый советский быт почти вплотную придвигался бытию. Становясь необычайным, все привычное своеобразно преображалось».

Ахматова: «Итак близко подходит чудесное К развалившимся грязным домам, Никому, никому неизвестное...».

У Ахматовой – поэта и человека более религиозного, чем Степун, – были значительно сильнее и элемент экзальтации, и мотив просветления через страдание. Но направление мысли удивительно совпадает.

Поэт Николай Оцуп, близкий к Гумилеву в послеоктябрьское время, вспоминал: «Никогда мы не забудем Петербурга периода запустения и смерти, когда после девяти часов вечера нельзя было выходить на улицу, когда треск мотора ночью за окном заставлял в ужасе прислушиваться: за кем приехали? Когда падаль не надо было убирать – ее тут же на улице разрывали исхудавшие собаки и растаскивали по частям еще более исхудавшие люди.

И все же в эти годы было что-то *просветляющее* в нас, и все же:

Я тайно в сердце сохраняю
Тот неземной и страшный свет,
В который город был одет»¹³.

Это ощущение просветленности, неземного света, небывало высокого посреди невиданных испытаний, о чем говорили Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Оцуп и не только они, не только буквально совпадало с ощущениями философов (Степун), но и обосновывалось в те годы в сфере религиозной философии как эсхатологичность сознания.

Философ и политический мыслитель князь Евгений Николаевич Трубецкой, отец цитированного нами Сергея Трубецкого, написал в 1918 г. книгу «Смысл жизни», где комментировал происходящую катастрофу, опираясь на Евангелие.

«Евангелие указывает и другие признаки всеобщего распада человечества – глады и смятение..., моры... Когда стораец человеческое благополучие, гибнут относительные ценности, рушатся утопии, – все это бывает признаком, что Царство Божие близко, при дверях: потому что именно от отрешения от утопического и относительного человек сердцем приближается к вечному и безусловному... Именно в катастрофические эпохи сердце человеческое дает миру лучшее, что в нем есть, а уму открываются те глубочайшие тайны, которые в будничные эпохи истории заслоняются от умственного взора своей обыденщиною. Среди пламени мирового пожара, уничтожающего обветшалые формы жизни, рожда-

ются те величайшие откровения Духа Божия на земле, которые предваряют явления новой жизни»¹⁴.

Можно подумать, что Ахматова читала размышления Трубецкого – единство мировосприятия поэта и философа: близость чудесного, никем не изведенного, желанного от века духовного очищения, которое можно купить только ценой великих страданий.

Все они победили ужас красного террора и распада быта, сумев вырваться в бытие.

¹ Из глубины [сборник]. Париж, 1967. С. 84.

² Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. С. 203.

³ Трубецкой С.Е. Минувшее. Париж, 1989. С. 187.

⁴ Трубецкой. Указ. соч. С. 133.

⁵ Ахматова А.А. Сочинения. М., 1987. С. 427.

⁶ Трубецкой. Указ. соч. С. 161.

⁷ Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. Париж, 1973. С. 279.

⁸ «Из глубины»: сб. Париж, 1967. С. 184.

⁹ Степун Ф. Указ. соч. С. 24.

¹⁰ Степун Ф. Указ. соч. С. 202.

¹¹ Степун Ф. Указ. соч. С. 204.

¹² Степун Ф. Указ. соч. С. 203.

¹³ Оцуп Н., Н.С. Гумилев // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Париж – Нью-Йорк – Дюссельдорф, 1989. С. 178.

¹⁴ Цит. по Франк С.Л. Из истории русской философской мысли конца XIX и начала XX века. Вашингтон – Нью-Йорк, 1965. С. 142.

*Гонтмахер Евгений Шлемович,
доктор экономических наук,
профессор НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва)*

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ:
ПЕРЕГИБЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА
ИЛИ НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ?¹**

Аннотация. Анализируется концепция принудительного труда за рамками использования труда заключенных. Так, принудительным в советском государстве был любой труд, так как был только один работодатель – государство. Этот тезис подтверждается введением всеобщей трудовой повинности, запретом на самовольный переход на другое предприятие и установлением жесткой трудовой дисциплины. Идеологами принудительного труда были Лев Троцкий и Николай Бухарин, но их система привела к кризису, и на смену пришёл НЭП. С индустриализацией и коллективизацией принудительность труда привела к ещё большему «закрепощению» граждан Советского Союза. Автор раскрывает неочевидные механизмы организации принудительного труда и обозначает причины этого явления.

Ключевые слова: принудительный труд, экономическая история, советское государство, Всеобщая трудовая повинность, коллективизация, индустриализация.

*Gontmakher Evgeniy Shlemovich,
Doctor of Economic Sciences,
Professor at the Higher School of Economics (Moscow)*

**FORCED LABOR IN THE SOVIET UNION:
INTERRUPTIONS OF THE CONSTRUCTION OF
COMMUNISM OR AN INTEGRAL PART OF THE SYSTEM?**

Annotation. The author considers the concept of forced labor beyond the use of prisoners ' labor. Thus, any labor was forced in the Soviet state, since there was only one employer – the state. This thesis is confirmed by the

¹ Публичная лекция состоялась 30.10.2019 г. в Пермской краевой библиотеке им. А.М. Горького.

introduction of Universal labor service, the ban on unauthorized transfer to another enterprise and the establishment of strict labor discipline. The ideologists of forced labor were Leon Trotsky and Nikolai Bukharin, but their system led to a crisis and was replaced by the NEP. With industrialization and collectivization, forced labor led to an even greater «enslavement» of the citizens of the Soviet Union. The author reveals the non-obvious mechanisms of the organization of forced labor and identifies the causes of this phenomenon.

Keywords: forced labor, economic history, the Soviet state, Universal labor service, collectivization, industrialization.

Для того чтобы ответить на вопрос, поставленный в заголовке, надо определиться с тем, что такое «принудительный труд». Ответ дает специальная Конвенция Международной организации труда (МОТ), принятая в 1930 г.¹ В ней принудительный труд определяется как «всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для выполнения которой это лицо не предложило своих услуг добровольно».

МОТ тогда же принял специальные рекомендации, в которых считает необходимым избегать и косвенных средств, усиливающих экономическое давление на население².

Это значит, что феномен «принудительного труда» не ограничивается только его использованием в местах лишения свободы. Это намного более глубокое явление, связанное с целым рядом идеологических установок.

Обратимся, в частности, к представлениям Карла Маркса об экономической базе коммунизма. Вот их квинтэссенция:

«Коммунизм это:

- а) общественная собственность на средства производства;
- б) планомерная, сознательная организация общественного производства, заменяющая характерную для капитализма анархию;
- в) непосредственно общественный (заранее признанный обществом необходимым) труд и, соответственно, создаваемый им продукт;
- г) нетоварный характер связи между производителями»³.

Обозначенная выше институциональная сетка очень четко определяет характер труда. Определение «общественный» означает «принудительный» в том самом смысле, который определен Конвенцией МОТ. Почему? Общественная собственность, причем всеобщая, наряду с плановой организацией общественного производства отнимает у человека возможность выбора вида деятельности,

например в виде частного предпринимательства. Имеется в виду не только собственно предприниматель, но и все те, кто у него работают. Нанимателем в этой системе может быть только общество, но в совокупности с высказываемой Карлом Марксом идеей о необходимости «диктатуры пролетариата» это означает, что работодатель только один – государство. «Нетоварный» характер связей между производителями усиливает картину всеобщей принудительности труда при марксовом коммунизме тем, что отменяются понятия заработной платы и трудового договора. Людям обеспечивают их жизненные потребности ровно в той мере, в которой это посчитает рациональным «общество», т.е. все то же государство «диктатуры пролетариата». Отсюда остается один шаг до продуктовых карточек и принудительного прикрепления людей к их рабочим местам.

Эта социально-трудовая конструкция получила свое практическое развитие в России после революции 1917 г.

Незадолго до захвата власти в октябре 1917 г. Владимир Ленин в своей статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» пишет: «Что такое трудовая всеобщая повинность? Это шаг вперед на базе новейшего монополистического капитализма, шаг к регулированию экономической жизни в целом, по известному общему плану, шаг к сбережению народного труда, к предотвращению бессмысленной растраты его капитализмом».

Мы видим, что большевики пошли дальше Маркса. Вводится понятие «Всеобщая трудовая повинность». И это не просто дань кризисной ситуации, которая в тот момент действительно была. В январе 1918 г. на Третьем Всероссийском съезде Советов, который шел под контролем большевиков, была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой, в частности, сказано: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность»⁴.

В развитие этого положения в декабре 1918 г. был принят Кодекс законов о труде (КЗоТ), в котором была установлена трудовая повинность для всех граждан РСФСР⁵. И, наконец, декретами, принятыми Советом народных комиссаров 12 апреля 1919 г. и 27 апреля 1920 г.⁶, запрещались самовольный переход на новую работу и прогулы, устанавливалась суровая трудовая дисциплина на предприятиях. Широко распространилась также система неоплачиваемого труда в выходные и праздники в виде «субботников» и «воскресников».

Казалось бы, можно списать всю эту жесткость характера труда на Гражданскую войну, но уже в начале 1920 г. началась демобилизация высвободившихся от завершающихся боевых действий частей Красной армии. Но многие из тех, кто «отвоевался», домой не вернулись. Их отправили в так называемые «трудовые армии», сохранявшие военную организацию и дисциплину, но работавшие в народном хозяйстве. Первой трудовой армией стала 1-я Революционная армия труда, решение о формировании которой на базе 3-й армии Восточного фронта (Урал) 15 января 1920 г. принял Совнарком. Последней – восьмой – стала Сибирская трудовая армия, решение о создании которой было принято 15 января 1921 г.⁷

В этом же году прошел IX съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Гражданская война уже фактически закончилась, и нужно было выстраивать политику мирного хозяйственного строительства. Вот цитата из его решений: «Одобрены тезисы ЦК РКП о мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд, съезд постановляет...»⁸.

Основным идеологом и инициатором концепции «милитаризации труда» как нормы жизни при социализме (коммунизме) был Лев Троцкий, руководившийся доктриной «перманентной революции». Ее основная идея – создание системы принудительного труда, казарменной организации общества. Производство организовывалось по военному образцу, где вопрос трудовой дисциплины решался по законам военного времени (уклоняющиеся от работ направлялись в штрафные команды или концентрационные лагеря). Такая организация вела, по его мнению, к быстрейшему осознанию рабочими необходимости трудиться на благо всего общества, что, в свою очередь, являлось главным стимулом к труду, а следовательно, и росту его эффективности⁹.

И, наконец, принудительный труд в качестве нормы зафиксировал еще один тогдашний идеолог – Николай Бухарин. В своих популярных в 1919–1920 гг. книгах «Азбука коммунизма» и «Экономика переходного периода» он описывал социализм как натуральное хозяйство, своего рода единое трудовое предприятие, где все работают по строго рассчитанному плану на себя «на самых лучших машинах, на самых крупных заводах». Вместо торговли – распределение продуктов «на основе учета потребностей и учета запасов». Возникает необходимость перехода к «натурально-хозяй-

ственному мышлению». Отпадает необходимость в таких категориях, как «товар, цена, ценность, заработная плата, прибыль»¹⁰.

Жизнь Советской России по этим лекалам пытались построить в 1920–1921 гг., что очень быстро привело к глубочайшему системному кризису. В этих условиях в марте 1921 г. была объявлена Новая экономическая политика (НЭП). В течение последовавших нескольких лет «принудительный труд» в том понимании, которые закладывали большевики, практически не использовался, хотя уже тогда существовали зачатки ГУЛАГа, например Соловецкий лагерь особого назначения с массовым «исправительным» трудом заключенных.

НЭП, как известно, продолжался недолго. Уже в конце 1920-х гг. была объявлена коллективизация сельского хозяйства. По единодушному мнению историков, создание колхозов и совхозов на практике означало закрепощение людей не в трудовой сфере, но и во многих других аспектах жизни (например, запрет на свободное изменение места жительства).

Но и при проведении индустриализации элементы принудительного труда использовались повсеместно. Бывших крестьян, перемещавшихся на «стройки коммунизма», и фактически, и юридически лишали возможности сменить по своей воле место жительства. Что касается собственно труда, то уже в начале 1930-х гг. государственная собственность стала всеобъемлющей, тем более в индустриальных новостройках. Поэтому этот единственный монопольный работодатель диктовал условия труда (которые зачастую были опасными) и размер его оплаты (который для основной массы рабочих был мизерным). До 1935 г. функционировала карточная система, которая детально регламентировала объем потребляемых продуктов и непродовольственных товаров каждого городского жителя, а тем временем в сельской местности изъятие произведенного продовольствия привело к массовому голоду, жертвами которого стали по крайней мере несколько миллионов человек.

И, в конце концов, именно в начале 1930-х гг. оформилась система ГУЛАГа, в которой миллионы заключенных принудительно работали в нечеловеческих условиях и, как следствие, массово умирали.

Колоссальная и практически повсеместная сверхэксплуатация труда в Советском Союзе в его самых варварских формах (прикрепление крестьян и городских рабочих к средствам произ-

водства, принадлежащим государству, ГУЛАГ) не окончилась со смертью в 1953 г. Иосифа Сталина – создателя этой троцкистской по своей сути системы.

Единственный положительный сдвиг – это ликвидация во время «оттепели» ГУЛАГа с освобождением миллионов заключенных. Лагеря перестали использоваться в качестве источника дармовой рабочей силы, об условиях жизни которой никто не беспокоился.

Однако институциональные основы принудительного труда в СССР продолжали существовать вплоть до конца 1980-х гг. Это, прежде всего, монополия государства на рабочие места. Лишь в самом конце 1980-х гг. были разрешены кооперативы, бурное развитие которых и других форм частного предпринимательства пришлось уже на постсоветское время.

Колхозникам не выдавали паспорта, необходимые для смены места жительства, до 1974 г. И вплоть до конца СССР колхозы выполняли «производственные планы» отгрузки продукции в государственные закрома, спускаемые «сверху», а личные подсобные хозяйства сельских жителей всячески ограничивались. В начале 1960-х гг. был введен даже налог на кур и другую живность, которые там выращивались для семейных нужд, вырубались яблони и другие плодовые деревья. Всё это делалось под маркой строительства коммунизма, в котором личные подсобные хозяйства совсем не нужны – «С каждого – по способностям, каждому – по потребностям».

Очевидными признаками массового принудительного труда были и преследование «тунеядцев» («Кто не работает, тот не ест»), многие из которых занимались, как Иосиф Бродский, творческой, неформальной деятельностью, и необходимость «непрерывного» трудового стажа для получения хоть какой-то сносной пенсии.

К таким проявлениям принудительного можно отнести:

- осуждение «летунов», т.е. людей, часто меняющих работу;
- преследование «цеховиков», которые разрушали государственную монополию на рабочие места;
- институт прописки;
- принудительное распределение после окончания вузов;
- заселение территорий Крайнем Севере с использованием мизерных материальных стимулов в обмен на вредный труд и заведомо непригодные для жизни природно-климатические условия жизни;
- создание «закрытых городов»;

– всеобщее нормирование зарплат и жесткая зависимость от государства для получения жилья и других социальных благ.

Казалось бы, в новой России все эти и многие другие признаки принудительного труда должны были исчезнуть. В какой-то степени это и произошло, особенно в связи с приватизацией 1990-х гг., исчезновением «прописки», открытием границ, общим изменением политической системы.

Однако сейчас можно утверждать, что некоторые косвенные признаки принудительного труда все же снова видны.

Это связано, прежде всего, с экспансией государства в экономику. По оценкам, более 50 % российской экономики сейчас в той или иной форме контролируется государством. Это и так называемые госкорпорации, и те акционерные общества, в которых у правительства имеется контрольный пакет, и бюджетная сфера (образование, здравоохранение, культура, социальная защита). Соответственно, примерно у 2/3 семей хотя бы часть доходов (зарплата, пособия, пенсии) так или иначе поступают из государственных или окологосударственных источников.

Кроме того, доминирующая роль государства в российской экономике приводит к концентрации «хороших» (приличная зарплата, терпимые условия труда) рабочих мест в том секторе, который оно контролирует. Их примерно 1/3 от всего рынка труда. Остальная экономика не может развиваться из-за прессинга государства на частную предпринимательскую инициативу. Недаром в России токсичный для инвестиций бизнес-климат стагнирует малый и отчасти средний бизнес. Поэтому те, кто не смог попасть на «хорошие» места, вынуждены занимать «плохие» места, преимущественно в депрессивном негосударственном секторе.

Предстоящие рано или поздно масштабные российские реформы должны придать динамику экономическому развитию, а значит, наконец, сведут сферу принудительного труда в стране до незначительного минимума.

¹ Конвенция № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120759 (дата обращения: 10.10.2020).

² Рекомендация № 35 Международной организации труда «О косвенном принуждении к труду» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной

конференции МОТ) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/abro/1668> (дата обращения: 10.10.2020).

³ История экономической мысли / под ред. В.В. Круглова, Е.В. Балахоновой. М., 2008. 240 с.

⁴ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (принята 12 января 1918 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://maxpark.com/user/880403326/content/556624> (дата обращения: 10.10.2020).

⁵ Кодекс законов о труде 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=4850> (дата обращения: 10.10.2020).

⁶ Принят Декрет «О порядке всеобщей трудовой повинности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/history/618990> (дата обращения: 10.10.2020).

⁷ Трудовые армии 1920–1921 годов (статья в Википедии) [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Трудовые_армии_1920–1921_годов (дата обращения: 10.10.2020).

⁸ Девятый съезд РКП(б), март-апрель 1920 года: протоколы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. С. 533.

⁹ Троцкий Л. Очередные задачи хозяйственного строительства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotl545.html> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁰ Бухарин Н.И. Азбука коммунизма [Электронный ресурс]. URL: https://www.litres.ru/nikolay-buharin/azbuka-kommunizma/chitat-onlayn/?yclid=6785016712276781332&utm_medium=cpc&utm_source=yandex&utm_campaign=DSA_~402475360%7C47897814&utm_term=&utm_content=v2%7C%7C8331626511%7C%7C938794%7C%7C%7C%7C1%7C%7Cpremium%7C%7Cnone%7C%7Csearch%7C%7Cno&k50id=01000000938794_Все%20страницы; https://iknigi.net/avtor-nikolay-buharin/56980-ekonomika-perchodnogo-perioda-nikolay-buharin/read/page-1.html (дата обращения: 10.10.2020).

*Тихонов Виталий Витальевич,
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института российской истории РАН,
профессор Российского государственного
гуманитарного университета (г. Москва)*

**«ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН СССР
И «ДЕЛО» П.И. ЯКИРА»¹**

Аннотация. Автор рассматривает проблему генезиса диссидентского движения в СССР на примере «дела» Петра Якира – сотрудника академического Института истории. Якир был сыном военачальника, репрессированного в сталинские годы, и сам долгое время носил клеймо «врага народа». После XX съезда КПСС семью реабилитировали, однако рамки официально дозволенной свободы обсуждения сталинизма были очень ограничены. Фигура Петра Якира, участвовавшего в неофициальной общественной жизни 1960-х гг., но «отрекшегося» от инакомыслия под угрозой нового тюремного срока, рельефно показывает противоречивость отношений профессиональной корпорации историков СССР с властью и элементами гражданского общества.

Ключевые слова: историография, советские диссиденты, шестидесятники, инакомыслие, Институт истории.

*Tikhonov Vitaly Vitalievich,
Doctor of History, Leading Researcher Institute of Russian History,
Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)*

**INSTITUTE OF HISTORY AND THE CASE
OF PETR YAKIR**

Annotation. The author examines the problem of the genesis of the dissident movement in the USSR on the example of the "case" of Pyotr Yakir, an employee of the Academic Institute of History. Yakir was the son of a military

¹ Лекция прочитана 30 октября 2021 г. в рамках VI Всероссийской научно-практической конференции «Время надежд: XX съезд КПСС. Причины, последствия, нереализованные возможности».

leader who was repressed during the Stalin years, and for a long time himself had the status of an "enemy of the people." After the 20th Congress of the CPSU, the family was rehabilitated, but the scope of the officially permitted freedom to discuss Stalinism was very limited. The personality of Pyotr Yakir, who participated in the unofficial social life of the 1960s, but "renounced" dissent under the threat of a new prison term, clearly shows the contradictions between the professional corporation of Soviet historians, the authorities and elements of civil society.

Keywords: historiography, Soviet dissidents, the sixties, dissent, Institute of History.

В героическом «диссидентском мифе» присутствует разделение на так называемых «официальных историков» и независимых историков, являвшихся частью диссидентского движения¹. Причем нередко под «официальными историками» подразумевались профессиональные историки вообще. Но такое разделение выглядит чрезмерно радикальным. В реальности границы были подвижны, ряд профессиональных историков тесно соприкасался с диссидентской средой, а некоторые активные участники диссидентского движения когда-либо имели официальное место работы в научно-исследовательских институтах (братья Медведевы, П.И. Якир, М.Я. Гефтер).

Часто в качестве ответа на вопрос о мотивах дистанцирования профессиональных историков от общественной активности в советское время отмечается страх потери карьеры или культивация аполитичности. Не отрицая и этих мотивов, можно указать, что нежелание большинства «ученой братии» (впрочем, в обсуждениях на ученых советах и открытых заседаниях, по крайней мере в 1960-е гг., вовлекался не один десяток человек) участвовать в бурных дебатах отражает, скорее, уровень их общественного темперамента, а не некую демонстративную позицию. Сказывалось и отсутствие в СССР полноценного «публичного пространства». Безусловно, среди советских ученых можно выявить установку, согласно которой ученый должен в первую очередь выполнять свой профессиональный долг, а не увлекаться политикой, мешающей и ставящей под удар выполнение его прямых профессиональных обязанностей. Многие считали, что именно так можно сделать мир немного лучше (это напоминало теорию «малых дел»).

Для осмысления указанных установок используется концепция «идеологии профессионализма». По мнению Н. Копосова, «...советская историография культивировала идеал члена сражающегося коллектива... В 1960–1970-е гг. он уступил место образу аполитичного эксперта, которому соответствовала идеология профессионализма. Отказ от теории во имя фактографии скрывал как неприятие склеротической идеологии, так и неготовность выступить против нее»². Думаю, что нарисованная широким мазком картина сильно упрощает реальность. Можно ли назвать В.П. Данилова, А.М. Некрича, М.Я. Гефтера и их оппонентов «аполитичными экспертами»³? Неслучайно перечисленные историки вполне вписаны как в академическую историю науки, так и в диссидентский нарратив. А известный «даниловский партком» стал заметным явлением общественной жизни столицы, превратившись в центр притяжения сторонников демократизации и десталинизации исторической науки. Вообще, по меткому наблюдению Б. Мартин, политическая заостренность исторических текстов диссидентов была во многом следствием открытой политизированности советской историографии⁴. То есть аполитичность – это не тот термин, который позволяет прояснить ситуацию. Также Б. Мартин признала, что четко отделить историков-диссидентов от профессиональной среды не получается⁵.

Подвижность границ между частью историков (как правило, они идентифицировали себя как «историки-шестидесятники») хорошо демонстрирует судьба одного из самых известных деятелей диссидентского движения – П.И. Якира, сына расстрелянного в 1937 г. командарма И.Э. Якира. Он оказался в заключении еще в детстве и провел по лагерям и ссылкам в общей сложности 17 лет. После реабилитации сумел поступить в Историко-архивный институт, который окончил с отличием и стал, будучи уже немолодым человеком, аспирантом Института истории. Здесь он подготовил диссертацию на тему «Перевод Красной армии на мирное положение, 1921–1923 гг.», которую рекомендовали к защите (защищена так и не была). Он получает хорошие характеристики от заведующего сектором истории Революции и Гражданской войны П.Н. Соболева (человека, считавшегося сто-

ронником ортодоксальных взглядов) и Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции»⁶ и с 1 января 1966 г. зачисляется в Научный совет на должность младшего научного сотрудника⁷. Это не могло обойтись без санкции руководителя совета – академика И.И. Минца, знавшего отца Якира.

Но в том же году Якир-младший начинает активную общественную деятельность (что, видимо, затормозило доведение диссертации до защиты). В определенном смысле этому способствовала общественная атмосфера Института истории во второй половине 1960-х гг. Устремления историков-шестидесятников (как они сами себя идентифицировали) и многих участников диссидентского движения в целом совпадали. На это время приходится активная деятельность так называемого «даниловского парткома», выступавшего за десталинизацию и демократизацию исторической науки, проходит бурное обсуждение книги А.М. Некрича «1941, 22 июня».

Во всех этих событиях Якир принимал деятельное участие, в том числе и за рамками академической среды. Он активно выступает против ресталинизации и участвует в «подписных» кампаниях. В январе 1968 г. П. Якир, Ю. Ким и И. Габай выступили с обращением «К деятелям науки, культуры, искусства», в котором выражался протест против ресталинизации и преследования инакомыслящих. Видимо, это стало последней каплей для контролирующих органов, на П. Якира началось давление на работе. Прошло по меньшей мере два собрания, на которых его деятельность подверглась осуждению. Поводом стало письмо рабочих завода «Красный пролетарий», возмущенных, якобы, антисоветской позицией «подписантов».

Доступен протокол первого собрания, проходившего 28 марта 1968 г. и собравшего сотрудников Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», а также сотрудников других секторов и групп. Председателем являлся Г.А. Трукан, присутствовало 52 человека. Открывая собрание, председатель указал, что «на повестке... вопрос о политически безответственном поведении младшего научного сотрудника Научного совета П.И. Якира»⁸. Говорилось, что

подписанные Якиром воззвания стали орудием в руках антисоветской пропаганды за рубежом (в частности, были зачитаны на «Голосе Америки»). Помимо этого, распространяя их, он нарушал производственную дисциплину.

Неожиданно выступил «старый большевик» А.П. Кучкин, предложивший выслушать обсуждаемого. Трукан раздраженно подчеркнул, что «важнее оценить действия Якира и документы, подписанные им». Далее протокол отразил следующий диалог:

«Якир: Я не знаю, о чем мне говорить.

Кучкин: Что заставило Вас подписать антигосударственное письмо, что за сообщники, что толкнуло Вас к этому. Потом будем решать, как с Вами поступать.

Якир: Мои друзья – честные советские люди и документ – тоже [честный]. Меня никто никогда не толкал. Считаю, что правильно поступил, это голос совести. Писал не для “Голоса Америки”, а для советских людей. Как оно туда попало – не знаю. Подписал этот документ, так как это мой гражданский долг. Не раскаиваюсь в этом»⁹.

Вскоре выяснилось, что мало кто знает о содержании обращения «К деятелям науки, культуры, искусства». Трукан вновь напомнил, что обсуждается не письмо, а поведение Якира, поэтому выяснять содержание обращения не надо. Его поддержал И.И. Минц, сказавший, что письмо уже передавали по «Голосу Америки» и ВВС – 15 раз (видимо, намекал, что кому надо – тот уже мог давно ознакомиться). Но большинство участников продолжало настаивать на оглашении документа. Трукан зачитал письмо. После этого И.И. Минц выступил в том духе, что нельзя врагам Советского Союза давать повод давления на страну, а Якир именно это и сделал¹⁰. Интересно, что Минц напирал на «долг профессионализма»: историк должен заниматься своей работой, «завоевать право называться научным работником»¹¹. Ему вторил Д.А. Коваленко: «Научным трудом надо исправлять ошибки прошлого. Вместо этого Вы помогаете заполнять эфир злобными антисоветскими измышлениями»¹². В том же духе выступили В.Ф. Миллер, Б.Н. Казанцев, С.С. Хесин. А.П. Кучкин заявил, что Якир не раскаялся. В русле новых веяний он говорил: «Чем объяснить, что Якир стал на такой путь. У него произошел психологический срыв, это мы понимаем. Никто не оправдывает

нарушение демократии периода культа Сталина, но нельзя десятки лет муссировать это и тем самым лить воду на мельницу наших врагов. Ненависть Якира к Сталину может перерасти у Вас в ненависть к советскому строю, социализму, бойтесь этого... Я что-то теряю веру в то, что он может в нашем коллективе исправиться. Не стоит ли сделать то же, что сделали в Польше с частью студентов, – послали на производство для оздоровления. Вам надо увидеть, чем дышит рабочий класс, тогда Вы поймете свою ошибку»¹³.

Компромиссную позицию занял М.П. Ким. Он предложил ответить на обвинения самому Якиру. Тот сказал: «Сожалею, что письмо передано по иностранному радио. 17 лет работал токарем, в шахте и в лесу. Сбор подписей не отнимает времени. С диссертацией – затянул, сейчас она на внешней рецензии. Сам хочу ускорить ее завершение, конечно, какое-то время упустил»¹⁴. Выступивший следом М.П. Ким делал упор на необходимости перевоспитания Якира в коллективе Института истории, а не увольнение его или «высылку к рабочим». Но выступавший потребовал, чтобы тот отрезал от своих «клеветнических писаний». Заявление Якира о том, что он не считает содержание письма ошибочным и «обещает подумать, может быть, и изменить мнение» вызвало шум и протесты собрания. Единогласно была принята резолюция, осуждающая поведение Якира. Пожалуй, на данном примере можно хорошо увидеть, что «идеология профессионализма» (разумеется, в усеченном виде) могла использоваться в качестве инструмента давления и контроля. Апелляция к ней позволяла вывести политику за рамки профессионального долга.

Согласно справке, представленной 29 августа 1972 г. в следственный отдел КГБ (т.е. во время следствия по делу «Якира – Красина») и подписанной заместителем директора Г.А. Труканом, 10 апреля 1968 г. прошло собрание отдела истории советского общества Института (т.е. собрание секторов, входивших в отдел), на котором присутствовало 68 человек. Выступили восемь человек, включая академика И.И. Минца и члена-корреспондента М.П. Кима. На собрании вменялось и нарушение трудовой дисциплины, «недобросовестное отношение к служебным обязанностям». Якир на собрании «вел себя неискренне, а на прямой вопрос: будет ли он продолжать участвовать в составлении антисоветских воззваний и заявлений, он ответил: “Не будет, если советское правительство

своей политикой не принудит его к этому»¹⁵. Собрание приняло резолюцию, в которой осудило деятельность Якира и отметило «несовместимость этих действий с дальнейшим пребыванием в идеологическом учреждении»¹⁶.

После разделения Института истории на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории¹⁷ Якир был уволен и переведен на должность библиографа в ИНИОН. В эти годы он становится одним из лидеров диссидентского движения. В 1972 г. его и В. Красина арестовали и после давления оба публично покались, что произвело тяжелое впечатление в диссидентских кругах. Близко знавший Якира сотрудник Института А.П. Ненароков вспоминает, что во время посещения Якира в рязанской ссылке тот сказал ему: «Ну не мог я еще раз сидеть, ни месяца, ни недели. Когда объявляли приговор, несмотря на все уверения, что его заменят [на более мягкий], меня трясло»¹⁸. После освобождения П.И. Якир уже не принимал деятельного участия в диссидентском движении. Он часто приходил в Институт истории, где продолжали работать многие его друзья и знакомые. По воспоминаниям свидетелей, Якир производил впечатление сломленного человека. Скончался он в 1982 г.

Случай Якира демонстрирует, что в 1960-е гг. сообщество диссидентов и круги профессиональных историков находились в более или менее тесном взаимодействии. Якир стремился сделать карьеру профессионального историка, но общественный темперамент взял верх. Впрочем, рост общественной активности в самом Институте истории также создавал соответствующую атмосферу. Тем не менее среди значительной группы историков сохранялась ограничивающая трактовка «идеологии профессионализма», в которой долг историка состоял в выполнении профессиональной работы. Впрочем, можно предположить, что в значительной мере перед нами риторический прием, используемый стремящимися осудить деятельность Якира. Усиление контроля, притеснения ряда историков-шестидесятников, разгром так называемого «нового направления» (историки, стремившиеся по-новому переосмыслить предпосылки Октябрьской революции) и т.д. привели к тому, что академическая среда рассматривалась как все более догматичная. Историки-диссиденты 1970-х гг. уже демонстративно дистанциро-

вались от «официальных» историков, не ища контактов с ними. Процесс Якира – Красина подвел черту под первым этапом диссидентского движения.

¹ Например: Исторический сборник «Память»: исследования и материалы / сост., комм. Б. Мартин, А. Свешников. М.: НЛО, 2017. С. 212, 245, 342 и др.

² Копосов Н. Память строгого режима: история и политика России. М.: НЛО, 2011. С. 192. Об этом же писал В. Шлапентох в отношении ученых в целом: Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 93–98. Позиция Н.Е. Копосова была поддержана А.В. Свешниковым, см.: Исторический сборник «Память». С. 165.

³ Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями / публ. Л. В. Даниловой // Вопросы истории. 2007. № 12; 2008. № 1–2; Martin B. Dissident histories in the Soviet Union: From De-Stalinization to Perestroika. London: Bloomsbury Academic, 2019. P. 75–81.

⁴ Исторический сборник «Память». С. 50.

⁵ Martin B. Op.cit. P. 110.

⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Личное дело П.И. Якира. Л. 17–18.

⁷ Там же. Л. 27.

⁸ Там же. Л. 21.

⁹ Там же. Л. 22.

¹⁰ По воспоминаниям А.П. Ненарокова И.И. Минц держал Якира в Научном совете столько, сколько позволяли обстоятельства, см.: Ненароков А.П. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Кн. 1. Вдаль к началу. М.: Новый хронограф, 2009. С. 235.

¹¹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Личное дело П.И. Якира. Л. 23.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 24–25.

¹⁴ Там же. Л. 25.

¹⁵ Там же. Л. 19.

¹⁶ Там же. Л. 20.

¹⁷ Часто разделение Института связывают именно со стремлением уволить П.И. Якира. Скорее всего, это не так, причин было немало, и доминировали общеорганизационные соображения. См.: Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В. «Штатов – избылье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. // Российская история. 2020. № 3. С. 173–184.

¹⁸ Ненароков А.П. Указ. соч. С. 236.

*Дегтярева Мария Игоревна,
доктор философских наук, кандидат исторических наук,
Пермская епархия Русской Православной церкви*

**«ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ»: ДЕЛО
«ОБЩЕСТВА ТРУДОВОГО ДУХОВЕНСТВА» (1937 Г.).
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМГАСПИ¹**

Аннотация. Октябрьская революция 1917 г. и развернутая властью антицерковная кампания привели к парадоксальному результату. Для части советских граждан 1920–1930-е гг. стали временем духовной дезориентации и разочарования. Для другой – противостояния идеологическому контролю, а нередко и возвращения в лоно гонимой и переживающей трагедию разделения Православной церкви. В СССР в тот период складывалась традиция тайной жизни в Церкви и открытого исповедничества.

Ключевые слова: церковь, антирелигиозное преследование, «общество трудового духовенства», «православные братства».

*Degtyareva Maria Igorevna,
Doctor of Philosophy, Candidate of Historical Sciences,
Perm diocese
Russian Orthodox Church*

**"LOOKING AT THE THIRTY-SEVEN: THE CASE
OF THE SOCIETY OF LABOR SPIRITUALITY" (1937).
ON THE MATERIALS OF PERMGASPI**

Annotation. The October Revolution of 1917 and the anti-church campaign launched by the authorities led to a paradoxical result. For some of our compatriots, the 20s – 30s became a time of spiritual disorientation and disappointment. For another part, it was a time of resisting ideological control and returning to the bosom of the tragically divided Orthodox Church. In the USSR at that time there was a tradition of secret life in the Church.

¹ Публичная лекция состоялась 16.08.2019 г. на Пермской ярмарке в рамках межрегиональной выставки «Православная Русь».

The phenomenon of the church «underground» appeared on the territory of the USSR. One of its manifestations was the activity of the St. Petersburg «Orthodox brotherhoods». A later echo «of the St. Petersburg history was the Perm case of 1937 about the «Society of Working Clergy». The materials of Perm State Archive of Socio-Political History show that the idea of organizing such a structure led to the fabrication of a collective case by Perm and Sverdlovsk investigators. This case was about a «counter-revolutionary terrorist insurgent organization» of allied significance. The attempt of believers to defend the rights of «freedom of conscience and religion» declared by the Constitution was perceived by the authorities as a manifestation of «political unreliability».

Keywords: church, anti-religious persecution, «Society of working clergy», «Orthodox brotherhoods».

На территории СССР возник феномен церковного «подполья». Одним из его проявлений была деятельность петербургских «православных братств». Более поздним «отголоском» петербургской истории стало пермское дело 1937 г. о так называемом «Обществе трудового духовенства». Материалы ПермГАСПИ свидетельствуют: едва зародившийся замысел об организации подобной структуры в Перми послужил поводом для фабрикации пермскими и свердловскими следователями коллективного дела о мнимой «контрреволюционной террористической повстанческой организации» союзного значения. Попытка верующих отстоять декларируемые Конституцией права «свободы совести и вероисповедания» воспринималась властями как проявление «политической неблагонадежности».

I

В 2019 г. исполнилось ровно семьдесят лет с момента проведения первой масштабной внутриведомственной проверки НКВД в Перми и в Свердловске по «горячим следам» деяний «передовиков большого террора», имевшей целью прояснить обстоятельства, при которых в 1937 г. на Урале производились исчисляемые сотнями аресты советских граждан. Благодаря снятию «грифа» секретности, сегодня есть возможность поделиться результатами проведенного исследования, отдать долг памяти и нашим соотечественникам, и братьям по вере – православным канонического подчинения, на целые десятилетия лишенным человеческого участия и особого поминовения в Церкви.

В 1939 г. поводом для проведения проверки послужило то, что среди обвиненных ранее в политических преступлениях оказалось значительное количество военнослужащих разного ранга: от рядовых – до представителей командного состава РККА¹ и ОСОАВИАХИМА². Несправедливость приговоров в отношении пермских священников и верующих в ходе внутренней проверки НКВД 1939 г. не составила самостоятельного направления, но уже тогда выяснилось, что «драматургическая основа» большого пермско-свердловского дела охватывала не только советских руководителей, но и множество представителей Церкви. Для того, чтобы правда об этой трагедии открылась до конца, потребовалось полвека.

Прежде чем перейти к сюжетной фабуле дела «Общества трудового духовенства» следует дать общую характеристику церковно-государственным отношениям в советской России с момента революции до 1937 г., ситуации в Церкви и раскольным течениям, с которыми мы встретимся при рассмотрении этого дела, а также сказать об особенностях общественно-политической ситуации 1937 г.

Чем определялось отношение Русской Православной Церкви к советской власти и претерпело ли оно с момента революции существенное изменение? Какое направление в развитии церковно-государственных отношений было задано Патриархом Тихоном и митрополитом Сергием (Страгородским)?

Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война нанесли страшный удар по Церкви. С момента Февральской революции, по воспоминаниям одного из самых авторитетных иерархов Русской Православной Церкви митрополита Вениамина (Федченкова), Церковь (а точнее ее большинство, представленное на Поместном Соборе 1917 г.) старалась занимать позицию «над схваткой»: «Большинство членов Собора были благоразумны, осторожны и даже пассивно-лояльны к тому, что делалось вокруг нас: государство имеет свои задачи, а Церковь – свои. <...> И мы спокойно, совершенно спокойно продолжали свои занятия на Соборе. На чьей стороне был я и вообще мы, члены Собора? Разумеется, юнкера³ были нам более своими по духу. Не были мы и против народа <...>, и мы заняли позицию посредине, и, пожалуй, это было верно исторически: Церковь тогда стала на линию нейтральности...»⁴.

Отдельно надо отметить позицию Святейшего Правительствующего Синода. 9 марта 1917 г. Синод обратился к всероссийской пастве с посланием, где говорилось: «Совершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути»⁵. Причиной такой позиции были накопившиеся проблемы во внутренней жизни Церкви в синодальный период и отложенность назревшего вопроса о Поместном Соборе.

Последний русский император – Николай Александрович, дав принципиальное согласие на созыв Поместного Собора Православной Российской Церкви в 1905 г., по представлению докладной записки председателя Комитета министров С.Ю. Витте и ходатайству Синода⁶, в 1907 г. наложил на решения первого предсоборного органа⁷ резолюцию о «неблаговременности» его проведения. Ситуация повторилась и в 1913 г.⁸ Царь находился тогда под влиянием общей установки премьер-министра П.А. Столыпина: «Сначала успокоение, потом – реформы»; сказалось и влияние консервативной позиции обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Так или иначе до начала второй русской революции стабилизирующие возможности реформы для предотвращения кризиса в области церковно-государственных отношений использованы не были. Это и послужило причиной того, что архиереи – члены Синода – на последнем его заседании при «старом режиме» 26 февраля (2 марта) 1917 г. отказались обратиться с воззванием к народу о поддержке монархии.

Временное правительство, провозгласив демократические свободы (слова, печати, собраний), дало Церкви разрешение на проведение Поместного Собора. Однако последующие события обнаружили, что со сменой политической власти в стране Православная Церковь лишилась традиционной защиты со стороны государства, в котором она пользовалась преимущественными правами. Курс на секуляризацию Церкви от государства обозначило уже Временное правительство. 20 июня 1917 г. вышел указ о национализации всех общеобразовательных школ (в том числе 37 тысяч церковно-приходских учебных заведений).

С октября 1917 г., то есть с момента прихода к власти партии большевиков и создания фактически однопартийной политической системы⁹, ситуация для Церкви усугубилась. На первых порах РСДРП(б) представляла себя едва ли ни «самой демократической

партией», провозгласив широкий спектр свобод (в том числе свободы совести и вероисповедания). Однако идеологические основания большевизма – так называемый «научный атеизм» и теория «классовой борьбы» (в предельном воплощении – братоубийства) – вступали в диссонанс с верой в Бога и непреложными нравственными заповедями Евангелия. В сознании идеологов большевизма христианство и Церковь были «фундаментом старой государственной системы», которая (в чем большевики были убеждены) должна быть «уничтожена до основания». Действительно, для христиан немаловажное значение имеет заповедь послушания власти и молитвы за власть предержащих. Значительная часть населения России была воспитана с сознанием того, что законопослушие и уважение к власти – это норма христианского поведения. Вот почему Церковь воспринималась Лениным и его окружением как сила, не разделяющая курса большевиков на «разрушение старого мира».

Первые эксцессы насилия по отношению к Православной Церкви, ее служителям и чадам относятся по времени к осени 1917 г. – началу 1918 г. «Первомучениками» Русской Православной Церкви стали петроградские священники – Иоанн Кочуров и Петр Скипетров. Первый был убит «распропагандированными» солдатами и матросами во время молебна о прекращении междоусобной брани 31 октября 1917 г.; второй – 2 февраля 1918 г. при повторной попытке захвата большевиками Александро-Невской Лавры¹⁰, когда он попытался обратиться к вооруженным штурмовикам со словами увещания. 25 января (7 февраля) в Киеве был жестоко убит митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), а в отдельных районах России зимой 1917–1918 гг. явочным порядком совершались убийства офицеров и гражданских лиц.

Между тем новая власть приступила к формированию своих боевых частей. С 24 ноября 1917 г. обрели полномочия революционные трибуналы. В декабре 1917 г. был подписан указ о создании ЧК во главе с Ф.Э. Дзержинским, и с января 1917 г. началось формирование ее структуры. 21 февраля 1918 г. вышел в свет Декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности», а 13 июня была восстановлена отмененная ранее смертная казнь. С этого момента расстрел мог применяться по приговорам революционных трибуналов.

Церковь лишалась привычных полномочий и прав. 18 декабря 1918 г. был издан декрет о гражданском браке и метрикации. 23 ян-

варя 1918 г. – декрет СНК «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», фактически означавший то, что Церковь потеряла юридическую поддержку и защиту со стороны государства.

Официально большевики объявили о начале «красного террора» в сентябре 1918 г. как будто в ответ на убийство эсерами главы петроградской ЧК М.Урицкого и на покушение «эсерки» Ф. Каплан на Ленина. Фактически же массовым «красный террор» стал уже в летние месяцы 1918 г.

Широту полномочий ЧК определяла директива Дзержинского, посланная в сентябре 1918 г. во все губернские ЧК: «В своей деятельности ВЧК совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК» (Еженедельник ВЧК. № 2. С. 11).

Суть «красного террора» определил известный чекист М.Я. Лацис: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора» (Лацис М.Я. 01.01.1918 г. «Красный террор», Казань).

На этом фоне 19 января (2 февраля) 1918 г. Тихон, Патриарх Московский и Всея Руси, произнес анафему в отношении открытых врагов Церкви:

«Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это дело поистине сатанинское. <...> Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым (*то есть к причастию – прим. авт.*), анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, православных чад Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение... Зовем вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей. <...> А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, на эти страдания вместе с собою...»¹¹.

Что же означала анафема? Это не проклятие в языческом смысле, это констатация того, что человек, избравший путь насилия, сам добровольно разрывает связь с Матерью-Церковью, и Церковь оставляет его на Суд Божий, по крайней мере, до принесения им покаяния.

Итак, к лету 1918 г. первые акты насилия сменила политика насилия. Хотя первая советская Конституция, утвержденная 10 июля 1918 г. V съездом Советов и включавшая «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», провозглашала свободы слова, печати, собраний, митингов и шествий и подтвердила свободы совести и вероисповедания, на практике это означало следующее: в поддержку новой власти и в соответствии с ее идеологическим базисом. При этом избирательного права лишались представители всех так называемых бывших «эксплуататорских классов» (священники, офицеры, агенты полиции); они оказались вне правового поля. Фактически же круг людей, бесправных в политическом отношении, был куда шире (к нему относились и промышленники, и высшие государственные чиновники, и дворянство).

Немало «бывших» попало в годы Гражданской войны под маховик «красного террора». От рук большевиков в годы Гражданской войны пострадали десятки архиереев, сотни священников и миллионы верующих мирян – членов Русской Православной Церкви. Вот только несколько примеров: архиепископ Воронежский Тихон повешен на царских вратах, архиепископ Астраханский Митрофан сброшен со стены, архиепископ Нижегородский Иоаким повешен вниз головой в севастопольском соборе, викарный епископ Исидор (Колоколов) в Самаре посажен на кол¹². Среди пострадавших были и архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский) и викарный епископ Соликамский – Феофан (Ильменский).

Патриарх Тихон как канонический глава Церкви не остался безучастным и к убийству царской семьи. После злодеяния в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 г., Патриарх произнес на Литургии в московском Казанском соборе краткое слово: «На днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович по постановлению Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство – исполнительный комитет – одобрил это и признал законным... Но наша христианская совесть, руководствуясь словом Божиим, не

может согласиться с этим. Мы должны, повинуюсь учению слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его»¹³.

В обращении к Совнаркому по случаю годовщины октябрьского переворота Патриарх открыто обличал мотивы и социальные последствия политики большевистского правительства: «Реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает Нас сказать вам горькое слово правды... Великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото...Отечество вы подменили бездушным интернационалом... Отказавшись защищать Родину от внешних врагов, вы, однако, непрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете? ... Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду...Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом под именем «кулаков» стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна...Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния – убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями»¹⁴.

Таким образом, отношение Патриарха Тихона к новой власти в период революции и Гражданской войны определялось именно образом действий большевистской партии. Тем не менее, насколько было возможно, он старался избегать усугубления гражданского конфликта. В этом отношении исключительно важно свидетельство одного из участников «Белого» движения – князя Григория Трубецкого – о том, что произошло, когда он, покидая Москву перед отъездом на юг в добровольческую армию, пошел к Патриарху проститься. Он жил тогда еще на Троицком подворье. И вот, что пишет Трубецкой: «Я просил разрешения Святейшего Патриарха передать

от его имени, разумеется, в полной тайне, благословение одному из таких лиц, но Патриарх в самой деликатной и в то же время твердой форме сказал мне, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избегнуть упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику. Эту черту надо помнить, чтобы понимать некоторые руководящие правила, которым Патриарх никогда не изменял. Он, конечно, не питал иллюзий относительно советской власти. С самого начала ему ясно было, что это власть безбожная, антихристова. Когда некоторые горячие головы предлагали однажды во время Собора проект Пастырского послания, содержащего в себе резкую характеристику большевиков, то он, со своей не оставлявшей сомнения смиренной простотой, сказал: «Я не за себя боюсь. Поверьте, я готов и рад буду потерпеть, когда нужно. Но я отвечаю за других, и поэтому не нужно никаких вызовов»¹⁵.

Большевицкая власть, напротив, не «обременяла» себя обязанностью сохранять корректность по отношению к Церкви. В 1919 г. новым испытанием для Церкви стала инициированная 14 февраля (НКЮ) кампания по вскрытию святых мощей, сопровождавшаяся конфликтами до кровопролитий (в 1920 г. – об их уничтожении). До осени 1920 г. было организовано 63 вскрытия. (20 марта Патриарх направил Ленину протест против осквернения мощей). И, наконец, 20 декабря 1921 г. на фоне голода 1921 г. был издан декрет об изъятии музейных, а 23 февраля 1922 г. – об изъятии церковных ценностей.

Между тем Патриарх Тихон не только не отказывался от помощи голодающему народу, но и прямо свидетельствовал об этом делами. В августе 1921 г. им был организован Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Он обратился к православным и к народам стран мира с воззванием: «Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим. Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода! ... На помощь, не медля, на широкую щедрую помощь!»¹⁶

Советское правительство пыталось препятствовать деятельности Всероссийского церковного комитета (не потерпело оно и первого «Помгола», созданного на основе блока представителей оппозиционных политических партий). Только к концу 1920 г. Патриарший комитет помощи голодающим был легализован, и Церкви

удалось собрать около девяти миллионов рублей, продукты и золотые изделия. На призыв Патриарха откликнулась Американская организация помощи (АРА), выделившая 25 тысяч вагонов с продовольствием, в Поволжье развернули свою деятельность немецкие и шведские представители «Красного креста». Однако большевики воспользовались ситуацией для того, чтобы нанести по Церкви очередной удар.

В середине марта 1922 г. в Шуе прошли демонстрации и протестные акции верующих, вызванные бесцеремонностью «реквизиторов». Их участники были расстреляны. В эти дни Ленин диктовал секретную директиву для членов политбюро: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. <...> Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»¹⁷.

Как же отнесся Патриарх к правительственному декрету от 23 февраля 1922 г.? 28 февраля он благословил жертвовать на помощь голодающим церковные предметы, не освященные и не имеющие богослужебного значения, напомнив о канонах Церкви, согласно которым подобные вещи караются как святотатство: миряне подлежат отлучению, священники извергаются из сана. Тогда верующие по призыву Патриарха встали на защиту святынь. Весной 1922 г. произошли столкновения с вооруженными частями Красной армии и ЧК (по некоторым данным – до 1414). По официальным данным властями было «изъято ценностей» на 4 650 810 руб. А в начале 1922 г. в советской России были инициированы массовые процессы над духовенством; проведено 55 трибуналов, привлечено 723 человека. 26 апреля начался процесс в Москве по обвинению группы священников и мирян, в ходе которого 11 человек приговорили к расстрелу, пятерых – расстреляли.

Одновременно большевистское правительство приложило усилия для того, чтобы спровоцировать первый крупный церковный раскол¹⁸, и это ему удалось. Воспользовавшись появлением в лоне

Церкви модернистского (ревизионного по духу) течения, идеологом которого был священник Александр Введенский и которое оформилось как «обновленческое движение» (или «Живая Церковь»), правительство начало «вербовку» его представителей.

Подготовка – фактически «вербовка» – «живоцерковников» проводилась весной 1922 г. Движение было поставлено под контроль руководителей 6-го отделения секретного отдела ГПУ А.Ф. Рукковского (до мая 1922 г.) и Е.А. Тучкова.

Для ослабления канонической части Церкви в ночь с 22 на 23 марта 1922 г. власти арестовали близких к Патриарху Тихону людей, в том числе Петроградского митрополита Вениамина (Казанского). Владыка Вениамин – один из самых авторитетных и любимых паствой иерархов Русской Православной Церкви – будет расстрелян, несмотря на все усилия защиты, 31 июля (13 августа) 1922 г.

А 9 мая 1922 г. Предстоятелю Церкви было объявлено о привлечении его к ответственности по решению Верховного трибунала в контексте инициированного ГПУ дела московских священников, о помиловании которых он пытался ходатайствовать перед ВЦИК. Он был лишен свободы не в качестве обвиняемого, а в качестве «свидетеля», на ответственности которого лежала судьба обвиняемых. Письмо Патриарха Тихона так и не попало по назначению, а оказалось в ГПУ и было приобщено к делу. А «ходатаями» за осужденных, согласно сценарию Е. Тучкова, выступили представители «прогрессивного духовенства» («обновленцы»). Таким образом, в свете информационной кампании, сопровождавшей церковный «переворот», готовность властей помиловать часть священников выглядела как «здравая открытость компромиссу» с теми, кто «готов идти в русле новой политики», а отнюдь не как удовлетворение просьбы Патриарха. Расстрельный приговор был оставлен в силе в отношении половины осужденных. Патриарх будет находиться под стражей до июня 1923 г. Больше месяца он проведет во внутренней тюрьме на Лубянке, потом – под домашним арестом в Донском монастыре.

Между тем лидеры «обновленцев» во главе с протоиереем Александром Введенским (будущим обновленческим «митрополитом») принудили Патриарха Тихона отойти от управления церковными делами, выдав передачу им синодальной канцелярии до прибытия Ярославского митрополита Агафангела или митрополита

Вениамина, уполномоченных Патриархом Тихоном вести церковные дела до созыва нового Поместного Собора, за акт отказа в их пользу от канонической церковной власти. Церковь же при отсутствии достоверной информации о том, что происходит на самом деле, должна была решать проблему канонического подчинения. Следствием этого сознательного обмана стало то, что к июлю 1922 г. главный орган «обновленцев» – Высшее Церковное Управление (ВЦУ) признали 37 архиереев из 73.

Результаты первой фазы отношений Церкви и нового правительства были неутешительными: физическое уничтожение множества архиереев и пастырей Церкви, разрушение и ограбление храмов, осквернение святынь, поддержанный властью церковный раскол и подготовка ГПУ суда над Патриархом Тихоном.

Большевики планировали провести суд 12 апреля 1923 г., на Светлой седмице. Патриарху предъявляли обвинения в том, что он «издал ряд постановлений контрреволюционного характера», будто бы содержащих призыв к свержению советской власти, и возбуждал массы к сопротивлению законным постановлениям правительства. В действительности обращения Патриарха были основаны на канонах Церкви, и нельзя забывать о том, что благословения участникам «Белого» движения он не дал. По сути он благословил лишь создание временных органов церковного управления для той части паствы, которая оказалась «по ту сторону фронта» в годы Гражданской войны.

26 июня 1923 г. было опубликовано неожиданное скупое известие об освобождении Патриарха. Относительно причин такого поворота событий есть различные предположения. Прежде всего, весной 1923 г. Ленин – главный вдохновитель антицерковной кампании – был парализован, потерял дар речи и в последующее время фактически полностью утратил контроль над развитием дела. Другой главный организатор изъятия церковных ценностей – Троцкий, активно поддерживавший обновленцев, был оттеснен от власти Зиновьевым, Каменевым и Сталиным.

Значительную роль сыграло международное общественное мнение. О гонениях на Церковь в советской России стало широко известно, и Великобритания включила соответствующий пункт в «Ноту Керзона». В документе была обозначена возможность полного разрыва сношений с Советским Союзом. Одним из важ-

ных требований (п. 21 и 22 меморандума) явилось прекращение репрессий против Церкви и духовенства. Нельзя сказать, что именно – «Нота Керзона» или письмо Дзержинского, осуждающее Троцкого, – имело решающее значение для прекращения дела Патриарха Тихона, однако постановление об освобождении Патриарха было принято в обход председателя антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) – Емельяна Ярославского, который являлся ставленником Троцкого. 25 июня Патриарх смог вернуться к исполнению своих обязанностей.

Итак, Патриарх Тихон задал направление для канонической структуры Русской Православной Церкви: насколько это возможно для христианской совести, стараться избегать конфликтов с новой властью.

В том же ключе была выдержана и «Декларация» 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского) – заместителя местоблюстителя Патриаршего престола¹⁹. Признание существующей власти авторами «Декларации» не означало солидарности с ней в отношении идеологии и политической практики – того, что невозможно было ни принять, ни разделить; это была лишь констатация необходимости подчинения существующей государственной форме с пониманием того, что характер этого правления является «попущением Божиим». Временный Синод отстаивал возможность дальнейшего существования Православной Церкви в стесненных условиях «социалистической законности».

«Декларация» митрополита Сергия по сей день провоцирует споры. Одни видят в ней выражение «патриотического импульса» (прот. Владислав Цыпин), другие, напротив, критикуют документ за слова «благодарности» в адрес советского правительства, диссонировавшие с явными преступлениями большевиков времен Гражданской войны и агрессивно-атеистическим курсом ленинской партии.

Можно констатировать лишь то, что этот акт, демонстрирующий миролюбие Церкви, не смог защитить Ее от репрессивной политики государства. В начале 30-х гг. Православная Церковь вновь попала под удар в связи с курсом «на сплошную коллективизацию», объявленным Сталиным в 1929 г., что и послужило основанием для массового закрытия церквей, арестов и административной высылки духовенства по всему Советскому Союзу. Расстрелов было

не так много, как в последующем, сроки ссылки варьировались от двух до пяти лет. Основанием для обвинений в адрес представителей духовенства служило то, что священники «задерживают верующих в храмах на богослужении», «агитируют против работы в церковные праздники» и «против вступления в колхозы» ...

К середине 1930-х гг. Русская Православная Церковь оказалась в значительной мере «обескровленной». Тем не менее «Декларация» создала основу для нормализации церковно-государственных отношений в годы Великой Отечественной войны.

II

В 20–30-е гг. власть продолжала сознательно поддерживать раскольные течения в лоне Православной Церкви.

Что касается обновленчества, воспринятого современниками, сохранившими верность Патриарху Тихону, как «поповская стачка»²⁰, оно зародилось еще в 1905 г. как интеллектуальное движение за возвращение к традициям и нормам раннехристианской Церкви под руководством профессоров духовных школ – Титлинова, Попова и Рубцова и заявило о себе на Поместном Соборе 1917 г., главным образом, противодействием его адептов избранию Патриарха²¹.

Окончательно же оформилось это течение к 1922 г.²² Основные требования лидеров этого направления в популярной его версии были связаны с изменением церковных канонов в отношении правил поставления епископата и священства (допущения разводов и второбрачия для духовенства). Идеологическим «обрамлением» отложения от Патриарха Тихона, взятого властями под арест, служило соединение «свободы канонического и литургического творчества» с идеалами «социальной справедливости». Практическим выражением позиции оказалась подчеркнутая лояльность «обновленцев» по отношению к большевистской власти вплоть до использования ими марксистской лексики в программных документах²³, а ее пределом – заявление о «низложении и лишении сана и монашества» Патриарха Тихона как «отступника и предателя» и о возвращении его «в первобытное мирское положение» в мае 1923 г.

Выход «Декларации» митрополита Сергия (1927 г.) лишил «обновленчество» того «стержня», который и обеспечивал ему

сторонников из числа тех, кто искали возможность, оставаясь христианами, жить в изменившихся социальных условиях.

В конце 20-х гг. представители «обновленческих» течений, ощущавшие утрату позиций, начали искать «объединения» со «староцерковниками» («тихоновцами» и «серианами»). Однако позиция Временного Патриаршего Синода выражалась в том, что объединение по принципу политических партий невозможно, возможно только присоединение через покаяние к Церкви канонической добровольно разорвавших с Ней связь раскольников. Для наиболее заметных представителей Церкви оно могло быть лишь публичным.

Поиски путей восстановления общения со «староцерковниками» со стороны «обновленцев» не привели к ожидаемым результатам. Диссидентское течение, выполнившее в 20–30-е гг. функцию своеобразного «тарана», обращенного властями против «правого» «старорежимного крыла» Церкви, ослабленное и дискредитировавшее себя, не избежало в период сталинского «большого террора» общей для верующих судьбы; его представители попали под «маховик» репрессий. После окончания Великой Отечественной войны, в период относительного «потепления» церковно-государственных отношений, «обновленчество», лишенное «протекции» НКВД, фактически прекратило свое существование.

Еще одно раскольное течение, упоминаемое в контексте пермско-свердловского дела 1937 г., – это григорианский раскол. Движение, существовавшее в Русской Православной Церкви с декабря 1925 г. до начала 40-х гг., также было подготовлено ОГПУ в целях ослабления Церкви и пользовалось на начальном этапе своей деятельности его поддержкой. Оно получило название по имени своего первого главы – архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского). В общей сложности в григорианском расколе насчитывалось не менее 55 архиереев, из них половина – канонического поставления.

Раскол был инициирован группой из девяти иерархов, собравшихся 22 декабря 1925 г. в Донском монастыре. Эта группа архиереев была организована при участии ГПУ и Евгения Тучкова за несколько дней до ареста патриаршего местоблюстителя – митрополита Петра (Полянского).

«Григориане», заявив, что вследствие «ошибок патриарха Тихона», вмешательства «обновленцев» и «единоличного правления

митрополита Петра (Полянского)» якобы «попраны права соборности», создали для руководства церковью коллегиальный орган – Временный высший церковный совет (ВВЦС). 2 января 1926 г. ВВЦС при содействии ГПУ получил гражданскую регистрацию как «законный орган управления Церковью».

После запрещения в священнослужении, наложенного заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским), а затем и самим Владыкой Петром (Полянским), архиепископ Григорий и его сторонники образовали самостоятельное в полном смысле раскольное течение (в поддержку ВВЦС). Большинство находившихся на свободе православных архиереев осудили григорианский раскол и полностью согласились с каноническими мерами против его организаторов.

К 1930 г. в григорианском расколе насчитывалось 30 архиереев, из них 15 старого поставления, 13 – григорьевского поставления. В 30-е гг. ряд архиереев – участников раскола – принесли покаяние.

В середине 30-х гг. большинство «григорьевских» храмов было закрыто, а духовенство репрессировано. После этого григорианский раскол как иерархическая организация прекратил существование, сохранилось лишь незначительное количество приходов. В 40-е гг. принесли покаяние последние из оставшихся в живых «григорьевских» архиереев.

III

На фоне сложных церковно-государственных отношений периода 20–30-х гг. в советской России складывается феномен «церковного подполья»²⁴. Мотивы участников этого движения определялись стесненными условиями, в которых находилась каноническая Православная Церковь: стремление жить литургической и общинной жизнью, а в некоторых случаях – сохранить монашеские обеты, поскольку вера в СССР оказалась фактически «под запретом». В период с 1925 по 1940 г. в стране действовал «Союз Воинствующих безбожников» – общественная организация во главе со ставленником Троцкого Емельяном Ярославским, ставившая перед собой цель поэтапного уничтожения религии и Церкви в СССР по образцу «пятилеток» в экономике. Верующие повсеместно подвергались преследованиям, само посещение храмов было небезопасным.

Церковное «подполье» было явлением неоднозначным. Оно охватывало архиереев канонического поставления и представителей оппозиционных течений, монашеские общины и общины мирян; на его периферии, к сожалению, появлялись и секты.

В русле канонического «церковного подполья» действовали так называемые петроградские «православные братства». Сведений о них сохранилось немного. Братства занимались благотворительной, миссионерской и образовательной деятельностью. Их создание было связано с постановлением Поместного Собора 1917–1918 гг. оградить Церковь «от расхищения церковного достояния, возвращения уже отобранного, и для защиты гонимых ... преданных Церкви людей».

Некоторые аспекты деятельности «православных братств» нашли отражение в романе И. Головкиной (Римской-Корсаковой) «Лебединая песнь» («Побежденные») в сюжетной линии героя второго плана – Мики. Это были христианские общины, существовавшие под видом коммунальных квартир. Днем члены этих общин учились и трудились наравне со всеми, а вечерами читали Евангелие, святоотеческую литературу, исповедовались, готовились к принятию церковных таинств, которые совершались периодически в таких квартирах. В период репрессий участники «братств» собирали средства и организовывали «передачи» для тех, кого отправляли в ссылки и лагеря, поддерживали семьи репрессированных священнослужителей и мирян. Выявить верующих в этом случае было гораздо труднее, братства были раскрыты ОГПУ-НКВД только частично.

Неудивительно, что «православные братства» оказались объектом «пристального внимания» ОГПУ-НКВД. Их разгром, по замыслу властей, должен был укрепить позиции обновленцев. Следствие объявило православные братства «контрреволюционной мануиловской организацией», поскольку именно епископ Мануил (Лемешевский), управлявший в тот момент епархией, провел успешную борьбу с «обновленцами».

Одним из известных священников, арестовывавшихся в том числе по делу «о братствах», был, например, отец Владимир Лозина-Лозинский – соузник по Соловецкому лагерю особого назначения будущего священномученика – епископа Илариона (Троицкого). Отец Владимир стал прототипом героя повести Даниила Андреева «Соловецкие острова» – отца Николая. Человек академической среды

и академической культуры, отмеченный тонким поэтическим даром, он принял священный сан после известия о расправе ЧК над его соседом – духовником царской семьи. В повести Д. Андреева этот священник с присущей ему улыбочивой легкостью, спокойным обращением с людьми, вежливостью и благородством являет живой пример торжества духа над «полным страха строем» Соловецкого лагеря особого назначения.

Примерно к июню 1936 г. «импульс», заданный петербургскими «православными братствами», по-видимому, дошел до Перми и нашел воплощение в замысле небольшой группы верующих молодых людей создать организацию, подобную петроградским православным «братствам».

IV

О рубеже 1936–1937 гг. стоит сказать особо. 12 июня 1936 г. в газете «Известия» был опубликован текст новой сталинской «Конституции» (всего их было три: 1918, 1924 и 1936 гг.)²⁵. Согласно этому документу, часть людей, имевших прежде поражение в правах, получали право участвовать в выборах в советские органы власти. И тогда началось обсуждение проекта новой Конституции на приходах и в общинах. Людей волновал вопрос: участвовать или не участвовать в выборах? Часть обвиненных по пермскому делу священников (например, отец Михаил Коровин) пострадала как раз за совет пастве – воспользоваться открывшимися легальными возможностями, то есть непременно идти на выборы и продвигать в органы власти людей, не враждебных Церкви, а может быть, и способных защищать ее интересы. Это-то и было расценено следствием как «антисоветская агитация».

На декабрь 1937 г. в стране были назначены выборы в Верховный Совет СССР, а в первых числах января 1937 г. в СССР была проведена всесоюзная перепись населения. В переписные бланки была включена и статья об отношении к религии, а для верующих – статья «вероисповедание». Соответствующие пункты были внесены в анкетную форму лично Сталиным, который редактировал окончательный вариант переписного листа.

Перепись выявила значительные потери населения (только в период голода 1932–1933 гг. в СССР погибло от голода несколько миллионов человек²⁶). Кроме того, более половины граждан указали, что являются верующими (в возрасте 16 лет и старше верующих

оказалось больше, чем неверующих: 55,3 миллиона против 42,2, или 56,7 против 43,3 % от всех выразивших свое отношение к религии населения СССР) ... Это внушило руководству опасения, что декабрьские выборы 1937 г. могут быть провалены из-за высокого влияния духовенства.

Данные январской переписи 1937 г. были объявлены «вредительскими» и засекречены, а на 1939 г. была назначена новая перепись населения, причем из переписного листа в этот раз был исключен пункт о вероисповедании.

Ряд современных исследователей²⁷ не без оснований считают, что это и было одной из существенных причин «большого террора». Во всяком случае, в нашем деле (и в других подобных) основанием для продления сроков следствия, а значит, и увеличения числа арестованных служила формулировка: «ввиду предстоящих выборов в Верховный Совет».

Таков был исторический фон, на котором в 1937 г. разыгрывались драматичные события в Перми и в Свердловске.

V

Что касается исследования данной темы, следует отметить, что до настоящего времени дело «Общества трудового духовенства» не получило должного освещения в отечественной историографии. Ему посвящена лишь одна статья – пермского исследователя А.И. Казанкова²⁸, опубликованная в сборнике «Включен в операцию». В ней в общих чертах воссоздана сюжетная фабула следственного процесса 1937 г., но, к сожалению, ее автор, не представляя в достаточной мере специфики церковной истории XX в., допустил погрешности в интерпретации фактов, и порой работа оставляет впечатление, будто он в немалой мере доверяет следствию НКВД. Во всяком случае официальная версия пермских и свердловских оперативников об «активном взаимодействии» в Перми и в областном центре представителей слишком разных церковных течений не была подвергнута критическому анализу, а сомнительные и компрометирующие характеристики на подследственных из материалов сфальсифицированного дела 1937 г. были положены в основу авторской характеристики нескольких обвиняемых... Между тем достаточное количество и разнообразие

документов при использовании методов филологического и сравнительного анализа позволяет выявить в материалах дела очевидные и многочисленные следы фальсификаций.

В целом же тема «большого террора» довольно успешно разрабатывается российскими и зарубежными исследователями на протяжении последних тридцати лет, что существенно облегчает постановку исследовательских задач для данной работы благодаря разработанности проблемного поля в общероссийском масштабе и основных методологических подходов.

Среди наиболее значительных исследований заслуживают упоминания выдержавшая несколько переизданий работа Р. Конквеста²⁹, труды Р. Медведева³⁰, А. Антонова-Овсенко³¹, а также сборники «Трагедия советской деревни»³² и «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД»³³. Серьезным вкладом в ее разработку явился и коллективный труд, выпущенный Российской политической энциклопедией³⁴. Взятый за основу критический метод помог его авторам опровергнуть представление о «стихийном», «слепом» характере сталинского «террора», исследовать политические цели его инициаторов и проследить динамику репрессий по месяцам, раскрыть способы легитимизации «террора» в общественном сознании, и, наконец, поставить задачу выявления фальсификаций в следственных документах, а обширный фактический материал позволил реконструировать применявшиеся карательными органами схемы построения коллективных дел.

В последние годы тема «террора» и репрессивной политики советского государства в разных ее аспектах – гражданском, культурном и церковно-историческом – нашла продолжение в сборниках материалов ежегодных международных научных конференций в Перми, организованных при участии Музея политических репрессий «Пермь-36»³⁵, и в монографии пермского исследователя Л.А. Обухова³⁶.

По мере развития темы в качестве самостоятельного выделилось и направление, связанное с церковно-государственными отношениями в советский период, репрессиями против Русской Православной Церкви и Ее существованием в условиях полулегальности. Введены в научный оборот сведения о наиболее крупных местах массовых расстрелов (таких как Бутовский полигон), составлены мартирологи и жизнеописания Новомучеников и Исповедников

российских, некоторым из них посвящены отдельные монографии и публицистические произведения.

Наиболее весомыми исследованиями в этом направлении являются: книги М.И. Одинцова³⁷, М.В. Шкаровского³⁸, В.А. Алексеева³⁹, А. Беглова⁴⁰; первый опыт систематизации истории Русской Православной Церкви в XX в. протоиерея Владислава Цыпина⁴¹, богато иллюстрированная энциклопедия, выпущенная издательством Сретенского монастыря⁴², а также многочисленные публикации, посвященные новомученикам, преподавателя Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, доктора церковной истории священника Александра Мазырина⁴³ и предварительные статистические оценки человеческих потерь, понесенных Православной Церковью в годы репрессий, – Н.Е. Емельянова⁴⁴.

С точки зрения общей характеристики процессов 1937–1938 гг. в Пермской епархии наиболее важной является получившая известность статья М.Г. Нечаева и С.В. Уткина⁴⁵. В ней рассматривается значение «большого террора» по отношению к Русской Православной Церкви в контексте репрессивной политики советского государства, этапы и технологическое «оформление» террора против верующих, представлен статистический анализ материалов архивно-следственных дел по этносоциальному и возрастному критериям, показано количественное соотношение репрессированных представителей разных внутрицерковных направлений: «староцерковников», «обновленцев», старообрядцев, «григорианцев». В статье приводится статистика по общему числу репрессированных духовных лиц (вне зависимости от исповедания) и активистов религиозных организаций.

Продолжением данного исследования стала статья, написанная мною в соавторстве с моей матерью – Н.Е. Дегтяревой⁴⁶ и посвященная обзору всего комплекса архивно-следственных дел священников, пострадавших в Пермской епархии в период «большого террора», из фондов ПермГАСПИ. В ней также был представлен статистический анализ этой группы дел по критерию принадлежности духовенства к основным течениям изучаемого периода и показано соотношение вынесенных в 1937 г. приговоров к высшей мере наказания и к 8–10 годам исправительно-трудовых лагерей в сравнении с периодом 20-х – начала 30-х гг. (Полученные нами данные несколько отличаются от тех, что представлены в исследовании М.Г. Нечаева и С.В. Уткина, и это оставляет простор для работы будущих исследователей.) В статье

была представлена подборка весьма показательных дел нескольких священников, фиксирующих исповедничество, и предпринята попытка разграничения подлинного содержания и фальсификаций в документах следствия 1937 г. на основе применения метода сравнительного анализа источников, в том числе – с апелляцией к свидетельствам более раннего времени из фондов ОГПУ – НКВД 1920-х – начала 30-х гг.

Свой посильный вклад в развитие темы репрессивной политики атеистического государства в отношении Русской Православной Церкви вносят и учащиеся Пермской духовной семинарии. В последние годы в ней создана историко-архивная группа, работающая с материалами ПермГАСПИ. Наиболее удачные статьи студентов, посвященные священнослужителям Пермской епархии, пострадавшим в годы репрессий, публикуются в основном периодическом издании духовной школы – «Научно-богословском вестнике Пермской духовной семинарии»⁴⁷, включенном в реестр официальных изданий Русской Православной Церкви, в сборниках международных и всероссийских научных конференций Санкт-Петербургской Духовной Академии (СПДА), Екатеринбургской и Тобольской духовных семинарий, а также – в популярном изложении на официальном сайте Московской Патриархии «Православие. ру».

Хочется надеяться, что проведенное исследование, благодаря применению критического метода, методов «перекрестного допроса источников», лингвистического и графологического анализа поможет откорректировать некоторые успешные и необоснованные оценки, о которых было сказано выше.

VI

«Общество трудового духовенства» – это название **не существовавшей** «подпольной организации» будто бы **всесоюзного значения**. Сейчас уже с большой долей вероятности можно говорить о том, что не только «организация», но само это название были чистым вымыслом. Основанием для этого служат показания организаторов процесса – следователей Пермского ГО НКВД, арестованных в 1939 г. за применение недозволенных методов в следственной работе.

В подтверждение этого я могу процитировать выдержку из протокола допроса бывшего оперуполномоченного Поносова от

17 февраля 1939 г.: «Начало в применении извращенных методов было положено б/нач. Особого отделения МОЗЖЕРИНЫМ в июле 1937 г. при ведении следствия по делу контрреволюционной организации, которой **было присвоено название «Общество трудового духовенства»** (здесь и далее выделение авт.). По этому делу было арестовано свыше 30 человек. В это время в Перми находился бывший начальник УНКВД ДМИТРИЕВ. Ознакомившись с ходом следствия, он взял с собой некоторые протоколы допросов обвиняемых и вернул их в переработанном виде аппаратам УНКВД с предложением подписать протоколы в таком виде обвиняемыми. Это указание было выполнено лично МОЗЖЕРИНЫМ. Из арестованных **создали организацию всесоюзного масштаба, присвоили ей название, о чем не говорили сами обвиняемые**»⁴⁸.

В материалах внутренней проверки НКВД 1939 г. есть несколько показаний такого рода: несколько подчиненных руководителя операции Мозжерина согласно свидетельствуют об одном. В данном случае применение метода перекрестного допроса источников позволяет убедиться в их достоверности.

Официально в период с марта по август 1937 г., в Перми было арестовано 37 человек. По окончании дела было вынесено 37 приговоров к высшей мере наказания. Однако материал внутренних проверок НКВД – КГБ 1939 и 1956 гг. указывает на то, что в контексте этого дела было арестовано **не менее 50 священнослужителей**, в том числе несколько архиереев канонического поствления и состоявших в расколах. Из представителей Московской Патриархии можно назвать митрополита Свердловского Петра (Савельева), архиепископа Пермского Глеба (Покровского), а из представителей раскольных течений – свердловского «обновленного митрополита» Михаила Трубина и «григорьевского митрополита» Петра Холмогорцева.

Общее же число пострадавших назвать пока не представляется возможным, поскольку «в связке» с этим делом в 1937–1938 гг. было арестовано **множество людей** не только в Перми (Молотове), но и в Свердловске и в других городах Урала. Им предъявляли обвинение в содействии «Обществу трудового духовенства» и в связях с «Уральским повстанческим штабом» или «Религиозно-политическим центром». Среди них были офицеры РККА и «Осоавиахима», руководители партийных и советских структур,

родственники священнослужителей, представители интеллигенции, крестьяне («кулаки») и даже мусульмане из с. Кояново...

Следует сказать несколько слов о социальном составе обвиняемых. В первой партии из 37 человек 10 составляли «тылополченцы» из 9-го батальона РККА и 27 – пермские священники, диаконы и псаломщики, причем и Московской Патриархии и «обновленческой» структуры. Среди арестованных оказалась и одна женщина – супруга священника Михаила Коровина, матушка Мария.

Большинству «*тылополченцев*» в момент начала пристального наблюдения за ними было по 21–22 года, а в момент ареста – по 23–24. Трое были постарше, им было по 25–26 лет. Как я упоминала, это были в основном дети священников и причетники. У некоторых из них были дети, в анкетах содержатся и упоминания о других родственниках: «брат в ссылке как кулак», «мать на изживении», жена, сестра...

Анкеты арестованных **священнослужителей** свидетельствуют о том, что более половины из них (четырнадцать человек) были людьми **старше 50 лет** и еще шестеро – в возрасте около 40 лет. Самым старшим из них было по 67–69 лет.

В части анкет, заполненных в тюрьме, содержались пометки о принадлежности арестованного к канонической Православной Церкви или к «обновленцам», в других случаях об этом можно судить из контекста расследования, а в некоторых – лишь выдвигать предположения на этот счет, сопоставляя место служения, свидетельские показания и заявления родственников.

Что касается так называемых «компроматов» для этой группы, ими служили: отметки о судимости либо за нарушение паспортного режима, либо по ст. 58–10, 69 и 74 УК в начале 1930-х гг., в период «борьбы с противниками сплошной коллективизации», о кратковременной службе в царской армии и у «белых» и об уходе в Сибирь во время Гражданской войны. В некоторых случаях особо отмечалось: «лишен избирательных прав **как служитель религиозного культа**».

Однако в целом эта группа производила впечатление законопослушной. В личных документах встречались отметки о немедленной и о досрочной амнистии, об освобождении на законных основаниях после истечения срока заключения, и почти у всех – были справки о регистрации, дающие право на служение, выданные Пермским горсоветом.

Сразу хотела бы отметить: независимо от отношения к канонической церковной структуре, все участники дела оказались в **равном положении**. Это было обусловлено изменением стратегии государства: от провокации внутренних расколов – к уничтожению Церкви.

Если говорить о том, насколько отличалось поведение представителей канонической церковной структуры и «обновленцев» во время следствия, общего «алгоритма» нет. «Признательные показания» есть с той и с другой стороны и есть свидетельства о том, что протоколы фальсифицировались сразу.

В деле встречаются показания «обновленцев», написаны они от руки и с обилием индивидуализированных речевых оборотов, и это позволяет предположить, что они могли быть подлинными. Никаких конкретных сведений об антиправительственной деятельности «тихоновцев» и «сергиан» в текстах протоколов этой группы нет, но есть «наблюдения», напоминающие аналитические «сводки» тайных агентов и касаются они **«подлинного отношения»** представителей канонической церковной структуры к советской власти. К этой же группе относятся рассказы об участии в «религиозной пропаганде» нищих и странствующих монахов. Любопытно, что любые проявления активности в церковной среде, в том числе со стороны «обновленческих иерархов», в этих текстах приравниваются к **«антисоветской деятельности»** и оцениваются как якобы **«противоречащие Конституции»**. Заметно, что такого рода «признания» сделаны из самооправдания, то есть главным мотивом подследственных является страх.

Они не повлияли существенно на ход процесса, однако на основе такого рода «признаний» был арестован один из представителей канонической церковной структуры – диакон Михаил Баннов как «верный помощник правящего архиерея».

Исход дела тоже был предрешен заранее: арестованные «обновленцы» тройкой НКВД были приговорены к расстрелу, так же, как представители «тихоновско-сергиевского» направления.

Для начала процесса было использовано несколько поводов. В январе 1937 г., в Свердловске прошел процесс по делу подпольного «троцкистского центра», как будто имевшего связь с Москвой. Курировал этот процесс следователь Дмитриев. Участниками «троцкистско-зиновьевской» организации в Свердловске, по вер-

сии следствия, оказались люди, занимавшие высокие партийные и административные посты. Поскольку от главного обвиняемого – председателя Свердловского горисполкома В.Ф. Головина – удалось получить признательные показания (какими методами – это откроется позже), следователи были уверены в том, что Свердловск был местом, где находился **«подпольный антиправительственный повстанческий штаб»**, имевший «филиалы» в разных городах Урала. Этот штаб, по версии следствия, будто бы планировал создание боевых подразделений и организацию терактов в отношении высшего руководства страны.

Когда Пермь попала в список «подозреваемых» НКВД городов, в оборот были введены два довольно старых «сигнала», относящиеся к 1935–1936 гг.

Первый – это донесение сержанта Пермского ГО НКВД Аликина о том, что в **ноябре 1935 г.** в конторку жилстроительства завода им. Сталина зашли трое «тылополченцев», и один из них произнес воодушевленную речь, обличая ошибки политики в отношении крестьянства и нелегкие условия службы в РККА для верующих. В 1936 г. за группой «тылополченцев» из десяти человек было установлено наблюдение, показавшее, что они **«не изменили своего мнения по религиозному вопросу»**: читают Евангелие, соблюдают посты, отмечают церковные праздники, в части «устаивают коллективные читки молитв», поддерживают переписку с отцами-священниками, а во время увольнительных посещают пермские храмы.

С точки зрения целей следствия имело значение то, что «тылополченцы» поддерживали связи с пермским духовенством, а один из них – Георгий Гуляев – с гомельским архиепископом Досифеем (Степановым). До службы в РККА Георгий служил иподиаконом. Сам Владыка Досифей одно время состоял в обновленческом расколе, но после – вернулся в лоно канонической церковной структуры, порвав с «обновленцами». И возможно это и стало тем фактором, который поставил его самого и людей из его окружения под удар плотно патронировавшего церковные структуры НКВД.

А вторым «сигналом» оказался донос в НКВД некой гражданки Борисовой на соседа по квартире – часового мастера Нечаева, будто бы связанного с «монархическим контрреволюционным подпольем». Документ имел своеобразный адрес: **«В бюро парти-**

зан, в секретку» и оканчивался росчерком: «**В чем и подписуюсь, Борисова**». С фактической стороны достоверно было лишь указание на то, что супруги Нечаевы были верующими и благотворителями пермских храмов, поддерживали знакомство со священниками и епископами. Однако этот документ был использован в качестве «запроса снизу, от масс» для обоснования версии о действии в Перми будто бы укорененной со времен Гражданской войны подпольной антиправительственной сети.

Невозможность установить личность «заявительницы» и допросить ее по существу не воспрепятствовали тому, что 14 мая 58-летнего мастера Нечаева арестовали. За ним «тянулся след»: в 1924 г. он был арестован на короткий срок по **подозрению** в хранении валюты...

Весной 1937 г. «тылополченцев» подозревали в создании христианской общины по типу петроградских «Православных братств», называя в качестве инициаторов этой идеи – то Георгия Гуляева, то Николая Лебедева. Причем **само признание в религиозности** с первых шагов получило в материалах дела однозначную интерпретацию: оно приравнивалось к «**контрреволюционной деятельности**». Это нашло отражение в протоколах допроса. На вопрос о «**фактах к.р. деятельности**» следует «признание» в том, что основой для общения той группы послужили **религиозные взгляды**...

А затем решили повысить «градус» политической опасности этой общины и выдвинули обвинение в том, что по указанию пермских священников – Саввы Беклемышева и Михаила Коровина – эти молодые люди будто бы хотели воспользоваться новыми условиями по Конституции 1936 г. для проведения верующих в органы власти, что расценивалось как «**политическая акция**». В интерпретации следствия в преддверии выборов в Верховный совет СССР «тылополченцы» и священники будто бы планировали проведение широкой антисоветской агитации и «превознесение троцкистов», что само по себе является вещью весьма фантастической.

При этом никаких улик и «вещдоков» типа листовок, агентурных инструкций, писем политического характера в распоряжении следствия не было.

Настоящий размах это дело приобрело благодаря руководству свердловского следователя Дмитриева и ответному «творческому участию» пермского следователя Мозжерина. Дмитриев дал

пермскому ГО НКВД установку придать делу «шпионско-диверсионную окраску» в контексте подготовки к выборам в Верховный Совет СССР и вступлением в силу оперативного приказа № 00447 о «борьбе со всеми подозрительными».

Основанием для отработки официальной версии стало несколько фактов: знакомство Георгия Гуляева с Владыкой Досифеем, периодические посещения Перми обновленческим «митрополитом Свердловским» Михаилом Трубиным и один документ, который изъяли при аресте пермского священника Михаила Коровина, нерассудительно оценив его как «список завербованных в подпольную структуру». В действительности же это был список прихожан Заборской церкви, где служил о. Михаил, относящихся к тихоновскому направлению. В нем были указаны личные данные, фактические адреса прихожан и их родственников; при этом по большей части это были весьма немолодые люди. Самым старшим из них было по 80–85 лет.

Если архиепископа Досифея (Степанова) следствие представило в «амплуа резидента польской разведки», то обновленческого «митрополита» Михаила Трубина – в роли главы «антисоветского крестового фронта» на Урале, будто бы объединявшего вокруг себя целую группу архиереев **совершенно разного подчинения**. В этом ряду оказались двое – канонического поставления: митрополит Свердловский Петр (Савельев), архиепископ Пермский Глеб (Покровский) и «григорьевский митрополит» Петр Холмогров.

Итак, определяющими для хода процесса оказались общие установки в связи с выходом приказа № 00447. С методологической стороны это дело выстраивали по «пирамидальной схеме»: максимальное расширение связей обвиняемых и попытка свести предполагаемое «общее руководство организацией» на «конус», замкнув его на значительных фигурах – на епископате. Причем тексты нескольких протоколов допросов (в частности, отца Михаила и матушки Марии Коровиных) указывают на то, что «сверхзадачей» следствия было поставить в положение обвиняемых Владыку Сергия (Страгородского) и его ближайшее окружение. От арестованных пытались добиться признания о том, какие «установки о методах контрреволюционной работы они получили из управления Патриархий?»

Источники не позволяют сегодня претендовать на полную историческую реконструкцию неформальной стороны этого процесса.

Мы не можем судить, кого действительно вызывали на допросы, а за кого написали показания «от и до». Об этом можно говорить только в вероятностном ключе. Следствие сосредоточило основной удар на нескольких арестованных: «тылополченцах» Георгии Гуляеве, его друге Николае Лебедеве, архиепископе Досифее (Степанове) и священниках Савве Беклемышеве и Михаиле Коровине.

Возможно, отца Михаила Коровина и матушку Марию действительно допрашивали неоднократно. Поводами к тому было то, что матушка Мария ездила по делам в Москву и заходила в управление Патриархией для того, чтобы уточнить, к кому должны относиться пермские священники по вопросам епархиального управления? В деле содержится несколько протоколов допросов отца Михаила и матушки Марии и протоколы очных ставок. При этом ни одно из выдвинутых следствием обвинений не получило подтверждения с их стороны. В протоколах не содержится и показаний против кого-либо из арестованных.

Есть случаи «признаний» со стороны священников Московской Патриархии. Материалы внутренних проверок НКВД – КГБ указывают на то, что подписи были получены путем угроз.

Об одном случае можно сказать наверняка: «ключевые показания Якова Шаврина» от 12 августа 1937 г. о будто бы существовавшей «широкой подпольной антиправительственной сети» в Перми и по области с указанием десятков имен **были продиктованы лично** следователем Можжериным опреуполномоченному Ветошкину перед отправкой обвиняемых в Свердловск для вынесения и исполнения приговора⁴⁹. Об этом Ветошкин поведает во время внутренней проверки НКВД 1939 г.

О судьбе «свидетелей» по делу ничего не известно. Но в материалах внутренних проверок НКВД – КГБ 1939 и 1956 гг. есть заключения по основным пунктам обвинения: ни одно из них не подтвердилось. Ни фактов «вредительства» на объектах, где работали «тылополченцы», ни «срывов сроков строительства», ни «политической агитации» на приходах, ни общения староцерковников» и «обновленцев» между собой, ни фактов «шпионажа» ... А процессуальных нарушений – великое множество.

При этом участники проверок обратили внимание на такую вещь, как «характер реагирования следствия» на «сигналы информаторов» и «признания» арестованных. Часть будто бы названных

«участников резидентской цепочки» не была установлена и не допрашивалась, так же, как и некоторые составители анонимных доносов двухлетней давности. То есть в ряде случаев такая задача даже не ставилась.

Подпись показаний под угрозами (о том, что такой «метод работы» широко практиковался, рассказал на допросе в 1939 г. бывший сержант НКВД Аликин⁵⁰) не могла смягчить приговор в отношении подследственного. Перед нами не просто дело, а «образец» в методологическом отношении, и за «успех» следователям были обещаны награды, поэтому обвиняемых важно было представить как «особо опасных государственных преступников». Если у партийных и советских руководителей, арестованных в Свердловске в «связке» с этим делом, шансы еще были, часть из них уцелеет и в 1939 г. даст очень важные показания о методах работы следователей в 1937 г., то у верующих – нет.

VII

Фактически «оправдание» осужденных состоялось в 1939 г. по результатам первой внутренней проверки НКВД. Официально – в 1956 г., однако без извещения о подлинных времени и причинах смерти.

С эмоциональной стороны это – самая тяжелая часть исследования. Кому-то из них разрешили краткое свидание с арестованными в тюрьме до их расстрела. По-видимому, после того, как были получены подписи заключенных путем шантажа. Долгие десятилетия близкие осужденных томились в неведении об их судьбе. Том «переписка» приоткрывает участь семей. Жены, матери, сестры годами дежурили у справочных окон и получали заведомо ложные ответы о том, что их родные живы и отбывают наказание в лагерях. А в 1956 г., когда они получили краткие извещения о реабилитации, в Военную прокуратуру, в КГБ и даже в Москву (К.Е. Ворошилову) чередой стали поступать обращения с просьбой оказать содействие в поисках близких.

Определением Военного трибунала УРВО от 30 октября 1956 г. постановление от 25 августа 1937 г. в отношении осужденных по делу «Общества трудового духовенства» было отменено, но резолюционная его часть была объявлена под расписки сначала родственникам

33 осужденных, проживавших в 1937 г. в Молотовской области, а потом в ответ на обращения – остальным.

При поступлении обращений от родственников пострадавших с просьбами прояснить судьбу близких начальник Учетно-архивного отдела УКГБ Молотовской (Пермской) области оформлял одно за другим требования на проверку по оперативно-учетной карточке первого спецотдела УМВД. В нем указывались личные данные арестованного по делу «Общества...», место и год ареста. А на оборотной стороне после проверки заполнялись графы: когда и кем был арестован, когда и кем осужден, по какой статье (с отметкой об исполнении приговора и указанием настоящей даты расстрела); ставился и номер архивно-следственного дела.

После этого в УКГБ по области на каждого из них составлялось «Заключение» с рекомендацией, что именно объявить устно на запрос родственников. В «Заключении» указывали произвольно причину смерти и дату кончины, а затем составляли краткое предписание по поводу того, где нужно зарегистрировать смерть, с тем, чтобы в случае необходимости выдать свидетельство. Таким образом, в отношении пострадавших было «поставлено» 37 «посмертных диагнозов», а на руки выдано 18 фиктивных свидетельств о смерти: «умер от стенокардии», «умер от уремии», «умер от упадка сердечной деятельности», «умер от цирроза печени» и т.д.

Правда откроется детям и внукам осужденных после выхода «Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 о дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 30-х – 40-х и нач. 50-х годов».

VIII

У этой истории есть еще одна сторона, связанная с внутренней стороной работы спецотдела. Сначала следователей, инициировавших процесс, ожидал карьерный взлет. Это был очень мощный «страт». Руководитель операции и несколько следователей были награждены оружием и металлическими часами. Мозжерин был переведен в Управление НКВД в Свердловск, где отличился особой ревностью в расположению к признанию «вины» группы партийных и советских руководителей. Таким образом, за два года работы в Перми и в Свердловске сложился «костяк» «передовиков фронта борьбы с врагами народа», отработавший до алгоритма методологию построения крупных коллективных дел.

А в 1939 г. вчерашние «герои» предстали перед судом в качестве «троцкистов и заговорщиков в рядах НКВД». Как, по каким каналам просачивалась правда о масштабах пермско-свердловской истории, мы достоверно не знаем, но очевидно, внимание руководства обратило на себя то, что по этому делу было арестовано слишком много советских руководителей. Ряд свердловских следователей: Дмитриев, Боярский, Граховский, пермский следователь Мозжерин – были проговорены к высшей мере наказания за применение недозволённых методов ведения следствия. После рассмотрения апелляций приговор был оставлен в силе. Несколько их коллег (Кузнецов, Ефимов) – получили приговоры к 8–10 годам исправительно-трудовых лагерей. Один из пермских руководителей структуры – активный участник процесса (Лосос) – покончил с собой. Их подчинённые – шестнадцать человек в чине сержантов и лейтенантов НКВД, отмеченные наградами в 1937 г., также получили приговоры к 8–10 годам заключения.

Но, что для меня лично явилось абсолютной неожиданностью в этой истории, это проявления порядочности и со стороны представителей структуры даже в тех условиях. Те, кто проводили проверку в 1939 г. по фактам незаконных методов ведения следствия в Свердловске, констатировали: «Не менее преступно было проведено дело в отношении группы попов и военнослужащих 9-го строительного батальона в Перми»⁵¹. Фразеологический оборот указывает в данном случае на то, что инспектирующие были людьми не церковными, однако им достало мужества говорить о **преступности** действий в отношении верующих. А ведь до «потепления» церковно-государственных отношений ещё четыре года... Реконструируя общую картину того, что происходило в Перми и в Свердловске, эти следователи добросовестно зафиксировали все процессуальные нарушения и по пермскому делу.

То же можно сказать об участниках проверки 1956 г. Отрабатывая 12 пунктов, вызвавших сомнения и вопросы по следствию 1937 г., они не ограничились только переложением материалов предыдущих проверок, но и разыскали и опросили очевидцев тех событий: часть родственников осуждённых, церковных сторожей, соседей. И в 1956 г. старшим следователем спецотдела комитета Государственной безопасности Молотовской области капитаном Розановым было подготовлено проработанное, убедительное основание для реабилитации необоснованно осужден-

ных. А это означало снятие «клейма позора» с них самих и с их родственников. То есть это невидимый для мира, но весьма весомый человеческий поступок. И, очевидно, что это не то дело, за которое можно получить «звезды» на погоны. Это не дело военных или советских руководителей. Это «всего лишь» верующие, но Розанов честно проводит эту проверку до конца.

История – вещь многомерная, было место честности и порядочности и в рамках «особого отдела». Однако в целом структура работала удивительно **асинхронно**. С одной стороны, мы видим примеры добросовестного исполнения заданий во время проверок, а с другой – непроходимый «блок» на уровне должностных инструкций, предписывавших сокрытие подлинных причин и времени смерти. Первый документ – это «Докладная записка» начальника 1-го спецотдела НКВД Союза ССР полковника Кузнецова – появился в сентябре 1945 г., а второй – директива КГБ при СМ СССР «О порядке ответов на запросы граждан о судьбе осужденных к высшей мере наказания в 30-е годы» от 24 августа 1955 г.

IX

В начале 90-х гг. в официальных ответах на запросы родственников репрессированных по делу «Общества трудового духовенства» указать место их расстрела будет обозначено лишь общее направление: «Документов о конкретном месте захоронения в деле не имеется и эти сведения в тот период времени в материалах следственных дел не отражались. Одно из мест захоронения жертв репрессий обнаружено на 12 км шоссе Свердловск – Первоуральск. <...> Пермской области тогда не существовало, нынешняя территория нашей области входила в Свердловскую, поэтому следственные дела и обвиняемые по ним лица направлялись в Свердловск для рассмотрения, вынесения решений и их исполнения»⁵².

Можно надеяться, что когда-нибудь будет обнаружена более конкретная информация в ведомственных архивах и, может быть, она будет обнародована, а пока остается надеяться на работу волонтеров.

¹ РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

² Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (сокращенно ОСОАВИАХИМ, ОАХ) – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в период 1927–1948 гг.

³ Здесь имеются в виду защитники Кремля.

⁴ Вениамин (Федченков), митрополит. См.: На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. С. 160–161.

⁵ Цит. по: Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005. М.: Издание Сретенского монастыря, 2007. С. 329.

⁶ Документ появился в условиях начавшейся революции 1905–1907 гг., когда на особом Совещании при кабинете министров митрополит Антоний (Вадковский) просил хотя бы несколько ослабить бдительный контроль светской власти над Церковью. Тогда С.Ю. Витте выступил с критикой обер-прокурорского правления и поставил вопрос о предоставлении Церкви возможности созыва Собора. По предложению К.П. Победоносцева вопрос был передан в Синод, и определяющей в решении вопроса о созыве Собора оказалась позиция членов Синода, куда более последовательная и решительная, чем позиция обер-прокурора.

⁷ Предсоборное Присутствие в составе десяти иерархов, а также священников, профессоров и мирян, работавшего под руководством митрополита Антония (Вадковского).

⁸ В условиях работы Предсоборного Совещания, состоявшего из семи человек, в том числе – трех архиереев.

⁹ 5 января 1918 г. в России начало работу Учредительное собрание. (По политическому составу оно было «эсеровским» – 40 % в нем составляли эсеры). Выборы показали, что большевистская партия не является лидирующей в России. Учредительное собрание одобрило первые декреты советской власти. Но при этом оно отвергло идею социалистического выбора в большевистском прочтении – идею «диктатуры пролетариата» (и «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа»). В ночь с 6 на 7 января 1918 г. ВЦИК принял решение о роспуске Учредительного собрания. Это-то и послужило началом гражданского раскола в обществе, поскольку мнение множества людей, ожидавших созыва Учредительного собрания и считавших, что именно оно должно решать вопрос о форме государственной власти в России, было проигнорировано. То, что отказалось сделать Учредительное собрание, сделал 1 Всероссийский съезд Советов. Он принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» с курсом на построение социализма, понимаемого как «диктатура пролетариата» (то есть 1-го класса по отношению к остальным; союзником пролетариата признавалось только беднейшее крестьянство). См.: История России: учебник / под ред. А.С. Орлова, В.А. Георгиева, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. 4-е изд. М.: Проспект, 2012.

¹⁰ Первоначально в Петрограде и в окрестностях совершались нападения на отдельные храмы, а в январе 1918 г. большевики объявили о «реквизиции» Александро-Невской Лавры.

¹¹ Цит. по: Малягин В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и Вся Руси. М.: Даниловский благовестник, Комсомольская правда, 2014. С. 75–76. Или: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 83–84.

¹² См.: Филимонов В.П. Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб.: Статисъ, 2008. С. 47–48; См. также: Неделя 36 по Пятидесятнице (10 февраля) Святая Православная Церковь празднует память Собора новомучени-

ков и исповедников Российских [Электронный ресурс] // Никольский благовест. № 44 (94) 10 февраля. 2002. URL: <http://www.nikolay.orthodoxy.ru/blagovest/94.htm> (дата обращения: 10.10.2009).

¹³ Цит. по: Малягин В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и Вся Руси. М.: Даниловский благовестник, Комсомольская правда, 2014. С. 100.

¹⁴ Цит. по: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 149–151.

¹⁵ Цит. по: Малягин В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и Вся Руси. М.: Даниловский благовестник, Комсомольская правда, 2014. С. 75–76. Или: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 96–97.

¹⁶ Цит. по: Малягин В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и Вся Руси. М.: Даниловский благовестник, Комсомольская правда, 2014. С. 135.

¹⁷ Цит. по: Архивы Кремля: в 2 кн. Кн. 1: Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. М. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 140–144. См. также: Владислав Ципин, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). 3-е изд., испр. М.: Издание Сретенского монастыря, 2007. С. 381–382; Малягин В. Святитель Тихон, Патриарх Московский и Вся Руси. М.: Даниловский благовестник, Комсомольская правда, 2014. С. 75–76; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 141–143.

¹⁸ Первым идеологом борьбы с Церковью путем провокации внутренних расколов был Л.Д. Троцкий. См.: Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

¹⁹ Сам местоблюститель Патриаршего престола – митрополит Крутицкий Петр (Полянский) находился в заключении; в период с 1925 по 1937 г. он прошел непрерывный путь арестов, ссылок и заключений и был расстрелян 10 октября 1937 г., хотя еще за год до того власти объявили о его «кончине».

²⁰ Например, епископ Нарвский Антонин (Грановский), привлеченный «обновленцами» на их сторону, оставил весьма нелицеприятную характеристику этого нового течения: «Во времени собора 1923 года не осталось ни одного пьяницы, ни одного пошляка, который бы не пролез в церковное управление и не покрыл бы себя титулом или митрой. Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, насочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков». См.: Труды первого Всероссийского съезда или Собора Союза Церковное Возрождение. М., 1925. С. 37. Цит. по: Бабаян Г. Обновленческий раскол в документах. На примере приходов Московского региона. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви (с начала XX в. до 1943 г.). Ч. 5 [Электронный ресурс] // Московская Сретенская духовная семинария. URL: <http://sdsmp.ru/news/n5169/> (дата обращения: 15.10.2017).

²¹ В чем его представители усматривали «род церковного монархизма» и необоснованно заявляли о «неканоничности» этой формы правления в Церкви. См.: Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Петроград, 1918. М.: Новоспасский монастырь, 1994–2000. Т. I–XII (репринт). Т. II.

²² Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб.: Нестор, 1999; Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / сост. И.В. Соловьев. М.: Общество любителей церковной истории, Издательство Крутицкого подворья, 2002.

²³ Так, наиболее радикальная фракция «обновленцев» – «Союз Общин Древле-Апостольской Церкви» (СОДАЦ) под водительством А. Введенского провозглашала «капитализм – смертным грехом», что нашло отражение в решениях Первого обновленческого собора (1923 г.), а прот. Евгений Белков собирался объединить под своим кураторством в «союз монастырских религиозно-трудовых коммун» монастыри, пытавшиеся сохраниться под видом «трудовых артелей».

²⁴ См.: Беглов А. В поисках «безгрешных» катакомб. Церковное «подполье в СССР». М., 2018.

²⁵ Основной документ будет принят в декабре 1936 г.

²⁶ Цифра 4 млн приводится в учебнике МГУ, рекомендованном для вузов: История России / под ред. А.С. Орлова, В.А. Георгиева, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. 4-е изд. М.: Проспект, 2012; Цифры 8 млн придерживался д-р ист. наук В.П. Данилов – крупнейший отечественный специалист по аграрной истории XX в., автор и составитель сборников документов: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: в 5 т. М.: РОССПЭН, 1999–2006; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг. Документы и материалы: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Стронником средней цифры – 7 млн является его коллега д-р ист. наук И.Е. Зеленин – специалист ИВИ РАН.

²⁷ См.: Головкова Л.А. Доклад кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Научно-исследовательского отдела Новейшей истории Русской Православной Церкви (НИО НИРПЦ ПСТГУ) на Зимней сессии Богословской конференции ПСТГУ 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://d-v-sokolov.livejournal.com/506607.html> (дата обращения: 08.08.2019); Мелентьев Ф. «В 1937 году в центр полетели телеграммы с просьбой увеличить лимит арестов». Заметки об открытой лекции «Бутово – русская Голгофа» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravoslavie.ru/jurnal/57901.htm> (дата обращения: 08.09.2012).

²⁸ Казанков А.И. Репрессии против духовенства в ходе проведения кулацкой операции в Прикамье (1937–1938 гг.) // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. Пермь, 2006.

²⁹ Conquest R. The Great Terror, 1934–1938. London, 1968.

³⁰ Medvedev R. Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism. Rev. ed. Oxford, 1989.

³¹ Antonow-Owsejenko A. Stalin. Portrat einer Tyrannei. Munchen, 1992.

³² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т., 1927–1939 / под ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола и др. М.: РОССПЭН, 1999–2006.

³³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной

власти / сост. Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. М.: Международный фонд «Демократия», 2004.

³⁴ Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, Германский исторический институт в Москве, 2009.

³⁵ См., напр.: ГУЛАГ. Начало: материалы всероссийской науч.-практ. конференции / под ред. Ю.З. Кантор, С.А. Шевырина. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2017.

³⁶ Обухов Л.А. Пермь-36. Предыстория. ИТК № 6. 1942–1972 гг. Пермь, 2018.

³⁷ Одинцов М.И. Государство и церковь: История взаимоотношений, 1917–1938 гг. М., 1991.

³⁸ Шкаровский М.В. Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. 3-е изд., доп. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000.

³⁹ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Издательский центр «Россия молодая», 1992.

⁴⁰ Беглов А. В поисках «безгрешных» катакомб. Церковное «подполье» в СССР. М., 2018.

⁴¹ Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). 3-е изд., испр. М.: Издание Сретенского монастыря, 2007.

⁴² Русская Православная Церковь. XX век. К 1020-летию Крещения Руси. По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Сретенский монастырь, 2008.

⁴³ См., напр.: Мазырин Александр, священник. К вопросу о богословии новомучеников [Электронный ресурс] // Кредо. Пресс. URL: <https://credo.press/166680/> (дата обращения: 21.01.2019).

⁴⁴ Емельянов Н.Е. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. // Культура. Образование. Православие: сб. материалов региональной научно-практической конференции. Ярославль, 1996; Емельянов Н.Е. Сколько репрессированных в России пострадали за Христа? // Православие и мир [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/skolko-repressirovannyx-v-rossii-postradali-za-xrista> (дата обращения: 20.03.2011).

⁴⁵ Нечаев М.Г., Уткин С.В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, Германский исторический институт в Москве, 2009.

⁴⁶ Дегтярева М.И., Дегтярева Н.Е. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год «большого террора» // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 3 (23).

⁴⁷ Артемьев А.В. Иеромонах Нифонт (Агафонов): путь от социализма до Креста // Материалы IX Международной студенческой научно-богословской конференции 10–11 мая 2017 г. К 100-летию подвига Новомучеников и Исповедников Церкви Русской. Ч. 2. СПб.: Издательство СПбДА, 2017; Олисов А.В. «Оставшийся верным Церкви»: священник Александр Мальцев // Научно-богословский вестник Пермской духовной семинарии. 2017; Щелканов А.А. Архивно-следственное дело священника Виктора Новожилова 1932 г. (По материалам

ПермГАСПИ) // Научно-богословский вестник Пермской духовной семинарии, 2018–2019 гг.; Попов Н.А. Архивно-следственное дело священника Василия Мельникова и диакона Никифора Брагина (1929–30 гг.): методы филологического и сравнительного анализа при «тестировании» документов на достоверность // Научно-богословский вестник Пермской духовной семинарии. 2018–2019 гг.; Ершов А. «Когда свидетельствует дело». Памяти священника Алексея Золотова.// Православие.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/109420.html> (дата обращения: 02.03.2018); Олисов А. «Оставшийся верным Церкви»: священник Александр Мальцев // Православие.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/105752.html> (дата обращения: 02.03.2018).

⁴⁸ Архивно-следственное дело Степанова, Гуляева, Беклемышева, Корovina и др. («Общество трудового духовенства»). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 118.

⁴⁹ Архивно-следственное дело Степанова, Гуляева, Беклемышева, Корovina и др. («Общество трудового духовенства»). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 120.

⁵⁰ Архивно-следственное дело Степанова, Гуляева, Беклемышева, Корovina и др. («Общество трудового духовенства»). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 145–146.

⁵¹ Архивно-следственное дело Степанова, Гуляева, Беклемышева, Корovina и др. («Общество трудового духовенства»). ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 117.

⁵² Архивно-следственное дело Степанова, Гуляева, Беклемышева, Корovina и др. («Общество трудового духовенства») // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Переписка. Л. 210.

*Дегтярников Вячеслав Валентинович,
член правления Союза журналистов Пермского края*

«ПЕРМЬ – ВТОРОЙ ИЕРУСАЛИМ»

Часть I. ПРЕПОДОБНЫЙ КУКША В ПРИКАМСКИХ ЛАГЕРЯХ¹

Аннотация. Реконструирован отрывок из жизни преподобного Кукши Одесского, которого арестовали в 1938 г. В годы Большого террора репрессии затронули многих, в том числе и священнослужителей. Отец Кукша попал в Усольлаг и какое-то время содержался в пересыльной тюрьме, которая располагалась в Свято-Троицком мужском монастыре. Несмотря на тяжёлое состояние, он прошёл лагеря, но и после освобождения ему пришлось остаться на территории Прикамья. Доклад опирается на воспоминания героя о его лагерном заключении и людей, сообщающих о деяниях схимонаха.

Ключевые слова: антирелигиозная кампания, Прикамье, Усольлаг, Кукша Одесский, священнослужитель.

*Degtyarnikov Vyacheslav Valentinovich,
Member of the Board of the Union of Journalists
of the Perm Territory*

"PERM - THE SECOND JERUSALEM"

Part I. THE ANCIENT COOKHA IN PRIKAMSKY CAMP

Annotation. The author reconstructs an excerpt from the life of the Monk Kuksha of Odessa, who was arrested in 1938. During the years of the Great Terror, repression affected many, including clergymen. Father Kuksha was sent to Usollag and for some time was kept in a transit prison, which was located in the Holy Trinity Monastery. Despite the severe state of his health, he passed the camps, but even after his release he had to stay on the territory of the Kama region. The report is based on the hero's memories of

¹ Публичная лекция состоялась в режиме онлайн-трансляции 14.08.2020 г.

his camp imprisonment and the memories of people reporting on the deeds of the schemamonk.

Keywords: anti-religious campaign, Prikamyе, Usollag, Kuksha of Odessa, priest.

На территории Соликамского района, где располагался большей частью Усольлаг, находилось в 1930-е – начале 1950-х гг. много священников, и ряд из них в настоящее время причислены к лику святых. Одним из самых известных был преподобный Кукша Одесский.

Преподобный Кукша Одесский (в миру Косьма Кириллович Величко) родился в 1875 г. на юге Российской Империи, в Херсонском уезде. В возрасте 21 года он поселился в русском Свято-Пантелеймоновском монастыре на Афоне, где был пострижен в иночество под именем Константина, а впоследствии в монашество – под именем Ксенофонта. Полтора года он провел на Святой Земле, в Иерусалиме. Накануне Первой мировой войны будущий преподобный покидает Афон и становится монахом Киево-Печерской лавры. Во время войны вместе с другими монахами он служит братом милосердия на санитарном поезде Киев – Львов. А в 1931 г. в лавре его постригают в схиму под именем Кукши.

В 1937–1938 гг. по всему Советскому Союзу прокатывается волна массовых репрессий, затрагивающих все слои населения. Тяжелые гонения обрушиваются и на Русскую Православную Церковь. Священнослужителей расстреливают, отправляют в лагерь. 28 апреля 1938 г. в Киеве арестован 63-летний схимонах Киево-Печерской лавры Кукша.

«Когда меня привели в тюремную камеру, – вспоминал сам отец Кукша, – в ней было много “урок”, все сидели на нарах, свободного места не было. В углу сидел знакомый священник, арестованный раньше меня. Я встал у двери со своим узелком, осматривался, ища себе места, а тот священник незаметно дал мне знак, чтобы я не двигался с места. Если бы прошел к нарам, “урки” меня бы избili – такой у них был тюремный “закон”. Я стоял у двери и молился про себя Богу. Вдруг “урки” потеснились и освободили для меня место, а один говорит: “Отец, проходи, садись здесь”».

В мае 1938 г. Усольлагу передают здания закрытого к тому времени соликамского Свято-Троицкого мужского монастыря. Здесь

помещается пересыльная тюрьма НКВД. В ноябре 1938 г. вместе с другими заключенными сюда привозят и преподобного Кукшу – по документам НКВД он проходит как Ксенофонт Величко.

Монастырский храм переделывают под тюремные нужды, выстраивают камеры. Даже сейчас хорошо видны сохранившиеся фрески, хотя уже прошло довольно много лет. А тогда они были слегка побелены, поэтому заключенные их периодически отмывали. Называлось это «сидеть под ангелами».

Усольский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР был создан 5 января 1938 г. как лесозаготовительное предприятие. Усольлаг был крупным исправительно-трудовым учреждением. Личный состав сотрудников охраны, рабочих и служащих составлял около 3,5 тысячи человек, а количество «спецконтингента» (заключенных) доходило до 30 тысяч человек.

Попав в тюрьму, а затем и в лагерь, отец Кукша вплотную сталкивается с уголовной средой. Первоначально свой срок преподобный отбывает в усольлаговском пункте в Верхней Вильве. Если с охраной и заключенными Кукша мог наладить отношения и существовать более или менее бесконфликтно, то сами условия лагерной жизни на севере Урала поставили пожилого схимонаха, уроженца южных губерний, на грань выживания. Кукшу отправляют пилить дрова вместе с другими священнослужителями. В его житии эти события нашли свое отражение: «Это произошло в Верхней Вильве утром на первый день Рождества в 1939 или 1940 г. Стояли морозы около 50 градусов. Вскоре Кукша отморозил нос. Врач, осмотрев преподобного, сказал: “Ну, Величко, пропал твой нос!” – и помазал какой-то мазью, от которой нос, к счастью, через непродолжительное время зажил».

Впоследствии, 22 марта 1940 г., пожилой схимонах был переведен в другой пункт Усольлага – поселок Селянка. Поселок являлся сельскохозяйственной колонией, в которой выращивали овощи и изготавливали товары народного потребления. Некоторые охранники втайне от лагерного начальства помогают преподобному. Однажды летом один из них подошел к старцу и незаметно для других передал ему хлеб и рыбу. А Кукша ему говорит: «Чадо, возьми отпуск, поезжай домой, тебя отпустят. У тебя дома заболела дочь». Тот не поверил, что его могут отпустить летом, в разгар сельскохозяйственных работ. Не прошло и часа, как вбегает охранник и говорит, что пришла

срочная телеграмма о болезни дочери, и начальство его отпускает. Батюшка благословил охранника, и тот поспешил домой.

В Селянке Кукша тяжело заболел, и 7 июня 1941 г. его отправляют в Нижнее Мошево, где находится лагерная больница. А через две недели, 22 июня, начинается Великая Отечественная война. Условия жизни в лагере становятся еще тяжелее. Особенно высокая смертность была зимой 1941–1942 гг. – 25 % от общего числа заключенных умерли.

Подобно Святому Серафиму Саровскому, кормившему медведей со своей руки, у отца Кукши, судя по его воспоминаниям, тоже была любопытная история, связанная с тварями Божьими. Этот случай с преподобным произошел в Нижнем Мошево 6 апреля 1942 г.

«Это было на Пасху, – вспоминал сам Кукша, – я был такой слабый и голодный – ветром качало. А солнышко светит, птички поют, снег уже начал таять. Я иду по зоне вдоль колючей проволоки, есть нестерпимо хочется, а за проволокой повара из кухни в столовую охранников носят на головах противни с пирогами. Так вкусно пахнет... Над ними вороны летают. Я взмолился: “Ворон, ворон, ты питал пророка Илию в пустыне, принеси и мне кусочек пирога!”. И вдруг слышу над головой “Кар-р-р!” – и к ногам упал пирог с мясом – это ворон стащил его с противня у повара. Я поднял пирог, со слезами возблагодарил Бога и утолил голод».

Последним местом заключения преподобного Кукши стала тюремная больница в Нижнем Мошево, куда его привозят совершенно больным. Здесь он встречает своего земляка, врача из Киева. Молодой врач буквально вернул преподобного с того света. Состояние здоровья отца Кукши было настолько тяжелым, что его поместили в палату для безнадежно больных, где одновременно находилось 70–80 человек. Доктор, тоже заключенный, в течение двух месяцев выхаживал схимонаха и, в конце концов, поставил его на ноги. Отсюда же, из Нижнего Мошево, преподобного выпускают – 1 мая 1943 г., на праздник Святого Георгия.

Согласно закону военного времени, после отбытия наказания Кукшу оставляют на территории Прикамья и водворяют на жительство в Кунгурский район. Место жительства Кукше органы НКВД определяют под Кунгуром, в деревне Новая.

При освобождении из лагеря отец Кукша получил адрес дома, где он мог бы остановиться. Но там по каким-то причинам по-

боялись принять ссыльного. В итоге, как рассказывает Валентина Попова, лично знавшая преподобного, он поселился в семье Петра Подшивалова. Хотя у него самого была большая семья, хозяин радушно принял Кукшу, предоставил ему кровать и столик. На возражения Кукши, что ему-де дали другой адрес, Подшивалов твердо заявил: «Раз они побоялись Вас принять, будете жить у нас».

По имеющимся сведениям, отец Кукша, проживая в прикамской ссылке, совершал богослужения в ряде храмов Пермской (тогда Молотовской) епархии – в селах Шубино, Кольцово и даже в самой Перми (Молотове).

Известно что, в Кольцово на местночтимый праздник 23 июля в 40-е гг. XX в. служил преподобный Кукша вместе с известным пермским священником Григорием Ахидовым. Так же есть данные о том, что Кукша находился в тесном общении с архиепископом Александром (Толстопятовым) Владыка приглашал его, и отец Кукша приезжал в Пермь (Молотов). Вместе с пермским архиереем преподобный совершал службы в Свято-Троицком кафедральном соборе.

Справка: Владыка Александр (Толстопятов) возглавил пермскую епархию в 1943 г. Поскольку с началом Великой Отечественной войны отношение советского государства к Русской Православной Церкви изменилось в благоприятную сторону, владыке пришлось восстанавливать почти уничтоженную к тому времени церковную жизнь в Прикамье. За два года своего архипастырства ему удалось возродить Пермскую епархию.

Отец Кукша не афишировал своего знакомства с владыкой Александром, поскольку официально, по-видимому, не имел права в течение первых трех лет покидать место ссылки в Кунгурском районе. Отец Кукша помогал владыке Александру в преодолении обновленческого раскола, который развивался в Русской Православной Церкви до Великой Отечественной войны. В 40-е гг. в Кунгуре проживал обновленческий епископ Серафим (Коровин). Кукша подолгу с ним беседовал, и под влиянием старца Серафим стал склоняться к воссоединению с Московским Патриархатом.

В 1948 г. схимонах Кукша, после десятилетнего пребывания на территории Прикамья, возвращается в Киево-Печерскую лавру. Оттуда через пять лет старца переводят в Почаевскую лавру, а затем под давлением властей – в Залещики.

В Киев, Почаев и Залещики за благословением и советом к отцу Кукше люди приезжали отовсюду, но особенно много было пермяков. По воспоминаниям знавших его людей, преподобный мог иносказательно открывать судьбу тех, кто обращался к нему за духовным советом.

Жительница Перми Валентина Попова вспоминала, как их, 10 человек, в первый раз повез к Кукше священник Иоанн Покровский. Преподобный всех пермских очень хорошо принимал, угощал чаем.

«Я тоже ездила исповедоваться и узнать, что он скажет – он прозорливый дядька был, – рассказывает Лидия Садкова. – А я тогда не замужем была, и думала, что мне делать – то ли замуж идти, то ли в монастырь. А он мне говорит: “Ремя тебе надо, а не монастырь. Замуж пойдешь, матушкой будешь”. Раз он так сказал, я уже без сомнения». Так решилась судьба Лидии Александровны, ставшей через несколько лет после посещения преподобного женой известного в Пермской епархии священника, благочинного Северного округа Виталия Садкова.

Когда отец Кукша находился в Почаеве, к нему за советом отправился кунгурский житель, участник Великой Отечественной войны Николай Андреевич Букирев. Как постоянная память о войне у него остался осколок, попавший воину-минометчику в локоть. Прошло некоторое время, и осколок стал давать о себе знать, началось нагноение, и врачи предложили ампутировать руку. Прежде чем решиться на эту операцию, Николай Букирев отправился к преподобному за советом: «Думал, съезжу к Кукше – что он скажет, то и сделаю, – вспоминает ветеран. – Приехал к нему, а тот и говорит: “Ладно, родной мой, давай, потрудишься немножко. Вот у нас тут груша, надо бы ее поколоть”. А знаете, что значит грушу – дерево расколоть даже здоровому человеку? Я и думаю про себя: “Вот если был бы святой, так он бы меня не заставил, знал бы, что у меня такая болезнь, что я накануне ампутации руки, а он меня заставляет грушу колоть”. Но что делать? Послушание есть послушание. Пошел выполнять послушание старца. Взял топор в руки. Как стукнул – у меня осколок и вылетел наружу. Потом домой-то приехал, операцию сделали». Вот так чудесным образом схиигумен Кукша спас руку ветерану.

Справка: Николай Андреевич Букирев связал свою жизнь с Церковью, работал во Всехсвятском храме в Кунгуре, где впо-

следствии постригся в монахи под именем Никона, а пред смертью принял схиму с именем Кукши. Схимонах Кукша (Букерев) прожил 104 года.

В годы хрущевских гонений на церковь Патриарх Московский и всея Руси Алексей I возьмет преподобного под свое покровительство, и последние годы жизни отец Кукша проведет в Одесском Свято-Успенском монастыре, где находилась летняя резиденция Святейшего Патриарха. В 1994 г. схимонах был причислен Русской Православной Церковью к лику святых как преподобный Кукша Одесский.

*Колдушко Анна Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
государственного управления и истории
Пермского национального исследовательского
политехнического университета*

**АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ ОПЕРАЦИИ В ПРИКАМЬЕ
В 1937–1938 ГГ.¹**

Аннотация. Анализируется терминология национальных операций НКВД 1937–1938 гг., «целевые группы» немецкой операции и проблемы, связанные с определением этих «целевых групп». Сообщается об основных механизмах реализации немецкой операции на территории Прикамья, рассматриваются казусы, определявшие специфику Большого террора в Перми и Свердловской области.

Ключевые слова: НКВД, немцы, политические репрессии, сталинизм, Большой террор.

*Koldushko Anna Anatolyevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the
Department public administration and history of PNRPU*

**ARCHIVAL INVESTIGATION AS A SOURCE
OF STUDYING GERMAN OPERATIONS
IN THE KAMYA REGION IN 1937–1938**

Annotation. The author analyzes the terminology of the national operations of the NKVD in 1937–1938, the “target groups” of the German operation and the problems of defining these “target groups”. The main methods of implementing the German operation on the territory of the Kama region are reported, the incidents that determined the specifics of the "great terror" in Perm and the Sverdlovsk region are considered.

Keywords: NKVD, Germans, political repression, Stalinism, great terror.

¹ Публичная лекция состоялась 23.03.2021 в Пермской краевой библиотеке им. А.М. Горького.

Большинство отечественных исследователей связывают «немецкую» операцию с рядом нормативных документов, среди которых главную роль играл приказ НКВД СССР № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР»¹. Так, Н. Охотин и А. Рогинский отмечают, что немецкая «линейная» операция, так же, как польская, харбинская и др., была заранее спланирована, что доказывает серия соответствующих руководящих директив: записка Сталина от 20 июля 1937 г., решение Политбюро и, наконец, сам оперативный приказ № 00439². Однако историк А.И. Савин отмечает, что специального оперативного приказа НКВД СССР на проведение операции по «немецкой линии» не существовало: «Приказ № 00439 от 25 июля 1937 г. “Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР”, который иногда ошибочно называют таковым, не был непосредственным образом связан с последующей массовой немецкой операцией и был направлен на очистку оборонных заводов от немецких подданных»³.

В действительности «немецкая операция» была гораздо более масштабной и многомерной: в ней переплетались и этнические, и религиозные, и социальные компоненты, накладывались друг на друга и сами массовые операции: «польская», «немецкая», «кулацкая».

Кого считать жертвами «немецкой» операции? Немецкой операцией обычно называют репрессии против германских граждан по приказу № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР». Как видим, приказ был направлен только против граждан Германии, подозревавшихся в шпионаже. В дальнейшем этот приказ был распространен, во-первых, на шпионов вообще (русских в том числе), а во-вторых, в целом на людей, имевших советское гражданство и немецкую национальность (или просто «немецкую» фамилию).

С одной стороны, очевидно, что по «немецкой» линии, как немецких шпионов могли арестовать представителей любой национальности. Так, Г.Д. Жданова утверждает, что к жертвам «немецкой» операции следует относить только тех, кто был осужден Комиссией Народного комиссара внутренних дел и прокурора

СССР (так называемая «двойка»), а с 17 сентября 1938 г. – осужденных особой (национальной) тройкой. В результате среди осужденных появляются русские, украинцы, австрийцы, поляки, эстонцы, латыши и финны⁴. Таким образом, вне поля зрения исследователя остаются немцы, осужденные другими внесудебными органами в рамках «линейной» операции, а также немцы, которые были арестованы, но не осуждены по различным причинам. Открытым также остается вопрос, как быть с так называемыми «переквалифицированными» делами (к примеру, человек арестовывался как **немецкий шпион**, а осуждался по статье «**Антисоветская агитация**»).

Другой взгляд на проблему предлагает московский историк А.Ю. Ватлин, проводивший исследование по материалам Москвы и Московской области. С его точки зрения, следует вообще отказаться от этнического фактора, а фокус исследования локализовать до немцев, проживавших в Германии постоянно и прибывших в Россию после окончания Первой мировой войны⁵.

Как полагаем, такой подход не дает возможности всесторонне исследовать «немецкую» операцию. И, скорее всего, от этнического фактора уйти невозможно. В рамках настоящего исследования критерием отбора дел являлась национальность, указанная в анкетах архивно-следственных дел. В базе данных репрессированных Прикамья есть сведения о 509 немцах, арестованных в 1937–1938 гг. Очевидно, такой критерий отбора тоже не идеален, поскольку, в связи с необходимостью проведения «немецкой операции», с «легкой руки» следователя НКВД немцами могли стать люди, просто имевшие «нерусскую» фамилию. Однако тщательное изучение дел показало, что случаи изменения национальности на «нужную» следователю единичны, в пределах статистической погрешности. При использовании такого критерия отбора жертв есть возможность определить этапы «немецкой операции», исчерпывающие динамику арестов, сроки ведения следствия, динамику вынесения приговоров и другие статистические характеристики этнической группы, подвергнувшейся аресту именно по «немецкой операции».

Так, типологизировать архивно-следственные дела можно следующим образом:

1. Архивно-следственные дела в отношении трудпоселенцев – небольшого объема, отпечатанные на машинке – включают в себя следующий комплекс документов: постановление об избрании меры пресечения, анкета, ордер на арест, протокол допроса, выписки из протоколов допроса, обвинительное заключение, приговор, иногда – меморандум.

Технология проведения немецкой операции в отношении трудпоселенцев была отработана в ходе реализации так называемой «кулацкой операции»⁶. Сотрудниками НКВД были затребованы списки трудпоселенцев, имеющиеся у комендантов трудпоселков, а далее согласно этим спискам выписывались ордера и проводились аресты. Как показывал в 1939 г. в протоколе допроса сотрудник Ворошиловского РО НКВД В.К. Привалов, «точно было в списке указать, что он поляк, латыш, немец или другой нерусской национальности, человека на этом основании арестовывали»⁷.

Операция по «изъятию» немцев носила настолько массовый характер, что собственными силами сотрудники НКВД справиться не могли – привлекали сотрудников милиции, пожарной охраны и военнослужащих строевых частей НКВД⁸. Поскольку арестованных было много, технология подготовки необходимой документации по делам была поставлена на поток. Особенно «отличились» следователи Ворошиловского отдела НКВД – в их работе имелся своеобразный почерк – в обязательном порядке требовать у арестованных заявления о причастности их к шпионажу в пользу иностранных государств. Эти заявления заранее подготавливались оперуполномоченными райотдела и носили совершенно шаблонный характер, обычно писались от руки почерком самого следователя. После этого на допрос вызывался арестованный, и ему немедленно предлагалось это заявление подписать. Следует отметить, что подписывали заявление почти все – кто в силу малограмотности, кто под воздействием внутрикамерной обработки – с помощью уговоров или угроз. Далее составлялся список арестованных с указанием места жительства и национальности, исходя из этого, арестованные разбивались по разведкам и резидентурам, а после списки созданных «шпионских сетей» раздавались следователям с приказанием писать протоколы⁹. У каждого

следователя имелся образец протокола, шаблон, в который лишь подставлялись «факты» и даты «шпионской деятельности», которые зависели сугубо от фантазии следователя.

Процесс подписания протоколов допроса также носил массовый характер. Арестованные приводились в большой зал по 30–40 человек, им раздавались протоколы для подписи, бывало, что в сопровождении играющего патефона¹⁰.

Торопливость следователей при составлении документов довольно часто приводила к курьезам: например, в заявлении о признании вины в деле И.К. Булингера указывалось, что он вовлечен в немецкую разведку немцем Дзень Отто Андреевичем, а протоколе допроса – что завербован Шмидт Давидом Петровичем¹¹. Как правило, в документах архивно-следственных дел эти данные идентичны. Иногда, изучая датировки документов в деле, можно обнаружить, что обвинительное заключение составлялось уже после расстрела, в некоторых случаях, через месяц после расстрела. К примеру в деле И.Д. Бархет обвинительное заключение датируется 3 февраля 1938 г., а приговор наркомом Внутренних дел и прокурором Союза ССР по первой категории вынесен 25 января 1938 г.¹², то есть на девять дней раньше, чем обвинительное заключение. Довольно часто протоколы допросов писали разные следователи, а потому несогласованность и торопливость в их действиях приводила к тому, что трудпоселенец арестовывался как польский шпион, а приговор выносился по «немецкой линии»¹³.

Обвинения немцев, вписанные в обвинительные заключения, поражают воображение: трудпоселенец, работавший грузчиком, – «собирал и передавал сведения о возможности использования тракторов в военный период как боевых единиц»¹⁴, конюх собирал шпионские сведения «о количестве лошадей, приписанных к военвед»¹⁵, бухгалтер собирала шпионские сведения о заработной плате рабочих и служащих бумкомбината¹⁶ и т.д. В ходе работы с архивно-следственными делами не раз в одном деле одновременно обнаруживались друг за другом два документа – приговор о расстреле и документы об освобождении. К примеру, в архивно-следственном деле П.П. Эссерта имеется выписка из протокола особой тройки при УНКВД Свердловской области от 8 октября 1938 г.: «Расстрелять,

лично принадлежащее имущество конфисковать», а следом за ней – письмо, датированное 16 ноября 1959 г., в котором он ходатайствует о назначении пенсии по старости¹⁷.

В ситуации, когда арестованный наотрез отказывался подписывать заявление, то следователи его «проводили» по протоколам допросов других арестованных и тогда он, говоря языком следователя, «изобличался показаниями других участников шпионских сетей». Следователи не были особенно изобретательными: участниками одной «шпионской сети» становились арестованные, заключенные одной камеры. Это выяснялось при повторных допросах арестованных в конце 1938 – начале 1939 г.¹⁸ Анкетные данные тоже зачастую подделывались: исправлялись графы «Национальность», «Социальное происхождение». Приведем в качестве примера выдержку из протокола допроса г. Н. Краузе от 20.08.1938 г.:

«Вопрос: В анкетных данных Вы показали, что Вы по национальности немец. Это соответствует действительности?»

Ответ: Нет, не соответствует. Я, как и мой отец Краузе Николай Алексеевич, никогда немцами не были. Отец мой уроженец г. Перми. Мать также уроженка пермская, девичья фамилия ее Истомина. По паспорту я писался и пишуь русским¹⁹. Фальсификация данных была повсеместной.

2. Архивно-следственные дела в отношении граждан Германии. Эта группа самая малочисленная – всего шесть дел. Главной особенностью репрессивной политики в отношении граждан Германии стало то, что все они в конечном итоге были выдворены за пределы СССР. Двое из них стали участниками показательного процесса в г. Кизеле Пермской области: «немецкие шпионы», прибывшие работать в угольной промышленности Урала из Рурского угольного бассейна Германии: Франц Винтер и Фриц Балтес.

Дела в отношении граждан Германии – многотомные, включающие разнообразный массив источников: это и фотографии, и меморандумы, и техническая документация; личные письма арестованных, их автобиографии, допросы осведомителей, допросы следователей от 1939 г. после их ареста и пр.

3. Группа дел «Русские немцы» – довольно большая группа, поскольку в рамках «немецкой операции» сотрудники НКВД аресты производили целыми деревнями, расположенными на юге Прикамья в местах компактного проживания немцев, переселенцев начала XX в. Архивно-следственные дела характеризуются следующими особенностями материалов: многостраничные рукописные допросы, личные письма на языке, включающим слова и на русском, и на немецком языках, свидетельства о конфирмации и пр.

Как видим, архивно-следственные дела, отобранные для изучения «немецкой операции», представляют собой уникальный комплекс документов, позволяющий изучать подготовку, технологию проведения национальных операций, повседневность 1930-х гг., языковые особенности эпохи и др.

¹ См., например, Жданова Г.Д. «Немецкая» операция 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Память, ответственность и будущее: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию депортации российских немцев. Барнаул, 10–11 сентября 2011 г. Барнаул, 2011. С. 79–88; Кодин Е.В. Большой террор на Смоленщине: национальные операции, 1937–1938 годы // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 4. С. 301–329; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. М., 1999. С. 35–74.

² Охотин Н., Рогинский А. Указ. соч. С. 35.

³ Савин А.И. Этноизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия XXI. 2012. № 3. С. 50; «Через трупы врага на благо народа». Кулацкая операция в Украинской ССР 1937–1941 гг.: 1937. Подготовка приказа № 00447, первый этап кулацкой операции. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2010. С. 178.

⁴ Жданова Г.Д. Указ. соч. С. 85.

⁵ Ватлин А.Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области в 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 21.

⁶ Подробнее см.: «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009.

⁷ Протокол допроса Привалова В.К., 11.05.1939 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12139. Л. 44.

⁸ Протокол допроса Гаврилова Г.Н., 20.05.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12139. Л. 48.

⁹ Протокол допроса Привалова В.К., 11.05.1939 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12139. Л. 40.

¹⁰ Подробнее о методах ведения следствия – см.: «Включен в операцию» ...

- ¹¹ Заявление Булингер И.К., 13 12 1937 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13671. Лл. 6, 7.
- ¹² Архивно-следственное дело Бархет И.Д. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29654. Лл. 13, 15.
- ¹³ Архивно-следственное дело Бальц Б.Х. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29669. Лл. 9, 12.
- ¹⁴ Обвинительное заключение Келер Э.А., январь 1938 // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 32532. Л. 14.
- ¹⁵ Обвинительное заключение Клейн Э.И., 03.02.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 5798. Л. 11.
- ¹⁶ Обвинительное заключение Левен М.П., 17.01.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30152. Л. 12.
- ¹⁷ Архивно-следственное дело Эссерт П.П. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10934. Лл. 19, 22.
- ¹⁸ Копия протокола допроса Кауш г. Г., 02.12.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2577. Л. 47.
- ¹⁹ Протокол допроса Краузе г. Н., 20.08.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 3039. Л. 14

DOI:

*Нечаев Михаил Геннадьевич,
кандидат исторических наук, главный научный сотрудник
Музея-заповедника «Пермь-36»,
доцент Пермского национального исследовательского
политехнического университета*

МЕСТО ССЫЛКИ – ПЕРМЬ: 300-ЛЕТНЯЯ РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ТОПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Аннотация. Раскрывается тезис, что Пермь – не просто обычный провинциальный город, а столица огромного и богатого края. Город Пермь был административно-территориальным и политическим центром и в императорской, и в советской, и в постсоветской России. Рассказывается о важных политических событиях XVIII–XX вв., а также о реакции на них пермского городского сообщества. Обобщены исследования автора о политической культуре и менталитете пермяков.

Ключевые слова: Пермь, политическая культура, провинция, городское сообщество.

*Nechaev Mikhail Gennadievich,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Museum-reserve "Perm-36",
Associate Professor
Perm National Research polytechnic University*

REFERENCE PLACE – PERM: 300 YEARS RETROSPECTVINAL TOPOLOGY POLITICAL SPACE

Annotation. The author claims that Perm is not just an ordinary provincial city, but the capital of a huge and rich region. The city of Perm was an administrative-territorial and political center in imperial, Soviet and post-Soviet Russia. It tells about important political events of the XVIII–XX centuries, as well as the reaction of the Perm urban community to them. The author's

¹ Запись публичной лекции, прочитанной 03.06.2021 г. в в Пермской краевой библиотеке им. А.М. Горького.

research on the political culture and mentality of the inhabitants of Perm is summarized.

Keywords: Perm, political culture, province, urban community.

Не знаю, с чего и начать ... Представленная тема достаточно легкая, потому что, конечно, 300 лет за сорок минут рассказать, наверное, легко. Гораздо труднее рассказывать эти 300 лет подробно, долго и кропотливо. 300 лет топологии политического пространства города Перми. «Место ссылки – Пермь». О чем пойдет речь? Ну, пойдет речь, прежде всего, конечно, о нашей истории, о нашем Пермском сообществе, о территории, на которой мы живем. И пойдет речь о нашем политическом менталитете, о нашей политической душе, о наших векторах политических, и из чего она, собственно говоря, формировалась. Я думаю, что среди тех, кто занимается политикой, есть представление о том, что на самом деле политическое поведение продиктовано не какими-то сиюминутными побуждениями, но на самом деле это не так. Любое политическое поведение, любой политический выбор, любой политический вектор продиктован той политической культурой, которая заложена в среде городской. И еще одна вещь, очень важная... Я не буду, наверное, каких-то больших обобщений делать... Россия – огромная страна. И историю России можно уложить в 10 страниц учебника, даже в 136 страниц учебника. Но история России на самом деле – это история тех территорий, которые составляют Россию. Это локальная история, это локальная история территорий. Они многообразны и многовекторны. Да, есть история Москвы, есть история Санкт-Петербурга, это история всей страны в определенный период этого времени. Но есть история Перми, даже есть история Екатеринбурга и других городов России, которые являются городами-столицами огромных, больших территорий с многообразным населением и с многообразным историческим потенциалом. Еще одно явление, о котором хотелось бы предварительно сказать. Речь идет о том, что чаще всего мы историю воспринимаем, я не буду говорить банальностей, хотя придется – «урезанная» история, «подрезанная» история. Не знаю, можно ли назвать это «обезглавленная история». Мы часто в сиюминутных порывах «вырываем» те или иные страницы истории. У нас получается книга без страниц. Вот, открываешь: там десять стра-

ниц, раз – прерываются определенные вещи, и там уже где-то в конце ты находишь какой-то финал. Ты не понимаешь, как мы дошли до такого финала. То есть история – некое непрерывное явление, которое формируется в течение нескольких поколений людей, и от того, как мы поймем эту книгу, как пролистаем эту историческую книгу, нам будет понятно, почему мы такие, что нам дальше делать, как мы поступим в той или иной ситуации. Вот три вещи, я хотел бы сказать, говоря о том, что такое пермская политическая культура: почему так важно знать этос культуры, что мы являемся частью не только истории за 300 лет, но и частью общероссийской истории. И еще такой момент – то, что от понимания нашего исторического наследия зависит понимание причин наших определенных выборов и дальнейшего пути развития.

Итак, попробуем ретроспективно посмотреть на антропологию политического пространства города Перми. Не будем здесь затрагивать дискуссию о том, когда появился Санкт-Петербург и Пермь, потому что это не тема данной лекции. Но мы празднуем 300 лет исходя из даты 4 мая 1723 г., когда появляется Егошихинский завод. Хочу напомнить, что Егошихинский завод – медеплавильный... Любой медеплавильный завод – это завод высокотехнологичный, высокопроизводительный и требующий высокой квалификации персонала. Это сейчас кажется, что медь плавить – не требует особой квалификации, на самом деле для реалий начала XVIII в. работать на медеплавильном заводе могли только те, кто имел особые профессиональные навыки, определенные компетенции. И медеплавильные заводы собирали людей, чаще всего вольнонаемных, не крепостных, а тех, кто обладал определенными знаниями. И Егошихинский завод был из тех же заводов, там всего лишь было семьдесят работников, и вот эти семьдесят работников были все вольные, были и военнопленные, как, например, Берглин, инженер этого завода, он бывший шведский офицер. Но в основном это были люди с определенными навыками. Это был целый производственный цикл, причем сделанный на современной тогда основе, вот, благодаря рынку стали строить заводы, связанные с определенным механическим прогрессом, механизацией труда и т.д. и т.п.. Авторы описывают это очень подробно, потому что технология, предложенная на данном производстве, для того времени была передовой.

Еще один важный факт: этот завод был казенным, то есть государственным. Мы все прекрасно знаем, что обычно Урал делится на Строгановскую часть и Демидовскую часть. Правда, не все пермяки понимают, что Демидовская часть – это тоже наша часть. Потому что Демидову принадлежали и Соликамские части, территории, и Южный Суксун, Гремячинск, Горнозаводск, ну и вся Демидовская часть, в том числе и территории, связанные, приближенные к будущей Перми. То есть они «частники», Демидов и Строгановы. И казенных заводов у нас, здесь, на Урале, в 1723 г. было не так уж и много. Их было около пяти. У Демидова было где-то около 24, это те заводы, которые он представил. Были заводы-невидимки, которые не платили налоги и тоже существовали. Были и Строгановские заводы. И, конечно, вот эти пять казенных заводов, которые построили в конце второго десятилетия XVIII в., они составляли малую часть от заводского хозяйства Урала. И, благодаря [Вильгельму] де Геннину и [Василию] Татищеву у нас развернулось мощное строительство заводов, именно казенных, государственных заводов. Было построено около 18 заводов, буквально за семь лет. Конечно, темпы были достаточно высокими. Все заводы были построены по новым высокопроизводительным технологиям.

Так вот, первое, политическое общество, первые жители Егошихинского поселка – это люди образованные, это люди достаточно состоятельные, и они работали на государство, то есть на казну. Хочу сказать еще одну... вещь. Медеплавильный Егошихинский завод, его жители на свои деньги, не знаю, удивит вас этот факт или нет, де Геннин об этом пишет, заводчане построили крепостную стену, т.е. не царский наместник возвел крепостную стену вокруг завода, а именно жители собрали свои деньги для того, чтобы построить крепость, для того, чтобы их сон эта крепостная стена оберегала. Потому что это место, будущий город Пермь, находился на стыке очень серьезных, экономических, интересов, в том числе и контрабандных интересов. Государственная дорога шла через Соликамск, Верхотурье. А те дороги, которые проходили в Сибирь по югу, они проходили по Северной Башкирии. Ну, это то, что мы сейчас называем югом Пермского края. И эти дороги никем не охранялись. И любой торговый караван, который проходил по этим дорогам, подвергался различным напа-

дениям как со стороны русских разбойников, так со стороны и кочевых разбойников. И вполне естественно, что любой заводской поселок, который находился в этой местности, он должен был сам себя оберегать. То есть у нас сохранились еще такие места, как село Острожка, например. Почему Острожка? Потому что – острог. Это место, которое охраняется. Оно является фронтиром пограничным. Это тоже очень важный момент для понимания тех, кто жил в Егошихинском поселке. Егошихинский поселок как таковой просуществовал до 1781 г. Это огромный для того времени срок, ... не столетие, конечно. Это несколько десятков лет. Поселок сформировался и к 1781 г. насчитывал около... примерно около 4 тысяч человек. Это уже даже по европейским меркам был город. Но он был не городом, он имел статус села. Тогда не называли поселки, заводские поселки, это было просто село. И тем не менее он уже не был селом, потому что вся деятельность Егошихинского поселка была вне сельского хозяйства. Это в основном была промышленность и торговля. Особенность этого места заключалась в том, что в этом месте перепады водных коммуникаций. Вот река Чусовая впадает в Каму, за 12 км до впадения Егошихи, река Чусовая прорезает Уральский хребет. Все сибирские товары, которые шли по реке Чусовой, а также железные караваны, как говорит писатель Иванов, – они все проходили к Каме, а потом уже шли по Каме, которая впадает в Волгу, а в Волгу впадает Ока, оно все шло в Москву. Там уже все это распродавалось.

Место, которым является Егошихинский поселок, это место пристани. С севера Камы, с Чусовой, в чусовских караванах – и все шло это в Европу. И, естественно, это место стало местом транзита, а следовательно, тех людей, которые занимаются перекладкой товаров. Вот эта часть уже была не похожа на жителей поселка Егошихи, это была неуправляемая часть, это были временные рабочие, это были, говоря современным языком, мигранты, которые составляли такую вот живую часть Егошихинского поселка. Тем не менее, когда встал вопрос, «За кого ты», а он встал очень остро, с 1773 по 1775 г., период восстания Емельяна Пугачева, самонареченного Петра III. К нам пришли даже не сами полки Емельяна Пугачева. К нам пришли полки Салавата Юлаева, причем его встретили недружелюбно те башкиры, которые жили как раз на юге Прикамья. Хотя вроде бы, так быть не должно. Но на самом

деле так было. Эти башкиры, которые жили рядом с Пермью, с будущей Пермью, они занимались горным делом. То есть это были башкиры, которые не занимались кочевым ремеслом, не занимались боевыми искусствами, а они были такими же горнозаводчиками, как и остальные жители вот этой территории. Они добывали медную руду, которую добывать было достаточно сложно. И один из них, вот пример до 1773 г., как раз накануне Емельяна Пугачева, это [Исмагил] Тасимов, рудознатец, который возглавлял такую большую семью башкиров-рудознатцев, поставил вопрос об открытии, не больше, ни меньше, Горного училища в Кунгуре. И уплатил на эти нужды 80 тысяч золотых рублей. Для XVIII в. это была сумма неподъемная. А он написал письмо Екатерине, Уложенной Комиссии. То есть он ездил сам в Петербург, он написал личное письмо Екатерине II с целью... доказывая открытие... необходимость Горного училища, по его мнению. И прикладывал свои гарантии финансовые для открытия Горного училища. Жил он в Мулах. Еще не Пермь, но это очень близко к Егошихинскому поселку, и смотрел он как раз Кунгур и Егошихинский завод... Такое Горное училище было только одно в Чехии, больше подобного рода училищ не было. Второе – образовать его нужно в Кунгуре. Ну, это естественно, города Перми еще не было, Кунгур, он как бы являлся столицей горного округа. Да он и был провинциальной столицей, то есть столицей Пермских границ.

И кончилась эта история тем, что [что-то] развивалось. Тем, что Горное училище образовалось, и оно существует до сих пор. И оно оказалось и в Санкт-Петербурге, 80 тысяч было на его обустройство взято. Я просто говорю о том, как поступили жители этого посёлка в критический период, когда к нам пришёл Емельян Пугачёв. Кунгур не сдался, и отряд, составленный жителями Егошихинского посёлка, пришёл в количестве 50 человек полностью вооружёнными, пришёл на помощь в Кунгур, который осаждали пугачевцы. То есть заводы отказались поддержать восстание Емельяна Пугачёва – и в Осе, и в Кунгуре, и в Егошихе. Политическое поведение очень чётко прослеживалось в XVIII в. в силу вот этих политических событий. И, наверное, это неудивительно, потому что существовала «завязка» на всероссийский рынок, то состояние, которое у жителей Егошихинского посёлка было, оно было полностью связано с интересами Российской Империи и на тор-

говлю, на сбыт этих товаров, которые они производили. То есть такое политическое поведение было абсолютно понятным, и восстание Емельяна Пугачёва, естественно, не было принято на этих, видимо, сытых и богатых золотом землях. Ещё одну вещь хотелось бы сказать, которую недооценивают, к сожалению. С одной стороны, корреляция этого момента очень сложна, дело в том, что мы всё время говорим, что были горнозаводские школы. Действительно, во всех российских заводах были горнозаводские школы, была она, конечно, и в Егошихе. Первая горнозаводская школа появляется в Соликамске, но в Егошихе она была тоже. История эта заканчивается тем, что Сафронова из Екатеринбурга, изучавшая 30 лет историю горнозаводского образования XVIII в., она изучила практически всё письменное пространство, связанное с XVIII в. и пришла к удивительному выводу. Всё заводское население, которое работало именно на казённых, государственных заводах, было полностью грамотным, то есть 100 %. То есть дети, родившиеся у рабочих, посещали заводские школы и получали вот это двухлетнее образование. Оказывается, без него работать на заводе было сложно. Это вывод, который опровергает, наверное, очень многие мифы, связанные с образованием XVIII в. Но здесь случилась такая образовательная трагедия, что казённые заводы подверглись приватизации, все они были отданы при Елизавете Петровне, ещё до Екатерины II, в частные руки. Приватизация прошла успешно, многие заводы были скуплены, естественно, были закрыты все школы. Частники с большим трудом приходили к выводу о том, что необходимо открывать школы при заводах. Одна из самых знаменитых школ, Строгановская школа, была открыта уже очень поздно – в 1796 г. Итак, поведение людей XVIII в. нам понятно.

Мы забыли ещё один важный момент – это открытие города Перми. Кто был первый житель губернского города Перми? Какова была здесь политическая культура и политическое поведение? Мы знаем, что открытие города Перми – это событие очень сильное, потому что выбор места в 1780 г. был очень важен. Был указ о том, что на этом месте должен быть город Пермь, и торжественное открытие города происходит по старому стилю 18 октября 1781 г., а по новому стилю – 29 октября 1781 г. В 2021 г. тоже юбилей открытия города Перми, который не празднуется в силу того, что мы открылись 4 мая 1723 г. Открытие нового города –

это не только постройка домов, тот, кто знает хорошо топографию Перми, понимает, что Егошихинский посёлок стоит в низине Егошихи, а Пермь начинает строиться вверх, поднимается по холмам. Там, где сейчас Разгуляй, начинается строительство нового города. Первые жители – это купцы, купцы Чердыни, купцы Кунгура, купцы Соликамска, которые составили костяк Пермского купечества. Причём это не самые худшие купцы из этих городов, сюда прибывают самые богатые купцы. И они получают льготы за то, что являются первыми жителями губернского города. Это административный аппарат, чиновники, причём эти чиновники создают в 1781 г. масонскую ложу под названием «Золотой ключ». Получается, что первые чиновники Перми – это масоны. Они создают герб города Перми, создают описание этого герба, первые школы и т.д. То есть необычность наших жителей в конце XVIII в., конечно, поражает воображение. Если мы внимательно посмотрим статистику, то в начале XIX в. мы обнаруживаем интересную вещь: 11% жителей – это дворяне. Откуда они здесь взялись? Это те дворяне, которые получили дворянство за счёт Табеля о рангах, то есть за счёт службы, чаще всего это личные дворяне – получается, каждый десятый дворянин. Таким образом, город Пермь состоит из богатых купцов, из крестьян, которые живут в городе из-за своих богатств, они занимаются торговлей, но просто ещё не перешли в купеческое сословие по разным причинам, 10 % дворян, которые получили его по чиновничьей службе. Конечно, наш город купеческо-чиновничий, и какое должно быть политическое поведение такого города? Города, где закрыт медеплавильный завод, где существуют маленькие мастерские, кузнецы. Город, естественно, законопослушный, более того, городу этому повезло, потому что во главе этого города стоит Карл Фёдорович Модерах. То есть он не глава города, он губернатор Пермской губернии начиная с 1796 г. Но это губернатор, который ещё и имеет лютеранское вероисповедание. Кстати, у нас немцев-губернаторов, исповедующих лютеранство, было четверо. Дело в том, что это говорит ещё и о том, что в городе Перми отношение к религии, к сословию очень толерантное. Это город, не имеющий никаких предрассудков – религиозных, сословных. Естественно, он формируется совершенно по-иному.

Город Пермь никогда не был старообрядческим городом. Старообрядческая Пермская губерния не смогла создать такую

экспансию в город, но однако внесла свою лепту в жизнь города Перми. Это были такие старообрядцы, которые тщательно скрывали свое старообрядчество. И неслучайно в Пермской губернии появляется такое явление..., как единоверие, т.е. признание Русской православной церкви, но сохранение полностью обрядовой стороны старообрядчества. Или такое явление, как «Часовенное согласие»... – в него может входить и церковь, и часовня. Часовня может принадлежать к определенной церкви, в каждом приходе до семи-девяти часовен. [Человек] может ходить в часовню и считать ее своей, а не принадлежащей к Русской православной церкви. Он просто строит приписную часовню и ходит в нее, как в свой храм («Часовенное согласие»). То есть такое скрытное поведение старообрядцев для Перми очень характерно. Они более открыто себя вели в своих слободах. В Перми говорить, что ты старообрядец, было нельзя. Но они были, и они составляли треть населения города Перми, это тоже факт. Был огромный скандал по поводу выборов городского головы: два раза выбирали старообрядца. По законам Российской империи старообрядец не мог быть городским головой, и когда стали выбирать в третий раз, это выяснилось. Был большой скандал, но поменять обратно решение уже никто не мог. В третий раз... не стал городским головой, но, тем менее, два раза он побывал [на этой должности], будучи старообрядцем и нарушая законы Российской империи. Наш законопослушный город был не совсем законопослушным: он тайно нарушал те правовые нормы, которые существовали, исходя из собственной целесообразности. Ну как не выбрать хорошего человека главой города? Честного хорошего человека.

Я не буду говорить о характеристиках пермяков, потому что сам пермяк, знаю все свои и наши проблемы? Я не говорю о жадности, ведь можно говорить «хозяйственность», можно сказать «прагматизм», «рационализм»... Но со стороны это кажется немножко «по-пермяцки», мы очень не привыкли тратить свои деньги на нечто нам непонятное ... И это тоже момент очень важный. Модерах был самым честным губернатором в Российской империи. Сам Александр I сказал: «У меня единственный губернатор, кто не ворует, и то лютеранин, Карл Федорович Модерах». Надо поверить Александру I, потому что когда [после Отечественной войны] нужно было восстанавливать Москву, он приглашает Мо-

дераха восстанавливать Москву. Потому что он доверял Карлу Федоровичу Модераху – те деньги, которые отпущены на восстановление Москвы после Наполеона, не пропадут, пойдут именно на восстановление Москвы, а не куда-то в другую сторону. Пермьки очень внимательно относятся [к деньгам]... Они прощают любое нарушение, кроме одного – ухода собственных средств куда-то в сторону. Такая денежная романтическая честность присуща пермякам... С гордостью можно говорить об этом, начиная с первой четверти XIX в. и до сегодняшнего дня. Мы не любим, когда тратят наши деньги... Вот, казалось бы, о Перми в первой половине XIX в. вообще говорить не стоит, потому что это город, который, если посмотреть на политическую карту, «спит». Он «сонный» был, он «уснул». Где-то рядом в Екатеринбурге – золотая лихорадка три десятилетия, там целая Аляска плачет от убийств, которые там происходят... А город Пермь, он такой – сонный. А почему? В Екатеринбурге – Горное правление. Александр I убрал Горное правление из Перми, и Екатеринбург это как бы вторая столица, там Горное правление, там горная полиция, там золотая лихорадка, там огромные деньги... А Пермь – там губернатор, администрация, общие дела, «разборки» с Екатеринбургом и с их, так скажем, уголовными делами, с их оборотом денег и т.д. и т.п. Поэтому Пермь в политическом плане, казалось бы, «заснула» и надолго. Но когда открывается вдруг свобода, когда Александр II вдруг заявил, что время Великих реформ пришло, Пермь просыпается быстро и неожиданно. Выясняется, что в Пермской духовной семинарии [есть] тайная библиотека, где запрещенную литературу читают в течение двух десятилетий... Читают студенты духовной семинарии, там читают Дарвина, Вольтера, Жан-Жака Руссо, там читают всё то, что запрещено читать. И передают это из поколения в поколение. Оказывается, Пермь не спит, она как бы живет, и открытие этой тайной ученической библиотека произошло в 60-х гг. XIX в., во время «свободы». Все были наказаны, не надо волноваться, все были наказаны. Оказалось, что первый вечер благотворительный и первые публичные библиотеки организуются в городе Перми. Оказывается, что вольная школа, которая была организована декабристами в городе Перми, каким-то образом сохранилась до конца. Организована Союзом благоденствия, нигде ее нет, а в городе Перми она есть. То есть в этом сонном пространстве

сохраняет все вольнодумные тенденции той эпохи. Началась золотая эпоха Перми и Пермской губернии – это эпоха земств, городского самоуправления. Поворотным моментом стал 1870 г. Чем же прославилось пермское земство? Ну вы знаете, что первое земство было в Самаре в 1865 г., а массовое открытие земств происходило в 1870 г., совместив выборы в думу по городовому положению и земские. Во главе пермского земства встал Смышляев Дмитрий Дмитриевич, и буквально через пять лет пермское земство заставило говорить о себе всю страну. За счет чего, почему? Смышляев уходит впоследствии с поста (восемь лет был во главе пермского земства), уходит с большим скандалом, так сказать, хлопнув дверью. Одна из причин, ну кроме споров с крестьянами, за что платить: за дороги или за какие-то необходимые вещи, там были постоянные конфликты – за каждую копейку шла борьба в Пермском земстве. Надо почитать вам журнал дискуссий Пермского земства. Конечно, это скучновато, но вы поймёте весь характер. «А почему ему надо заплатить 12 рублей 50 копеек? Надо бы сохранить, расходы на содержание. А зачем этим платить, когда можно этим заплатить?». Когда читаешь социальные сети и дискуссии земские, вы знаете, прямые параллели политического поведения. Так вот чем прославилось Пермское земство? Смышляева постоянно толкало радикальное земство на то, чтобы он составлял какие-то политические петиции, чтобы он возглавлял какие-то протестные акции земства. Смышляев пошёл другим путём. Дело в том, что в земстве были обязательные расходы и определённые налоги. Обязательные расходы – это дороги, это содержание гарнизонов, различные государственные повинности. А необязательные расходы – естественно, больницы, естественно, школы. Кстати, статистика была необязательной, то есть статистика и отчётность не были обязательными. Пермское земство первое, что сделало, ввело отчётность и статистику. Всё было чётко прописано, выпускалось в первом квартале следующего года. То есть была полная прозрачность деятельности. Второе – это строительство школ и больниц, это первый санитарный врач в России, это попытка создать систему здравоохранения, это попытка создать все виды образования – начальную школу, среднюю школу и т.д. Была инициатива в школах создавать дополнительные отделения, сельскохозяйственные классы, для того, чтобы ученики, выйдя из начальной школы, мог-

ли заниматься уже по-научному сельским хозяйством. Я вам хочу сказать, что ни в одной губернии такого не было. В Перми оно просуществовало до 1917 г. Причём Пермское земство каждый год говорило, что надо их закрыть, что ученики не хотят стать крестьянами, они поступают дальше, в университет. Поступали дальше учиться ежегодно 150 человек, то есть Пермское земство платило деньги ста пятидесяти людям, которые поступали в высшие учебные заведения. Я считаю, что это потрясающее политическое поведение, которое направлено на достижение определённых целей. Это вроде бы не протестный подход, но мне кажется, что Пермское земство себя выделило среди других земств и показало, что такое вообще политика. Политика – это то, чем они в первую очередь занимались, социальные задачи. Мне кажется, здесь политический вектор абсолютно понятен.

Наступило время политических партий и политических течений. Как на этот вызов ответили пермяки? Какая политическая партия была в Перми приоритетной? Это трудный вопрос, потому что, к сожалению, наши историки ещё не прояснили ряд нюансов, связанных с нашими политическими мирами конца XIX – начала XX в. Хорошо изучена немногочисленная ячейка большевистской партии, которая неизвестно, была большевистской или меньшевистской партией, потому что была соединённой, вплоть до 1917 г. Даже попытка их разъединить не удалась. Некоторые из РСДРП считали себя большевиками, некоторые меньшевиками, но они все были в единой партийной среде. В 1917 г. социал-демократов в Перми было пять человек. В городе Перми был губернатор Струве, у него был сын, Павел Струве. Он родился в этом городе, и его считают первым либералом в России, самым первым. Он увлекался легальным марксизмом, он помогал в написании первой программы РСДРП, жил с Владимиром Ильичем Лениным, финансировал РСДРП в ограниченных размерах, в частности издательскую деятельность. Например, вы знаете прекрасно, что «Развитие капитализма в России» Ленин писал в основном по статистике Пермского и Вятского земства, показывая, что капитализм у нас есть. Почему-то он показывал это именно на примере Пермской губернии, и это неслучайно. Эта книга тоже была финансирована Струве, он же впоследствии организовал кадетов. То есть, грубо говоря, город Пермь – родина либерализма. Если взять деятельность зем-

ства, если взять Струве как личность, то в этой формуле ничего противоестественного нет. То есть здесь действительно были эти либеральные течения и направления. Если взять партийность города Перми, то весь Союз медиков (у нас было убито около 200 медиков) входил в кадетскую партию. Один из них, самый молодой медик, Здравосмыслов, был редактором кадетской газеты, которую закрывали, его сажали в тюрьму в 1906 г., хотя он был директором бактериологического института здесь. Все медики были кадетами. Союз инженеров тоже кадетский. Сколько было кадетов, никто не знает, потому что партия то увеличивалась, то сокращалась, в зависимости от времени. Очень много кадетов побили в годы Первой русской революции, потом они стали возрождаться в годы Первой мировой войны. Тем не менее в городе Перми к 1917 г. 200 кадетов. Численное их превосходство было немыслимо. Самыми популярными были две крайние партии – эсеры и Союз Русского народа. Эсерам в Перми не повезло, если говорить о политическом убийстве (их было 4 тысячи), но в Пермской губернии всё проходило достаточно мирно. Это тоже говорит о нашем политическом поведении. Правда, есть ещё одно, именно волнения 1905 г. в Пермской губернии стали основой будущего государства. Первый Союз возник в Алапаевске, в Пермской губернии, а потом по всем заводским центрам появляются подобные товарищества, профсоюзов-то не было. За весь апрель и май [1905 г.] таких товариществ, союзов, Советов рабочих и депутатов появилось около трех десятков. Миф о том, что первый Совет возник в Иваново-Вознесенске, произошёл просто от того, что деятельность первых советов пермских не регулировали. Они это так объясняли: у нас поселковый Совет, а в Иваново-Вознесенске городской. Непонятно почему, потому что он городом тогда тоже не был. Именно Пермская губерния стала родиной советской власти. Я специально взял такую паузу, чтобы эта мысль завязалась у моих слушателей. Была Пермская губерния, первые Советы возникли здесь, как и самоуправляющиеся рабочие организации, которые регулировали, прежде всего, экономические интересы и политические. Они потом были взяты за основу устройства будущей страны. Почему это произошло? – вот в чём вопрос! Не готов вам ответить поверхностно, но предполагаю, что этот опыт самоуправления, опыт самостоятельности, который был заложен в по-

литическом поведении, он и продиктован таким явлением. Он не про политический террор и не про убийства. У нас есть эсеры, а убийств губернаторов и чиновников нет. У нас эсеры даже в каком-то странном виде – у нас энесы, то есть это те, кто отрицал политический террор. Эсеры не как у всех, они другие. И конечно, братание губернатора с народом, которое произошло после 17 октября 1905 г., это вообще уникальное явление для политической жизни страны. То есть люди выходят на демонстрацию, представьте лозунги после манифеста 17 октября 1905 г., и требуют открыть тюрьмы и выпустить политзаключённых. Приходят к дому губернатора, он спит, пермская полиция спит. Выводят его за руку, и губернатор вместе с народом идёт открывать тюрьму. Открывает – и акт политического протеста завершён. Только тогда империя откликнулась на эти пермские события, и откликнулась достаточно жёстко. В декабре 1905 г., особенно после вооружённого восстания в Мотовилихе, на казёном заводе. Местного губернатора отправляют в отставку за излишний либерализм. В Пермской губернии – военное положение, уезды в разной степени стоят на военном положении, начинается подавление российской революции и, скажем так, пермского варианта российской революции. Дошло даже до того, что дело о плохом поведении пермских чиновников выпало Министерству внутренних дел, и есть специальное дело в ГАРФе, где очень подробно описано поведение губернатора, всех пермских чиновников и вообще жизнь Пермской губернии во время революции 1905 г. Ещё у нас не дописаны до конца эти сюжеты, они требуют большего описания. Но даже по тем штрихам, что есть, видно нечто особенное в политическом поведении и в политической культуре.

Военное положение отменили во всей стране в 1908 г., в Пермской губернии только в 1909. Потому что в Пермской губернии появляются не просто партизаны, а целые вооружённые отряды – Лбов и «лбовщина», которые терроризируют практически всю губернию. И это уже ответ на военное положение, вот там эсеры проявили себя в полной мере. Все всегда думали, кто такой Лбов – большевик, эсер, меньшевик, кто он? Наверное, он всё-таки ближе к эсерам по своим политическим взглядам. Ещё одна из традиций Пермской губернии и города Перми – это Союз Русского народа. Если эсеры не проявили себя, не были такой популярной

партией в городе Перми в частности, то вот оппонентом кадетов были не социал-демократы, а Союз Русского народа. Его, как вы знаете, возглавил первоначально Дубровин, это пермский врач. То есть все врачи были кадеты, а Дубровин был организатором Союза Русского народа. И, естественно, врагом Союза Русского народа были не социал-демократы, не эсеры, а пермские кадеты. Эти страсти существовали вплоть до 1917 г. Мы завершаем дореволюционную историю, мы знаем, что было после 1917 г., была Гражданская война.

Гражданская война была по всей стране, но в Пермской губернии происходили самые важные её события, мы были фронтиром Гражданской войны, мы были временем, когда Гражданская война колебалась между двумя сторонами. Пермская губерния оказалась вот в этом политическом выборе. За кого: за красных или за белых? За кого кадетская Пермь: за красных или за белых? Ответ очевиден. У нас события октября 1917 г. были довольно мирные, но многие историки говорят, что были вооружённые события. Они действительно были, это разгоны городских дум в начале 1918 г. Дело в том, что был пермский гарнизон, состав который напился и начал буянить. Совместно Мотовилихинский Совет рабочих депутатов и Балашихинский Совет рабочих депутатов, все силы не признавали друг друга. Все ветви власти – земства, Городская дума, альтернативный Совет пермский, который пытался сказать, что они – альтернатива тому правительству, которое в Петрограде, Совет, который признал решение II съезда – все эти силы объединились и в течение двух недель навели порядок в городе Перми. Это очень характерный лозунг для Перми, любое проявление радикализма в Перми воспринималось как преступное проявление, и все силы объединялись, чтобы его остановить. Советская власть была взята, есть версия, что Мотовилиха захватила Пермь, 300 человек из Мотовилихинского Совета рабочих депутатов вооружены стрелковым оружием. А в Перми был пьяный гарнизон.

В 1918 г. произошло ещё одно интересное событие – Пермь неожиданно становится университетским городом. Университетский город – это очень важный социальный институт к 1918 г. И Пермь вроде бы не протестовала против советской власти, но мы знаем, что в 1918 г. самый мощный, самый кровавый Красный террор был именно у нас в Пермской губернии. Любой террор,

особенно проявленный властью, он неслучаен, он всегда продиктован определённым объектом. То есть Пермская губерния вроде бы признала существующую власть, но признала номинально, она как бы ждала, что произойдёт. Отсутствие массовой поддержки и привело, возможно, к таким кровавым последствиям, когда вырезались по спискам все партии, закрывались газеты, убивали священников и т.д. Ну и, конечно, мы попали в прифронттовую полосу.

Гражданская война сильно повлияла на политическое поведение пермяков. Наступили 20-е, 30-е гг. Отличаются ли 20-е гг. от 30-х для Перми? В 1920-е Пермь теряет свои позиции, формально Пермь становится сначала окружным центром, в 1931 г. она становится районным центром, она перестаёт быть столицей не только Урала, но даже Пермского района. В Перми практически не идёт строительство новых зданий, микрорайонов. Вся та коммунальная служба, которая была создана, даже школьные здания – мы не найдём ни одной школы, построенной в 20-е гг. Всё, что было создано до революции, в Перми сохраняется. Пермь до 20-х гг. – это пять квадратных километров. Это маленький город, где проживает около 100 тысяч человек. Но зато в Перми появляется около трёх десятков частных предприятий в период НЭПа. Пермь восприняла НЭП как то, что было нужно. Мы ещё плохо изучили эти частные предприятия, потому что НЭП – это одна страница, был НЭП, разрешили частные предприятия, страница закрывается. Но это было десять лет, а правовые нормы НЭПа сохранились до 1936 г., то есть можно было открывать и после 1929 г. частные предприятия, но не нужно.

1930-е гг. всё меняют. Пермь начинает быстро расти, 100 тысяч в 20-е гг. вдруг превращаются в 200 тысяч, 300 тысяч, в 1944 г. – вообще 410 тысяч. Мотовилиха присоединяется к городу Перми со своим огромным населением и заводом. В городе Перми строится моторостроительный комплекс, это огромный заводской комплекс, где несколько заводов и несколько заводских площадей. То есть Пермь превращается в обычный советский уральский индустриальный центр. В Пермь приезжает очень много людей, которые не являются пермяками, меняется вся политическая конфигурация, политическая культура растворяется, исчезает, уходит вглубь. Пермские аборигены становятся меньшинством в городе Перми в конце 30-х, в 40-х гг. Ну и, конечно, эвакуация. Кто прибыл

к нам в эвакуацию? Вы думаете, что Русский музей прибыл, потому что так было запланировано? Нет, Русский музей должен был быть в Горьком, и Третьяковка должна была быть в Горьком. И когда эта баржа с Третьяковкой и Русским музеем прибыла в Пермь, то Балтун, исполняющий обязанности директора Русского музея, пришёл к Горюнову, первому председателю Горисполкома города Перми, и сказал, что Комитет по искусству направляет нас к вам. «Да вы что! – сказал первый председатель. – Отказаться». Там было от 40 до 60 метров, уложенных в рулоны, и 7000 картин, которые составляли богатство Русского музея, все были на этой барже, не считая другие объекты культуры, около 32 тысячи единиц хранения. Всё – в Соликамск, там неотопливаемая Троицкая церковь, там ещё есть церкви, может быть, ещё где-то место найдётся. Тяжба с первым председателем Горисполкома Горюновым шла с 14 до 28 сентября. Всё было на барже. А в октябре у нас идёт снег, а в ноябре – лёд, а ещё нужно было всё это эвакуировать – 32 тысячи единиц. Это к тому, что Русский музей всё-таки помещён в Перми. Театр оперы и балета Кировский должен был «идти» в Омск, но попал в Пермь. Если взять многие учебные заведения и многих профессоров, которые оказались в Перми, они тоже здесь не должны были быть. Например, было НИИ-16, это тысяча человек, которые разрабатывали всё, что было связано с танками и боеприпасами, заняли весь корпус Сельхозакадемии. Это всё не должно было быть в Перми, а должно было быть в столице Удмуртии – Ижевске. Но оно оказалось в Перми. Я уж не говорю о писателях, было пять членов в Союзе писателей у нас в 1941 г., а в 1942 г. – 71 писатель за счёт Ленинграда, Москвы, Киева и т.д. Кстати, у нас была самая крупная писательская организация на Урале из-за эвакуированных. В годы войны Пермь неожиданно становится культурным центром. Хочу сказать, чтобы меня правильно поняли, в 1937 г. у нас было семь высших учебных заведений. Это в районном центре, мы только в 1938 г. стали областным центром. Таких городов районных больше нигде не было, как это произошло, мы не знаем, но что-то в этом есть – пермское.

Ну о самостоятельности Пермского обкома партии, приведу один факт, о котором мне рассказал Вячеслав Дегтярников, когда мы готовили передачи, связанные с историей моста. Пермь по-

строила двухколейный коммунальный мост, чтобы была третья полоса, было решено создать трамвайный путь. Конечная остановка была в лесу, в нигде, ещё это был 13-1 маршрут. Ради того, чтобы расширить Коммунальный мост. «Не мытьём так катаньем» – это самое простое объяснение вот этого политического поведения. Но есть ещё один момент, о котором многие забывают, это период Пермского совнархоза – тоже период расцвета города Перми, конец 1950-х – начало 1960-х гг. Вы думаете, Пермь хвалили за то, что она расцветала в период Пермского совнархоза? Нет. В 1962 г. был разбор полётов над Солдатовым, который возглавлял Пермский совнархоз, за то, что он тянет всё на себя, за то, что его совнархоз неожиданно делает такие экономические показатели, что он хорошо работает. Никита Сергеевич Хрущёв лично раскритиковал Пермский совнархоз и уволил Солдатова, отправил его в Вологду, поднимать Вологодский совнархоз. То есть этот период тоже очень интересный в истории города, когда появляются совершенно потрясающие секретари обкома. Галаншин – интеллигент, инженер по образованию, очень поздно вступил в коммунистическую партию, его родственники были репрессированы. Биография не очень правильная, но он рационалист. Если говорить о Борисе Всеволодовиче Коноплёве и его старообрядческих корнях, то это отдельный разговор. То есть руководители региона имели какую-то очень неправильную биографию, и политика была совершенно иная.

Я пропустил, к сожалению, самые животрепещущие периоды, это период перестройки, например, который тоже очень важен с точки зрения нашего политического поведения, как у нас прошёл ГКЧП, я пропустил постсоветский период, я сознательно пропускаю период 2010-х гг. Похожи мы в политическом поведении сегодня на нас вчерашних или же нет? Вот в чём вопрос. Спасибо за внимание!

*Шевырин Сергей Андреевич,
кандидат исторических наук, заведующий
научно-методическим отделом
Музея-заповедника «Пермь-36»*

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ СУДЕБ УЧЕНЫХ ОСОБЫХ КОНСТРУКТОРСКИХ БЮРО¹

Аннотация. Рассматривается история лагерных конструкторских и технических бюро в годы Великой Отечественной войны на территории Молотовской области и судьбы ученых, обвиненных по 58 статье, названных «врагами народа». Несмотря на несправедливые обвинения, допросы «с пристрастием», годы неволи, эти люди сумели сохранить в себе высокий творческий потенциал, давший стране в тяжелые годы важные оборонные изобретения.

Ключевые слова: «шарашка», конструкторское бюро, заключенные, интеллигенция, ГУЛАГ, инженеры.

*Shevyrin Sergey Andreevich,
Ph.D., Head of the Scientific and Methodological Department
Museum-reserve «Perm-36»*

UNKNOWN PAGES OF SCIENTISTS 'COURTS SPECIAL DESIGN OFFICES

Annotation. The article examines the history of the camp design and technical bureaus during the Great Patriotic War on the territory of the Molotov region and the fate of scientists accused under Article 58, called «enemies of the people». Despite unfair accusations, interrogations «with partiality», years of captivity, these people managed to retain in themselves a high creative potential, which gave the country important defense inventions in difficult years.

Keywords: «sharashka», design bureau, prisoners, intelligentsia, gulag, engineers.

¹ Публичная лекция состоялась в режиме онлайн-трансляции 29.09.2020 г.

Взаимоотношения советской власти и интеллигенции всегда были очень сложными. Политические и идеологические взгляды российской интеллигенции нередко значительно расходились со взглядами большевистского руководства. Интеллигенция высказывала свое мнение – иногда критическое по отношению к власти. Имеющие власть большевики критику в свой адрес интерпретировали как «антисоветскую агитацию».

После массовых выселок из страны в начале 20-х гг. XX в. власть и общество перешли к травле «спецов» и арестам «специалистов-вредителей». В результате «Шахтинского дела» в 1928 г. десятки специалистов – инженеры, механики, техники – были обвинены в создании контрреволюционной вредительской организации и осуждены. После слов Сталина на апрельском пленуме 1929 г. – «Шахтинцы сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности» – по всей стране начались поиски вредителей среди интеллигенции. Так, только за 1931 г. ОГПУ было осуждено 1152 инженера за «вредительство»¹.

Многие из осужденных специалистов в лагерях посылались на общие работы – они валили лес, копали котлованы и каналы. Но случалось, что их образование и умения использовались администрацией лагеря. Так, в Вишерском лагере особого назначения, располагавшемся на самом севере Пермского края, в начале 30-х гг. бывший военный инженер С.А. Белоутов наладил работу радиоузла и обеспечил регулярную трансляцию в 120 радиоточках. Заключение инженер-электрик Э.З. Дижур трудился только в качестве заведующего автогужевым транспортом². Писательские наклонности будущего поэта и автора замечательных рассказов В.Т. Шаламова в том же лагере нашли применение в работе делопроизводителя учетно-распределительной части³.

Наполнение лагерей и тюрем инженерами, техниками, химиками и т.д., естественно, вело к их значительной убыли на воле и привлечению внимания к этой особой группе заключенных высшего начальства. 15 мая 1930 г. появился особый циркуляр, подписанный председателем ОГПУ г. Ягодой и председателем ВСНХ В. Куйбышевым, который предлагал «...использовать вредителей <...> таким образом, чтобы работа их проходила главным образом в помещении органов ОГПУ. <...> Оказывать им содействие в деле постановки опытных работ...»⁴. Но фактически к этому време-

ни первое тюремное конструкторское бюро уже существовало. Попавших в разряд «вредителей» специалистов по самолетостроению и авиадвигателям ОГПУ сосредоточило в Бутырской тюрьме, где они еще в декабре 1929 г. занимались конструированием новых самолетов⁵. Циркуляр от 15 мая 1930 г. давал возможность широко распространить опыт Бутырской тюрьмы. Причем инженеров-«вредителей» предполагалось использовать исключительно в области «производства новых средств вооружения армии и флота»⁶. Такие тюремные КБ были организованы в Москве, Ленинграде, Таганроге, Ростове, Казани.

В Перми до 1941 г. таких КБ не было. В годы Великой Отечественной войны в Пермь (Молотов) были эвакуированы два тюремных бюро. Из-под Москвы (Болшево) было эвакуировано Особое техническое бюро (ОТБ) НКВД при Научно-исследовательском институте промышленности боеприпасов, а из ленинградских «Крестов» – артиллерийское Особое конструкторское бюро (ОКБ) № 172.

Пермский пороховой завод, обозначаемый при строительстве как комбинат «К», был возведен руками заключенных. В 1934 г. он выдал первую продукцию, предназначенную для горнорудных работ. В годы Великой Отечественной войны на территории завода № 98, с 1941 г. носящем имя С.М. Кирова, было размещено пять эвакуированных пороховых предприятий⁷. Осенью 1941 г. в эвакуацию прибыло подмосковное ОТБ. Возглавлял его А.С. (Александр Семенович) Бакаев – изобретатель порохов, находящийся в заключении, с небольшим перерывом, с 1930 г. Под его руководством трудились талантливые инженеры-химики – Д.И. Гальперин, А.Э. Спориус, Б.И. Пашков, В.А. Лясоцкий, Ф.М. Хритинин и другие⁸. ОТБ было размещено при пороховом заводе № 98 и сразу же включилось в разработку важнейшего для страны – баллиститного пороха для «катюш» и поиску новых технологий производства пороха. Над баллиститными порохами Бакаев работал еще с 1928 г., и заряд для реактивного миномета также был разработан задолго до войны. Но в военные годы иссякли запасы централита (один из компонентов баллиститного пороха). А.С. Бакаев и Д.И. Гальперин в Закамске сумели найти замену редкому централиту и создали новый улучшенный состав баллиститного пороха. Разработанная этим же ОТБ система непрерывного шнекового производства ракетных зарядов увеличила в два раза скорость

их изготовления⁹. Именно это дало возможность гвардейскому реактивному миномету БМ-13 («катюша») стать символом мощи советского оружия. Благодаря ученым-химикам из ОТБ НКВД Кировский завод в годы войны стал основным поставщиком порохов в стране¹⁰. В 1943 г. часть изобретателей была досрочно освобождена и награждена орденами и медалями. Давида Израилевича Гальперина досрочно освободили 13 августа 1943 г., с него сняли судимость и в тот же день наградили орденом «Знак Почета». Позже он был назначен главным инженером порохового завода № 98.

Особое конструкторское бюро из Ленинграда первоначально планировалось эвакуировать в Казань. Вероятно, предполагалось слияние с Зеленодольским ОТБ. 21 июля 1941 г. этап заключенных был отправлен в Казань, но благодаря военной неразберихе оказался в Томске¹¹. И только в июле 1942 г. инженеры-конструкторы прибыли в Молотов. В ПермГАНИ сохранился протокол заседания бюро Сталинского районного комитета партии г. Молотова (современный Свердловский район г. Перми), на котором рассматривался вопрос о возможности создания партячейки при спецтюрьме, прибывшей из Томска¹². Вполне вероятно, что ученые-заключенные были первоначально размещены в ИТК № 1, находившейся в районе современного театра кукол, пока им не подыскали небольшой двухэтажный домик на улице Ким¹³. На пушечном заводе в Мотовилихе существовало свое опытно-конструкторское бюро под руководством главного конструктора С.П. Гуренко. Но, судя по заявлению коллектива конструкторов этого бюро, начиная с 1940 г. «...бюро работает без малейшей отдачи... За указанный период времени бюро не внедрило на валовое производство ни одного своего нового образца артиллерийских машин. ...Большинство остальных машин 1941–1942 гг. либо не выдержали испытаний, либо их отладка затягивалась на долгие годы, ввиду чего они теряли свою актуальность, что приводило их так же в архив или на склад»¹⁴. Под заявлением подписалось 13 конструкторов. Появление еще одного КБ на заводе оживило научную мысль и внесло элемент соревнования между конструкторами. Так, разработку 45-миллиметровой противотанковой пушки поручили сразу нескольким КБ. ОКБ Мотовилихинского завода предложило вариант М-6, эвакуированное ОКБ – М-42. При испытаниях выстрел из М-42 оказался кучнее¹⁵; т.е. вариант, предложенный

заключенными, был лучше. То же было и с проектом увеличения мощности 152-миллиметровой пушки МЛ-20.

Попытки руководства заводского КБ вести совместные разработки с ОКБ-172 пресекались: «С предложением о совместной работе я (Гуренко – прим. авт.) направился в ОКБ-172 к тов. Самарскому (зам. начальника ОКБ – прим. авт.), но последний наотрез отказался... Я целых три часа просидел в ОКБ-172, уговаривая Самарского, но ничего не добился. Надо отдать должное тов. Цирульникову, он сразу принял мою сторону, но его т. Самарский через некоторое время выслал в другую комнату»¹⁶. Отказ подтвердил и начальник ОКБ-172 полковник НКВД Иванов.

На счету лагерной «шарашки» ОКБ-172 – разработка пехотной противотанковой пушки М-42 («Аннушки»), модернизация гаубицы-пушки 152-миллиметровой МЛ-20 (позже использовалась в самоходке ИСУ-152), разработка 122-миллиметровой самоходки повышенной мощности М-22¹⁷, 76-миллиметровой дивизионной пушки БЛ-14, 85-миллиметровой противотанковой пушки БЛ-19¹⁸ и других.

Конечно же, условия жизни в тюремном КБ не походили на жизнь в обычном сталинском лагере. Питание было по специальным нормам, иногда превосходящим питание охраны. Попавший в ОКБ-172 В.Н. Яворский, до этого работавший тачечником на строительстве железной дороги Котлас – Воркута, вспоминал: «В этой спецтюрьме кормили лучше, чем в санатории, не давали только птичьего молока»¹⁹. Не нужно забывать, откуда попал в ОКБ Яворский, и более или менее хорошее питание казалось для него санаторным. Одеты заключенные были в штатское, но всюду сопровождалась конвоем. Причем на секретные полигоны конвой не допускался и ждал за оградой²⁰.

За годы войны Мотовилихинским заводом было выпущено 48,6 тысячи пушек, т.е. каждая четвертая, произведенная в стране²¹. Многие из них были разработаны заключенными инженерами. Ученые и изобретатели, осужденные за «вредительство», названные «врагами народа», добросовестно и плодотворно трудились в тюремных конструкторских бюро. В тюремных КБ, находившихся в Перми – Молотове, были созданы мощнейшие образцы военной техники, разработаны новые технологии производства пороха и новые составы порохов.

В отчете Четвертого спецотдела НКВД СССР за 1939–1944 гг. приведены десятки изобретений – самолеты, моторы, пушки, подводные лодки, катера, радиостанции, прибор видения для ночного боя²². Особо были отмечены в отчете достижения мотовилихинского ОКБ № 172 – противотанковая пушка М-42, танковая 45-миллиметровой пушка ВТ-42, полковая 76-миллиметровой пушка образца 1943 г. ОБ-25, корпусная 152-миллиметровой пушка БЛ-7. Из этого же отчета можно узнать, что впоследствии Цирульников был не только освобожден в числе 156 специалистов 4-го спецотдела, но и награжден: «За работы, выполненные в 1943 г., представлены к соисканию Сталинской премии работники 4-го спецотдела тт. Васильев А.М., Куксенко П.Н., Цирульников М.Ю.» Следующее массовое освобождение заключенных-специалистов произошло в 1947 г.: «Представление министра вооружения СССР Д.Ф. Устинова, министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова, Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова, Главкомандующего Военно-Морскими силами И.С. Юмашева, начальника инженерных войск СА М.П. Воробьева И.В. Сталину о награждении Особого конструкторского бюро 172 и досрочном освобождении особо отличившихся заключенных-специалистов. От 13.07.1947 г.

За время своей 10-летней деятельности Особое конструкторское бюро 4-го спецотдела МВД СССР (ОКБ-172) выполнило важнейшие правительственные задания по проектированию артиллерийского вооружения, разработав 23 крупных проекта и создав свыше 60 научно-исследовательских работ»²³.

Из сохранившихся документов мы можем узнать примерное количество заключенных-специалистов – на языке ГУЛАГа это были «спецтормы с контингентом 150 человек при заводе № 172 (пушечный) и 20 человек при заводе № 98 (взрывчатые вещества)»²⁴. Эти особые конструкторские или технические бюро были засекречены и до сих пор мало известно о тех людях, которые, будучи осуждены, не совершив никаких преступлений, самоотверженно трудились и приближали Победу своими изобретениями.

Мемориальный музей-заповедник «Пермь-36» по крупицам восстанавливает память об этих людях.

Ведущим конструктором ОКБ при заводе № 172 был М.Ю. Цирульников, осужденный Особым совещанием НКВД по

58-й статье к восьми годам заключения. Михаил Юрьевич до ареста работал военпредом артиллерийского управления РККА при заводе № 8 в звании военинженера III ранга. При аресте ему предъявили обвинения в участии в «контрреволюционной организации и приемке заведомо недоброкачественной продукции на вооружение РККА»²⁵. Из воспоминаний сына Михаила Юрьевича – Игоря Михайловича – следствием допросов с пристрастием стала слепота на один глаз²⁶. Совсем недавно было рассекречено его архивно-следственное дело, хранящееся в ГАРФ. Из дела мы можем узнать, что следствие было закончено 8 февраля 1939 г. В заключении по делу бригавоенюрист Анкудинов написал, что вина М.Ю. Цирульникова по линии вредительства не доказана и рекомендовал передать дело на доследование²⁷. 23 февраля сержант госбезопасности Марков принял дело на доследование. Доследование велось по линии брата Михаила Юрьевича и троцкистской оппозиции 1927 г. В апреле 1939 г. лейтенант госбезопасности Румянцев подготовил «Заключение по делу», в котором было написано: «Вредительская деятельность не документирована, актов о доставке недоброкачественной продукции в части нет»²⁸. Тем не менее 23 апреля 1939 г. особое совещание при НКВД СССР осудило Цирульникова М.Ю. к восьми годам заключения в исправительно-трудовых лагерях за «участие в антисоветской организации и вредительство»²⁹.

М.Ю. Цирульников по ходатайству наркома вооружения Д.Ф. Устинова в 1943 г. был досрочно освобожден, другие конструкторы оставались в заключении³⁰. Причем Цирульников был только освобожден, но не реабилитирован, поэтому возвращаться в Ленинград ему было запрещено. С этого времени судьба Михаила Юрьевича Цирульникова была связана с нашим городом – сначала он стал главным конструктором завода № 172 им. Молотова, затем участвовал в разработке маршевого ракетного двигателя для межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2 (НПО «Искра»), преподавал в политехническом институте.

Похожая судьба была и у Давида Израилевича Гальперина – заключенного «шарашки» при Кировском заводе. После досрочного освобождения – главный инженер порохового завода им. Кирова в Закамске, зам. директора НИИ-130 при пороховом заводе, профессор.

Если наиболее выдающихся изобретателей зачастую досрочно освобождали и награждали орденами и медалями, то рядовые конструкторы и техники проводили в заключении и ссылке многие годы. Так, Георгий Васильевич Жуков, работавший в 1937 г. техническим руководителем Пермского кислородного завода, 28 октября был арестован и обвинен в участии в «контрреволюционном заговоре, главной целью которого ставилось свержение Советской власти». После одного допроса он был осужден тройкой НКВД по статье 58 УК к 10 годам ИТЛ. Два года провел в лагерях. В 1940 г. был взят в «шарашку» в г. Молотовск Архангельской области, где занимались разработкой артиллерийских систем, в 1944 г. был переведен в г. Молотов в ОКБ-172³¹. Бывший главный инженер Авиамоторного завода им. Сталина (современный завод авиадвигателей) Е.И. Брискин отбыл 10 лет в лагерях, колониях и «шарашках» за участие в «контрреволюционной вредительской организации». В годы войны работал в СКБ (специальном конструкторском бюро) над созданием новых авиационных двигателей. В 1950 г., когда закончился срок его заключения, он был выслан «бессрочно» в г. Балхаш Карагандинской области (Казахская ССР)³².

Благодаря сведениям, хранящимся на сайте Электронного архива Фонда Иоффе³³, и данным, собранным музеем-заповедником «Пермь-36», удалось восстановить историю судеб еще нескольких заключенных, бывших в пермских шарашках. Например, Лев Леонидович Каллистов. Родился в 1893 г. в д. Созиново Тормановской волости Солигаличского уезда Костромской губернии. Его отец Леонид Каллистов, был сельским фельдшером. После смерти Л. Каллистова по дороге к пациентам, земство направило двух его старших сыновей в кадетский корпус – на стипендию, выделенную костромским дворянством. Так в семье Каллистовых появились военные.

В годы Первой мировой войны Лев Леонидович служил штабс-капитаном 1-й гренадерской артиллерийской бригады. Награжден орденами Св. Станислава III степени, Св. Анны IV и III степени. После войн (Мировой и Гражданской) Лев Леонидович учился в Артиллерийской академии, откуда был отчислен в 1923 г. как выходец из дворян. С 1925 г. работал в Главном артиллерийском управлении Красной армии помощником начальника научно-технического отделения в чине интенданта I ранга. К моменту ареста Лев Леонидович был уже полковником.

Арестован в 1937 г. по обвинению в участии в антисоветской вредительской организации. Из протокола допроса от 19 января 1956 г. Л.Л. Каллистова старшим следователем КГБ можно узнать, как проходили следственные действия в Лефортовской тюрьме в 1937 г.: «...при избиениях на допросах сломали кисть левой руки и ребра». В 1940 г. он был осужден Военной коллегией на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Почти сразу Лев Леонидович был отправлен в конструкторское бюро под Москвой (*скорее всего в Болшево – прим. авт.*), а затем – в Кресты.

Его дочь – Татьяна Львовна – вспоминала, что они с матерью сначала думали, что Льва Леонидовича расстреляли: «На вопрос о его приговоре мы получили в тюремном окошке ответ: “Выслан без права переписки”. Мама уже знала, что это означает, как правило, расстрел. Но через два года папе удалось передать нам весточку – через рабочего того военного завода под Москвой, где папа работал в шарашке. Этот рабочий, рискуя своей жизнью, принес нам гербарий с папиным нежным посланием. И подпись, и искуснейшее исполнение не оставляли сомнений, что его собирал и готовил для нас папа».

В годы Великой Отечественной войны Лев Леонидович вместе со всей «шарашкой» из ленинградских Крестов был эвакуирован сначала в Томск, а потом в Молотов (Пермь), где всю войну работал над созданием новых и модернизацией уже существующих моделей пушек.

В 1947 г. его десятилетний срок закончился, но ему нельзя было жить во многих городах страны. Лев Леонидович поселился под Владимиром, где работал на заводе, производящем серпы. В 1948 г. его снова арестовали и отправили в ссылку в Северо-Енисейский район Красноярского края. Только после смерти Сталина ему разрешили вернуться в Москву, после 17 лет тюремного заключения и ссылки.

В 1955 г. он был полностью реабилитирован с формулировкой «за отсутствием состава преступления». Татьяна Львовна вспоминала: «С документом в руках я пришла к папе.... Трудно передать всю гамму чувств, которые отразились на его лице. Радость в нем боролась с острым чувством недоумения от сознания всей нелепости и бессмысленности ареста и последующих долгих лет неволи: “Зачем все это было?!”». Умер Лев Леонидович в 1966 г.

Николай Алексеевич Фриде. Родился в 1879 г. в г. Ташкенте в семье немцев-дворян. Окончил кадетский корпус и Академию генштаба. Служил поручиком 2-й батареи 37-й артиллерийской бригады, штабс-капитаном при Главном Артиллерийском управлении в Санкт-Петербурге. В годы Первой мировой войны стал подполковником. В 20–30-е гг. работал помощником начальника отделения 6-го отдела (дивизионная артиллерия) Главного артиллерийского управления РККА в чине интенданта I ранга.

Арестован 10 апреля 1938 г. «как участник антисоветского военного заговора». В мае 1940 г. осужден Военной коллегией к 10 годам ИТЛ. Л.Л. Каллистов в протоколе допроса от 19 января 1956 г. вспоминал: «...в январе 1938 г. я был помещен в камеру Бутырской тюрьмы, где содержался и Н.А. Фриде. В камере Фриде рассказывал, что на предварительном следствии его избивали, и для того, чтобы прекратить издевательства, он оговорил себя – признался в участии в антисоветской вредительской организации». В этом же допросе Л.Л. Каллистов сказал: «Я знаю его как квалифицированного и честного работника и, конечно, никакой вредительской работы он не проводил. Честно работал Н.А. Фриде и в период совместного со мной отбывания наказания... Мы вместе работали в одном подразделении ОКБ НКВД СССР». Это подразделение, вероятно, ОКБ-172. Никаких сведений до 1945 г. нет. В архивной справке УФСИН по г. Санкт-Петербургу указывается, что, по их сведениям, Николай Алексеевич прибыл 15 июня 1945 г. в спецтюрьму ОКБ (Кресты) из тюрьмы № 1 г. Молотова. Вероятно – это дата реэвакуации ОКБ-172 в Ленинград. 23 октября 1946 г. Николай Алексеевич умер в «Крестовской тюрьме в Ленинграде» в присутствии Льва Леонидовича Каллистова. В 1956 г. Н.А. Фриде был полностью реабилитирован.

С судьбами других ученых можно познакомиться на сайте «Мужество науки. Конструкторское бюро особого режима» (<https://sharashka.su>).

Конечно же, большинство бывших заключенных пермских «шарашек» к настоящему времени реабилитированы. Но имена их по-прежнему мало кому известны. А ведь во многом благодаря им, «врагам народа», которых государство сначала осудило за надуманные «антисоветские, террористические» деяния или

намерения, а вскоре доверило разработку важнейших военных систем и технологий, мы победили в решающих сражениях Великой Отечественной войны. Эти люди, находясь в заключении, конструировали оружие Победы, прежде всего новейшие артиллерийские системы, которые доказали свою мощь под Сталинградом.

¹ Николаев А.С. Большевицкая власть и «спецы»: «Ни малейшей политической уступки этим господам!» // Толерантность и власть: судьбы Российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 102.

² Рубинов М.В. Два дела о вредительстве (по материалам Вишерского ИТЛ) // Толерантность и власть: судьбы Российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 121–122.

³ Из протокола допроса в качестве свидетеля Шаламова В.Т., 17 мая 1931 г. // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14947. Л. 51.

⁴ Крук Н.С. История ОКБ-172 // Вестник «Мемориала». 2001. № 6. С. 46.

⁵ История сталинского ГУЛАГа. Т. 3. Экономика ГУЛАГа. М., 2004. С. 584.

⁶ Из приказа НКВД СССР № 0021 «Об организации Особого технического бюро», 10 янв. 1939 г. // История сталинского ГУЛАГа. Т. 3. С. 444.

⁷ Степанов М.И. Оборонный комплекс Западного Урала // И помнит мир спасенный...: материалы научно-практической конференции 27 апреля 2005 г. Пермь, 2005. С. 20.

⁸ История промышленности Пермского края. XX век. Пермь, 2006. С. 254–255.

⁹ Д.И. Гальперин. Ученый. Учитель. Патриот. Пермь, 2003. С. 13–14.

¹⁰ Плюснина О.М., Степанов М.Н. Военно-промышленный комплекс Западного Урала // Бессмертный подвиг народа. Пермь, 2000. С. 20.

¹¹ Крук Н.С. Орудия Победы // Вестник Мемориала. № 6. СПб., 2001. С. 50.

¹² ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 123. Л. 28.

¹³ В книге: История промышленности Пермского края. XX век. Пермь, 2006. С. 232 – приводится точный адрес – ул. Ким, 41.

¹⁴ ПермГАСПИ. Ф. 889. Оп. 1. Д. 413. Л. 2–3.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Ф. 889. Оп. 1. Д. 413. Л. 17–19.

¹⁸ Крук Н.С. Орудия Победы // Вестник Мемориала. № 6. СПб., 2001. С. 57.

¹⁹ Яворский В.Н. Автобиографическое повествование // Вестник «Мемориал». СПб., 2001. № 6. С. 73.

²⁰ История промышленности Пермского края. XX век. Пермь, 2006. С. 323.

²¹ Плюснина О.М., Степанов М.Н. Указ. соч. С. 20.

²² Отчет Четвертого спецотдела НКВД СССР // История сталинского ГУЛАГа. Т. 3. С. 445–450.

²³ Там же. С. 454.

- ²⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПО). Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 651. Л. 23.
- ²⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25574. Л. 1–2.
- ²⁶ Аудиоархив В.В. Дегтярникова. Воспоминания И.М. Цирульникова. Запись 2005 г.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д.П-25574. Л. 73–74.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д.П-25574. Л. 140.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д.П-25574. Л. 142.
- ³⁰ Воспоминания Яворского В.Н. // Вестник «Мемориал». № 6. СПб., 2001. С. 75.
- ³¹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10366.
- ³² ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10299. Т. 1.
- ³³ Электронный архив научно-информационного центра «Фонд Иоффе» [Электронный ресурс]. URL: <http://arch.iofe.center> (дата обращения: 15.08.2021).

*Веденеев Артем Рудольфович,
протоиерей Русской православной церкви (Пермская епархия)*

«ОТЦА АРЕСТОВАЛИ В МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ...»¹

Аннотация. Рассказывается история семьи автора, приводятся воспоминания о детстве и об отце – известном художнике, скульпторе Рудольфе Борисовиче Веденееве. Эти воспоминания содержат информацию и об облике Перми второй половины XX в., и эпизоды из жизни семьи, рассказанные автору родственниками, и, наконец, его личные воспоминания. В этой семейной истории находят отражение события, которые затронули большую часть населения тогда ещё Советского Союза. Это и Великая Отечественная война, и быт послевоенного времени, и репрессии, и преследование инакомыслия.

Ключевые слова: история семьи, воспоминания, повседневность, Пермь, XX в.

*Vedeneev Artem Rudolfovich,
Archpriest of the Russian Orthodox Church*

"THE FATHER WAS ARRESTED ON MY BIRTHDAY ..."

Annotation. The author tells about the history of his family, recalls his childhood and his father, who was a famous artist, sculptor Rudolf Borisovich Vedeneev. These memoirs contain information about the appearance of Perm in the second half of the twentieth century, and episodes from the life of the family, told to the author by relatives, and, finally, his personal memories. This family history reflects the events that affected most of the population of the Soviet Union at that time. This is the Great Patriotic War, and the life of the post-war period, and repression, and the persecution of dissidence.

Keywords: family history, memories, everyday life, Perm, XX century.

В.В. Дегтярников: Дорогие друзья, мы начинаем одну из серии лекций «Культурно-воспитательной части». Сегодня у нас в гостях протоиерей Артемий Веденеев, и лекция протоиерея будет

¹ Запись публичной лекции, прочитанной 02.12.2020 г. в в Пермской краевой библиотеке им. А.М. Горького.

посвящена истории его семьи, фактически, истории его отца, Рудольфа Веденева, известного художника, скульптора. И я попрошу Вас, батюшка, начинать.

А.Р. Веденев: Сейчас для того чтобы определить, где находился наш дом, надо от угла школы №17 отсчитать три тополя, между третьим и четвертым тополем находились ворота в наш двор, проезд. Соответственно, начиная с четвертого тополя, в сторону 35-го двора, которого сейчас тоже нет, в сторону ЦУМа, вот как раз наш дом находился. Вообще, примечательно, что после того как наша квартира, квартира над нами и рядом с нами были признаны аварийными, потому что угол, можно сказать так, моей комнаты, выпадал, а в стене, где было окно, была такая трещина, что улицу было видно. Так вот, после того, как мы оттуда переехали, через какое-то время стали расселять весь дом. Весь дом переехал, и оказалось, что только в одном окне горит свет. Оказалось, что в нашей аварийной квартире живёт одинокая женщина, которая к нам никакого отношения не имела и родственником нашим не являлась. Но вот примечательно, можно сказать, что мы как некий последний форпост дома № 33. В начале, как отец рассказывал, до начала Великой Отечественной войны, извините за повтор, семья жила на втором этаже. Это купеческий дом, и окна большие на втором этаже, вот это, скорее всего, наши окна. А вот в этом месте, вот видите, две калиточки, сидел сапожник. Я готов предположить, что где-то вот здесь семья отца жила. Значит, старший брат отца, Рэм [Арнольд Борисович Веденев], [19]35-го года рождения, сам папа [19]39-го, их младшая сестра, соответственно моя тётя Инна, она вообще родилась перед Великой Отечественной войной. И вот где-то ближе к весне 1941 г. было решено, что в начале лета семья поедет сначала к родителям мужа, то есть моего деда, Бориса Петровича, в Ленинград, а потом уже оттуда поедут на родину бабушки, под Вышний Волочок. В общем хотели показать всех детей. Уже билеты были взяты, но получилось так, что вначале уезжала бабушка, Любовь Семёновна, со старшим Рэмом, средним Рудольфом [и младшей Инной], то есть с тремя детьми на руках. Сели они на Перми-II и поехали. Договоренность была такая, что отец, ну дед в данном случае, Борис Петрович, потом сам приедет и догонит их в Ленинграде. Но когда бабушка приехала в июне 1941 г. в Ленинград, выяснилось, что с работы

деда не отпускают, несмотря на то, что, повторюсь, билеты были на руках. Да и вообще, дед был не последним специалистом в трамвайном депо, поскольку в 1935 г. ему подарили подписной именной специального заказа чернильный набор, он сохранился у нас в семье. Такой вот, две чернильницы, подставка для ручки и написано «Веденееву Борису Петровичу от работников за ударный труд». Вышло так, что деда, Бориса Петровича, призвали, и его никто не провожал, поскольку бабушка была в Ленинграде в тот момент. Какое-то время им можно было ещё пожить в Ленинграде, недолго, недели две-три от силы. И бабушка решила, что пока поезда ходят, надо доехать к её родителям. В общем, представляете, с тремя детьми, да ещё с какими-то пожитками, а Инна-то вообще же маленький ребёнок, приехала к своим родителям. И уже известно, что началась война. Эту зиму первую они как-то там перебрались, было достаточно непросто, я бы так сказал. Хотя понятно, что жили в деревне, какие-то запасы были. Тем более дед наш, ну то есть прадед, был кузнец, то есть всегда востребован. Ну и какие-то ещё может быть были с собой проездные документы, позволяющие хоть где-то что-то приобретать. Весной 1942 г. пришла похоронка на деда: «Настоящим сообщаем, что ваш муж, Веденеев Борис Петрович, верный присяге, погиб смертью храбрых». Тогда уже стало ясно, что вторую зиму уже так не пережить. И как это ни прискорбно звучит, сам факт наличия официальной бумаги, он каким-то образом позволил семье выжить. Потому что дедушка погиб в боях под Ржевом, вот в тех местах, где сейчас памятник стоит, вы знаете. И если бы он пропал без вести, по реалиям того времени, семья не получила бы ничего, то есть просто ничего. И хуже того, стали бы социальными изгоями. Представляете, что такое во время войны пропавший без вести? Это всё равно, что в изменники тебя записывают. А так, пришлось бабушке брать детей, какие-то продукты родители насобирали им в дорогу и на какой-то там, скорее всего, полуторке, вместе со своими «товарками», как тогда говорили, то есть с такими же женщинами, у которых в общем дети на руках, они поехали на железнодорожную станцию. И вдруг по дороге попали под обстрел. Отец, кстати, потом вспоминал этот звук, нагнетаемый самолётом, который, по сути, приближается к земле, чтобы расстрелять. Все пожитки брошены, разбегаются все в разные стороны. Самолёт отстрелялся,

улетел, и начинают всех обратно собирать. Ну, вот тут вот, как я понимаю, папа рассказывал уже со слов бабушки, что уже все там собрали какие-то свои пожитки, залезают обратно наверх, а отца нет. Не могут найти. Вот уже Рэма нашли, ну Инна понятно у бабушки на руках, а отца нет. Товарки начинают бабушку торопить, ну мало ли, может немец пострелял, убил мальчонку, жалко конечно. И тут бабушка им говорит, что я пока его не найду, я никуда не уеду. И бабушка принялась его искать. А оказывается, во время налёта, тогда было отцу почти 4 года, меньше даже, отец забился в поленницу, испугался. В том числе и от шока, тут взрослому-то человеку хватало, чтобы испугаться. Бабушка его зовёт, а отец не может ей ответить.

Ну, слава богу, нашёлся, и вот вернулись вновь в город Пермь. Попытались в этот наш дом прийти, а оказалось – квартира занята, уже год прошёл. Мало того, что квартира занята, почти все вещи, связанные в узлы простынею покидали в наш дровяник. Ну что там с ними стало за год. А всю остальную мебель, которая там чудом могла сохраниться, её пожгли, дрова ведь нужны, зима. И в результате единственную выделили комнатушку в этом же доме, со двора, дореволюционная постройка, так называемая летняя кухня. То есть одна стена-то ещё ничего, а вот вторая, как впоследствии, в общем, выяснилось, никуда не годится. И вот в этой маленькой комнатушке, в которой потом ваш почкорный слуга тоже жил, жила бабушка с тремя детьми. Слава богу, в этой комнате была печка и одно окно. Я вот, сколько себя помню, у нас каждую весну сирень буйно цвела, да так, что света белого не видно. Но, может, это какое-то такое утешение было своеобразное. Кроме нашей комнаты, которая было прямо, была ещё одна, которая перпендикулярно размещалась. Там жила ещё одна семья, нам, конечно, не родня. Мне было лет 5, может быть чуть старше, у них была девочка, дочь, которая может и была меня старше, но не намного, на полгода, может месяцев на семь. И вот что-то с ней произошло. Я помню, дверь так полуоткрыта, взрослые что-то сдержанно говорят, и было понятно, что ребёнок умирает. Это к тому, чтобы был понятно, откуда у нас вторая комната появилась. Девочка умирает, и через какое-то короткое время эта осиротевшая семья уезжает. Вот эту комнату с промерзающим углом отдали нам.

Раз уж про квартиру заговорил, чтобы ситуация по ней была понятна. У нас среди сохранившихся книг есть небольшой такой Устав ВКП (б) 1929 г.р. Да-да-да, вообще чудом сохранившийся раритет. Причём он подписан, карандашом написано: «Чуркин». Я думаю, что, скорее всего, откуда к нам ещё мог попасть устав ВКП (б), это подарок нашего соседа, который жил на первом этаже, дяди Вадика Чуркина. Дядя Вадик проходил свидетелем по Пермскому делу, он и его жена, тётя Валя. После того как мы уже переехали, а мы с дядей Вадиком переехали в один дом, он мне как-то говорит: «А вот знаешь, квартиру-то вашу ведь слушали». Я говорю: «Как так, дядя Вадик?». Он говорит: «А вот так. Человек, который над вами жил, к нему в комнату приходили люди из КГБ и, уж не знаю, какой там аппаратурой, прослушивали всю квартиру». Ну, это немудрено, деревянные же перекрытия. Ещё раз повторюсь, это летняя кухня, там ничего капитального не было, за исключением одной стены.

А квартира, которая была над нами, уникальная, я бы сказал, овеянная многими трагическими легендами. Отец рассказывал мне, что когда они приехали и стали жить постоянно в этом доме, из этой большой комнаты был виден дровяник. Дровяник этот был необыкновенен тем, что в три ряда весь был опоясан цепями, может быть, с мизинчик толщиной. Оказывается, был такой период, во время войны, до года может 45-го или 46-го, над нами в этой квартире жил какой-то мужчина, который занимал какую-то должность на некоем продуктовом складе. Ну, можете себе представить, что там творилось. Весь двор был в курсе, что он привозит и когда. Выглядело это так, подъезжала машина вплотную к дровянику, туда заносились какие-то коробочки, ящички, мешочки, потом это всё закрывалось на замок. А хозяин за сохранностью всего этого наблюдал со своего окна. У нас было одно окно, а наверху было двойное. Но наблюдение это ему особо не помогло, новость эта стала достоянием всей округи. Как потом выяснилось, хозяин стал понимать, что он привозит свои запасы, а они убывают. Вот он привезёт, а они не увеличиваются. А вокруг этого дровяника же, как муравейник, все налепили, кто что хотел. Ничего лучше он не придумал, как раздобыть где-то ружьё и охранять своё утащенное добро прямо внутри дровяника. Закончилось всё скорбно, в одну из ночей, уж не знаю, то ли он там задремал, то ли

ещё как, отжали несколько досок из соседних дровяников. Условно, залезли в дровяник дяди Володи Палкина, а потом из дровяника дяди Володи Палкина в дровяник дяди Серёжи, а из дровяника дяди Серёжи уже сюда. Они его зарезали там, представляете, прямо внутри. То есть он ни охнуть, ни ахнуть, ни выстрелить не успел.

А потом подошло время, в конце войны папа пошёл в 21-ю школу, где было раздельное обучение, мальчишечьи классы отдельно, и девчоночьи отдельно. Как всякий нормальный человек, он сел на последнюю парту, на «камчатку», чтобы не вызывали. И вдруг оказалось, что в кои-то веки классная дама вызывает папу к доске и говорит ему, например, Веденеев, напиши. И пауза повисает. Как так? Вызывают бабушку в школу и спрашивают: «А вы ребёнком-то занимаетесь дома? Он делает домашнее задание?». Она отвечает: «Ну да, делает». На самом деле, ему брат старший помогал, Рэм. А учительница ей говорит: «Любовь Семёновна, так он у вас не видит же ничего». Оказалось, что все эти последствия переездов, войны, голода, они таким образом сказались. Видит, как в тумане. Повели к врачу, он сказал, что нужны очки. Я даже, честно говоря, не знаю, какое зрение у него с детства было. Но то, что по сути дела всю жизнь очки, это точно. То есть со второго класса. Во втором классе отцу пришлось пройти двойную программу, то есть программу первого и второго класса.

... Итак, со второго класса отец начал носить очки. Я его спрашиваю: «Папа, как ты в школе-то сидел?». Он говорит: «Я думал, так и надо, что все так видят, как я». Я говорю: «Ну как так-то, ты же куда-то смотрел, на что-то ориентировался». Он говорит: «Так мы на что смотрели-то?». Я говорю: «Не знаю, на доску, или ещё куда-то». Он: «Да нет, на какую доску! На подоконник». Я спрашиваю: «А причём здесь подоконник-то?». Он говорит: «А притом. Дежурный в классе ходил в столовую школьную с ящиком. Этот ящик был разбит на ячейки, у каждой ячейки была написана фамилия, в эту ячейку дежурному повар выдавал пайку хлеба. Дежурный шёл в сопровождении. Приносил в класс, то есть все знали, что всем по кусочку хлеба лежит. Чтобы не было никаких недоразумений, дежурный клал этот ящичек на подоконник, а класс следил. Я говорю: «За кем следил-то?». Он говорит: «Да за крысами». Я говорю: «Как так, за крысами?». Он говорит: «Да так, крысы стали воровать наш хлеб, самые наглые заскакивали на по-

доконник, хватали, что попало, и бежали. Мы же тоже, дети войны, неглупые же парни, и мы придумывали хлеб подвешивать». Я говорю: «Как это так? Куда его подвесишь-то?». А он говорит: «А у нас крюк для люстры был. Мы, придумали закинуть туда верёвку, на неё привязали наш ящичек с выдвижной крышкой, и подтянули к потолку. Ну и думаем, что на потолок крысы не залезут. Но тут, если бы я сам не видел, я бы не поверил. Наглые крысы способны залезть на потолок по абсолютно вертикальной стене. Ну и, естественно, весь класс подобного хамского отношения стерпеть не мог, и как только раздавался крик “шума” или “атас”, весь класс хватал, что попало, как то пеналы, тетрадки, учебники, и начинал пулять по этим крысам наглым, которые хлеб воровали. Вот это мы видели, чего на доску-то смотреть».

Когда врачи подобрали очки отцу, он сам рассказывал, как будто вообще другой мир стал, и красочный, и яркий, и интересный. Наверное, с этих детских пор папа стал активно читать, и много всего перечитал. Нашёл несколько блокнотов, к сожалению, записи в них утеряны, так вообще впечатление такое, что не только Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, но и Ленина, и Каутского, и в общем много чего было перечитано. И причём не только перечитано, но и законспектировано, представляете себе. Я думаю, большая часть и книг, и тетрадок отца были изъяты во время Пермского дела и, может быть, потеряны навсегда. У нас стеллаж от пола до потолка, отец сам делал, всё было заставлено книгами, журналами, тетрадками, прямо до потолка. А потом уже, прямо скажем, места стало больше, потому что всё, что там стояло, всё исчезло.

Мама мне рассказывала, что как только я родился, папа пошёл и купил сто билетов в спортлото. Говорит, купили эту радиолу, «Эстония» она вроде называлась, которая очень хорошо ловила «Голос Америки» и «Немецкую волну», по-моему. Факт моего рождения, наверное, благосклонно был воспринят западными, чуждыми голосами, в этом смысле. Ну и разговоры такие были, что надо же заниматься мне, надо читать, писать, считать. И вот, когда мне исполнилось шесть лет, отец принёс большую, как мне тогда казалось, в детстве же всё большое, коробку, кубики, башенки такие. На нашем столе я целый город построил, со всякими переходами. Тогда было принято, что потенциальные первоклассники

заранее должны как-то себя обозначить и записаться. Как-то так получилось, что из нашего 77-го детского сада чуть ли не вся группа, которая жила рядом, пошла в один класс. Перед тем как пойти в школу, поехали мы всей семьёй в деревню. Рано-рано утром, только-только рассветает, в бане дверь открыта, роса на траве, и вот слева, маленькое такое окошечко, и на нём стоит спелая жёлтая груша. Причём она стояла там каждое утро. Отец говорит: «Пока ты спал, зайчик приходил, принёс тебе грушу». И вот так почти каждый день было. Потом уже был август, мы поехали домой, потому что всё-таки надо в школу собираться. Мне купили новый ранец, такой серенький с ляпочками, тетрадки. Если помните, были такие палочки для счёта, красные палочки, синие палочки. У меня даже азбука была, с буквами.

И вот 1 сентября собрались мы в школьном дворе. Тогда ведь многим ребятам, с которыми мы пошли в первый класс, не было официально семи лет. Например, вот у меня день рождения 11 сентября, то есть на 1 сентября мне ведь нет семи лет. А у Сани Двинянинова(?), который жил на Коммунистической, прямо рядом с детским садом, у того вообще 14 октября. И так у многих. Вот мы, прямо скажем, тогда все невысокого росточка, с букетами, с ранцами своими. Причём ранец же надо было сложить серьёзно, не так, что одна тетрадка, а с учебниками, то есть один учебник, второй, третий, чтобы выглядеть как нормальный ученик. Пошли мы в первый класс, нас там тогда строили. Причём так интересно, сейчас вход в 17-ю школу не через подвал, как раньше, а в уголочке. И вот взрослые, тогда десятиклассники, брали нас за ручки и вели по широкой лестнице, мне казалось, она такая большая и всё такое гигантское. Я пришёл недавно туда: потолки узкие, всё темно, думаю, вот что годы делают со школами.

Ну в общем, праздник жизни иногда имеет свойство меняться и заканчиваться. Мы узнали, что дело Пермское организовали. И как раз 11 сентября, мой день рождения, я же уже всё-таки первоклассник, у меня уже есть белая рубашка нарядная. Причём не только рубашка, мне сшили бабочку, как у папы. И вот мы сидим, ждём отца, который должен принести какие-то вкусности, подарки. Но не суждено было этому всему сбыться, то есть папа не пришёл. Вот университет родной, где отец учился на истфаке [*демонстрирует слайд*]. И вот в начале арестовали отца, мне по-

чему-то кажется, что отец очень близко подошёл. Может быть квартал, между центральным гастрономом и улицей Газеты Звезда, примерно то место, где нельзя уйти проходными дворами. В этом квартале между [улицами] Сибирской (Карла Маркса бывшей) и Газеты Звезда нет ни одного проходного двора. А вот в нашем дворе можно было уйти проходными дворами чуть ли не до самой Камы, уйти куда хочешь, в общем. Вероятнее всего, где магазин (Табаки?), парикмахерская, напротив кинотеатра «Триумф», потому что на противоположной стороне можно было уйти проходными дворами на улицу Пушкина. Отца арестовали не только за чтение, но и распространение литературы, как это говорится «заведомо порочащей Советский строй». Ничего уже, конечно, не сохранилось, потому что всё, что было отпечатано, или через фотокопии, или через печатные машинки, у нас всё было изъято полностью, всё исчезло. Это вот статья, которая инкриминировалась Олегу Воробьёву, а это то, что отцу вменялось в вину [*демонстрирует слайды*].

В 1973 г., летом, после Кизеллага отец освобождается. И уже в октябре года срочно, на рысях, едем в город Владимир. Ну, ребёнок же никогда не видел города Владимира, надо ребёнку показать, храмы там, знаменитые ворота, музеи. Жили мы в гостинице «Владимир», а потом уже задним числом я узнал, что отец ездил на заседание к Олегу Воробьёву. Это как раз был достаточно переломный период, потому что Воробьёва после этого переведут сюда, в Пермь-36.

Дальше было ещё интереснее. В Ленинграде мы искали родню нашу. Дело в том, что история эта с дядей, это же реальный человек, ну, про которого отец рассказывал. У бабушки было два брата, вот один из них, Саша, всю жизнь занимавшийся спортом, здоровый такой. И вот он провожал свою девушку на поезд, и, как водится, сколько ни прощайся, всегда последних секунд не хватает. Он поднялся к ней в вагон, тут молодой чекист откуда-то появился, ну и достаточно по-хамски отозвался. Дядя ему сделал замечание. Он начал кричать, что он вообще не просто так тут, что он при исполнении, что он из органов [внутренних дел]. Ну, в общем, дядя его избил, набил ему морду. Дядю арестовали, он рассказывал, что он с бабушкой ходил его встречать на Пермь-II. Конечно, вернулся уже совсем другим человеком, инвалидом. Ещё не

раздавленный, не сломленный, но инвалид. Так вот. А был ведь ещё один брат, который остался в Ленинграде. По моим некоторым отрывочным данным, один из потомков вот этой линии Веденевых в Ленинградском театре оперы и балета был, вот искали их. Дядя Рэм был там с семьёй, мы там были, и папа потом ещё ездил. После войны, когда отец уже постарше был, ездил вот в те места, где дедушка погиб. И вот он рассказывал, как он с военруком местным говорил. Он заходит, говорит, вот такой-то... Он говорит: «По какому вопросу?» – «Ищу деда, который здесь погиб». Какие-то люди ходят и ходят, вдруг выходит военком и говорит: «Кто Веденева отца ищет? Иди сюда». Отец заходит, закрывает дверь. И тот говорит ему: «Я воевал здесь. Если ты ищешь конкретно могилу отца, то, конечно, такую конкретную могилу ты не найдёшь, есть только братские могилы».

По-моему, через два года [после освобождения Р.Б. Веденева], мы с отцом едем в Ленинград, примерно в этот же период туда ездил дядя Рэм, как он говорит, со своими девчонками. Понятно, что у нас там всё-таки родня, причём на нашей фамилии. Мне кажется, что вместе с этим какой-то там был человек, может быть два, который фактически стал «почтовым ящиком». Потому что спустя годы выяснилось, что между ними была какая-то связь. Причём не та, что принята между людьми, ментальная, а вполне конкретная, то есть они, может быть, переписывались, ну в общем, какое-то сообщение было. Потому что был один случай, очень малопонятный. Кажется мне, у кого-то возникло желание если не остановать отца, то припугнуть. Может быть, в архивах этого лечебного заведения что-то и сохранилось. Какой же это был год?.. В общем, как-то отец возвращался пешком с ВРЗ (вагоноремонтный завод). Мне тогда было девять лет, ездил на холодном трамвае со своими лыжами на жёстких креплениях, на валенках. И там, боюсь ошибиться на какой улице, вроде на Фонтанной, жил дядя Рэм, то есть брат отца. Что-то сподвигло отца ночью, правда, это было лето, идти домой. Ну, в общем закончилось всё скорбно, кто-то на него напал и сломал челюсть. Отец лежал там, где памятник медсестре, какая там улица-то... За «Алмазом», там какие-то медицинские корпуса, вот в них он лежал. Сейчас, конечно, задним числом, не имея точных данных, остаётся только предполагать. Но вообще, отец физически очень сильный человек – все эти фигуры,

скульптуры и отливки. Не могу назвать уж совсем сильным, но по тому, как он двигал их, понятно, что это всё было для него привычно. Когда отец рассказывал вообще об этом случае, мама у него стала спрашивать, как всё произошло. И он как-то сам собой не был доволен, ему сбили очки, пространство потерялось. У меня такое впечатление, конечно, не хочется быть буревестником, но почему-то это как-то связывается, скажем, так, с какими-то неформальными контактами отца, с тем же Воробьёвым. А почему я к этому склоняюсь: уже когда у отца была мастерская на перекрёстке улиц 25-го Октября и Луначарского, по-моему, в подвале, я у него как-то был. Какой это год... дай бог памяти, 1980-й какой-то... к нему пришёл какой-то молодой мужчина и у него такой огромный круглый значок. И на этом значке написано: «Спрашивайте, я член ДС» («Демократический Союз»).

Там была ещё одна девушка. Этот гость, который со значком, говорит: «Вы зачем тут бываете?». Я говорю: «Общаюсь». Он говорит: «Не надо вам с неформалами дружить, ни к чему хорошему это не приведёт». Проходит полгода, и оказывается, что этот носитель значка в Москве даёт пресс-конференцию, если вы знаете, о ком идёт речь, то поняли, хоть я никаких имён не называл... Я его видел один единственный раз в жизни, и фамилию сейчас не вспомню. Он даёт пресс-конференцию и говорит, что он внедрённый секретный сотрудник КГБ. Когда мне отец об этом говорит, я ему говорю: «Папа, откуда у тебя сей зелёный крокодил появился?». Он говорит: «Потому что я его знаю. На кого-то сослался, может на каких-то общих знакомых, ну пришёл и пришёл, чего выгонять..». Это всё к тому, что рассказ о том, что отца слушали в 68-м году не выглядит особо фантастичным, не выглядит, в моём понимании. [*Демонстрирует слайд со скульптурой «Через человека» Р.Б. Веденеева*] Попытался языком скульптуры показать, как можно перешагнуть через человека, какими бы внешне благовидными оправданиями это не прозвучало.

Если я что-то не рассказал, спрашивайте, а я что-нибудь отвечу.

Веденеев Артем Рудольфович,
протоиерей Русской
православной церкви (Пермь)

**Гонтмахер Евгений
Шлемович,**
доктор экономических наук,
профессор Высшей школы
экономики (Москва)

Гордин Яков Аркадьевич,
редактор литературно-художественного, общественно-политического независимого журнала «Звезда»
(Санкт-Петербург)

Дегтярева Мария Игоревна,
доктор философских наук, кандидат исторических наук, Пермская епархия Русской православной церкви

**Дегтярников Вячеслав
Валентинович,**
член правления Союза журналистов Пермского края

Измозик Владлен Семенович,
доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени проф. М.А. Бонч-Бруевича

Кантор Юлия Зораховна,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского инсти-
тута истории РАН, профессор
Российского государственного
педагогического университета
им. А.И. Герцена

Колдушко Анна Анатольевна,
кандидат исторических наук,
доцент Пермского национально-
го исследовательского поли-
технического университета

Нечаев Михаил Геннадьевич,
кандидат исторических наук,
главный научный сотрудник
Музея-заповедника «Пермь-36»,
доцент Пермского националь-
ного исследовательского поли-
технического университета

Тихонов Виталий Витальевич,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории
РАН, профессор Российского
государственного гуманитарно-
педагогического университета

Шевырин Сергей Андреевич,
кандидат исторических наук,
заведующий научно-методическим
отделом Музея-заповедника
«Пермь-36», доцент Пермского
государственного гуманитарно-
педагогического университета

Научное издание

Культура. Власть. Человек

Материалы лекций

Редактор и корректор *М.Н. Афанасьева*

Отпечатано в типографии «Форвард-С»

(ИП Худяков С.А.)

614033, г. Пермь, ул. Куйбышева 140Б

Тел. (342) 205-54-41,

e-mail: forward-s2011@yandex.ru

Тираж 200 экз. Заказ № 1700